

В. И. ТАЛАНИН

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДОВАРЯЖСКАЯ
АРИСТОКРАТИЯ X-XVI ВВ. И ЕЁ ПОТОМКИ:
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. И. ТАЛАНИН

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ДОВАРЯЖСКАЯ
АРИСТОКРАТИЯ X-XVI вв. И ЕЁ ПОТОМКИ:
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Запорожье

2015

УДК [929.52 + 929.7 + 94(47) + 908 (470+571)]

ББК 63.3(2)4

Т 160

Таланин В. И.

Т 160

Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. – Запорожье: ЗНУ, 2015. – 168 с.

ISBN 978-966-599-512-8

Книга посвящена восстановлению генеалогии боярского рода из Неревского конца Великого Новгорода: Нискиничей (X-XII вв.), Малышевичей (XII-XIII вв.), Мишиничей-Онцифоровичей (XIII-XVI вв.). Показано, что его родоначальниками являются последний наследственный князь Древлянской земли («государства Дира» арабских источников) Нискиня и его сын Добрыня, дядя по матери В.К. Владимира I Святославича, ставший прототипом былинного Добрыни Никитича. Установлено, что после XVI в. потомками этого аристократического рода стали несколько провинциальных русских родов: Таланины, Пономарёвы, Проскурниковы (Нижегородская губерния), Леонтьевы/Лентьевы, Молодых Бояр, Кологривовы, Амосовы (Архангельская губерния).

Предназначается как для профессиональных историков, генеалогов и учащихся, так и для всех, интересующихся русской историей.

УДК [929.52 + 929.7 + 94(47) + 908 (470+571)]

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-966-599-512-8

© В. И. Таланин, 2015

Оглавление

1. Введение.....	4
2. Боярство Неревского конца Великого Новгорода и его связь с семьёй Леонтьевичей XVI в.....	17
3. Боярство Неревского конца Великого Новгорода до XIII в. и его связь с родом Мишиничей-Онцифоровичей.....	52
3.1. Семья Малышевичей и её связь с Мишиничами.....	52
3.2. Начало рода: неревское боярство в конце X – начале XII вв.....	75
3.3. Древнейшие предки рода (VI в.).....	118
4. Двинская ветвь неревских бояр (Григорьевичи) в XIV-XVI вв. К вопросу о родовых легендах потомков неревских бояр.....	124
5. Выводы.....	145
Список использованных источников и литературы.....	152

*«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих Царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют»*

*А.С. Пушкин (1799-1837),
драма «Борис Годунов» (1831)*

*«А лепо ны было, братие,
Поискати отец своих и дед своих пути.
И своя чести!»*

*В.К. Мстислав II Изяславич [1167-1169]¹,
Ипатьевская летопись*

1. Введение

В нашей предыдущей работе мы восстановили генеалогическую схему собственного рода Таланиных с посл. четв. XVI в. до настоящего времени². Корни нашего рода происходят из г. Богородск Нижегородской области: с. Богородского Горбатовского уезда Нижегородской губернии (до 1923), с. Богородского Берёзопольского стана Нижегородского уезда (до 1775), сельца Подолец Берёзопольского стана Нижегородского уезда (до ок. 1587).

Первым предком, носившим фамилию «Таланин», был Василий Афанасьев сын Таланин (р. до 1701 – 06.I.1779). С 1750-х до 1785 и с 1799 гг. род Таланиных

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются даты жизни, в квадратных – служебные сроки.

² Таланин В.И. Род Таланиных в истории Богородска // Краевед Берёзополья – 2015. Ч. 2 / Предс. редколл. А. В. Любавин. Богородск, 2015. С. 3-200.

числился во внутрисословной категории «торгующих крестьян». Согласно Указу 1824 г. Таланины числились в 4-м разряде «торгующего крестьянства», будучи т.н. «одновотчинниками», иначе – «капиталистами крестьянами» шереметевских вотчин. Уже в 1830-х гг. они имели кожевенное производство и наемных работников. Согласно законам 1863 и 1898 гг., Таланины, оставаясь в крестьянском сословии, числились «временными купцами 2-й гильдии». В 1917 г. наш прямой прадед – Василий Иванович Таланин (18.VI.1900 – 20.VII.1969) – получил права потомственного дворянства (по награждению орденом Св. Георгия IV ст.). Персональный состав Таланиных был изучен нами детально, включая все боковые ветки; численность выявленных персон превысила 450 чел.

С 1620-х по 1720-е годы предки Таланиных являлись представителями белого приходского духовенства. Выявленный предок – Савва Корнильев, прозвище *Окомор* (р. до 1605/1608 – ум. 1667/1678), – впервые фиксируется пономарём сельской церкви Рождества Пресвятой Богородицы (1621/1623), затем переходит в статус бобыля (1646) и пахотного крестьянина (1667). От его старшего сына пошли Таланины, первые представители которых служили диаконами и священниками при Рождественской церкви. Младшие дети унаследовали крестьянский статус (Пономарёвы). Ломка общественной структуры, предпринятая Петром I, привела к вынужденной смене нашим родом своей сословной принадлежности. Согласно законам 1711 (о служении в приходах по одному попу и диакону) и 1722 (о положении в подушный оклад всех ранее бывших попами, диаконами, а также их детей, внуков и всех свойственников) годов, Таланины стали помещичьими крестьянами.

Сохранившиеся документы 1597-1600 гг. позволили установить часть поколения, предшествовавшего Савве Корнильеву, а также происхождение от общего предка ещё одного крестьянского рода (Проскураковых).

По преданиям, будущий г. Богородск возник ок. 1570/1575 гг. в виде сельца Подолец близ участка Муромско-Нижегородского тракта от Павлово до Нижнего Новгорода. Считается, что сельцо основали выселенные из Великого Новгорода в ходе репрессий 1570-х гг. новгородцы. До 1588 г. некий купец поставил здесь церковь Рождества Пресвятой Богородицы, и сельцо Подолец было в результате

этого переименовано в село Богородское³. Эти сведения критикуются, т.к. материалов переписей Нижегородского уезда 1565, 1571 и 1576 гг. не сохранилось, а первая перепись, упомянувшая Богородское, датируется 1588 г. Отсюда делается вывод о том, что можно говорить лишь об основании Богородского до 1588 г., причём говорить о новгородцах здесь нельзя, т.к. летописи ничего не указывают о местах их переселения в 1570-х гг.⁴

Информация о переселениях компактных групп новгородцев в 1570-х гг. всё же сохранилась. Они появились в Суздале, где до 1580 г. возвели собор Ризоположенского монастыря⁵. Некоторое количество новгородцев появилось в Муроме⁶. По местным преданиям в 1570-х гг. в Нижнем Новгороде оказывается в ссылке некий новгородский боярин. Как отмечал основатель нижегородского краеведения Н.И.Храмцовский (1818-1890), его имя осталось неизвестно, «но полагают, что он был человек очень значительный». Далее автор добавлял: «В Ардатовском уезде (Нижегородской губернии), где было поселено много новгородцев, поется и донныне следующая песня:

*Грозен был воин - чарь наш батюшка
Первый чарь Иван Васильевиць,
Сквозь дремучий лес войском силою
Он прошол в страну татарьскую.
Себе чарьство взял Казаньское
Госьподарство Астраханьское.
Вывел Перфила из Нова-города,
Не вывел измену в каменной Моськве.*

³ См.: Павлов А.А., Орфанов И.К. Города нашей области. Горький, 1969; Башикиров В.В., Башикирова Л.Р. Богородск – годы, события, люди. Н. Новгород, 2000; Смирнова М.А. Историческая справка // Богородская газета. 10.XII.2003.

⁴ Ледров С.М. Кожевенная промышленность села Богородского до середины XIX века // Богородск – город кожевников. Материалы краеведческих чтений / Общ. ред. А.В.Любавина. Богородск, 2013. С. 12-14; Село Богородское в XVII веке: документы и исторический очерк / Сост. С.М.Ледров, В.М.Беляева. Н. Новгород, 2014. С. 72-73.

⁵ Суслов В.В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888. С. 19; Варганов Л.Д. Суздаль. М., 1944. С. 28-29; Седов В.В. Собор Ризоположенского монастыря в Суздале // Новгородские древности. 2000. Вып. 5. С. 184-199.

⁶ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 406.

Эта песня списана со слов крестьянина Ардатовского уезда, села Кужендеева, с сохранением местного выговора»⁷. Этот боярин на свои деньги возвел в нижегородском кремле Сошествия Святого Духа монастырь *в память новгородского Духова монастыря*. Он с восемью новгородцами принял монашество, был наречён Порфирием и стал игуменом, скончавшись вскоре до появления Лжедмитрия I, т.е. до октября 1604 г. В 1580-1604 гг. монастырь получил из казны немало владений и иных привилегий⁸. По данным Н.И.Храмцовского, новгородцы в 1570-х гг. возвели в нижегородском кремле ещё и Симеоновский монастырь, в честь Симеона Столпника⁹.

О Симеоновском монастыре информации не сохранилось, а древнейший акт, касающийся Духова монастыря, датирован 1 ноября 1580 г. В этом акте излагается текст челобитной Порфирия о том, что «внутри городе у Егоровских ворот» он строил «храм Духа Пречистаго да придел Николы Чюдотворца в Нижнем в городе и братии собрал восемь человек, а Государева де жаловане им руги хлеба и денег не идет и рыбных ловел и пашен и сенных покосов к монастырю не дано»¹⁰. Об этом верно подмечалось следующее: «Из краткой записи ясно: монастырь был совсем молодой, необеспеченный, с малочисленной братией, на кремлёвской территории только обустроивался»¹¹. Поэтому основание Духова монастыря надо относить либо к 1580, либо – в крайнем случае – к 1579 году¹². То есть боярин «Порфирий» явно не был в составе известных по летописям новгородских выселений 1569 и 1571 гг.

Новгородский Духов монастырь был возведён в первой половине XII в. (упом. 1162) за городской чертой, в районе, который по мере расширения города на исходе XIV в. вошёл в состав Неревского конца. Известно, что церкви и

⁷ Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1859. С. 127.

⁸ Там же. С. 50-54.

⁹ Там же. С. 58-59.

¹⁰ Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. Н. Новгород, 1913. № 37. С. 58-59; № 45. С. 63.

¹¹ Чеченков П.В. «Град» и «посад» в Нижнем Новгороде XIV–XVI веков (по письменным источникам) // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Н. Новгород, 2012. С.15-16.

монастыри в том или ином новгородском конце возводились на средства руководивших концами боярских родов. Эти церкви были приходскими или вечевыми, а монастыри, как правило, являлись родовыми усыпальницами. То есть Порфирий, будучи новгородцем, заботился о тамошнем Духове монастыре. Кроме того, если Порфирий в 1580 г. «человек очень значительный», то он родился не позже конца 1510-20-х гг. Потомок москвичей не успел бы так полюбить Духов монастырь, чтобы перенести его образ в Нижний Новгород. Также об «очень значительном» человеке из москвичей должна была бы остаться официальная информация. Наконец, песня о Порфире никак не даёт понять, что он был в опале. Таким образом, указание предания на то, что Порфирий основал нижегородский монастырь в память такого же новгородского, позволяет рассматривать его основателя как потомка древненовгородского боярского рода, обитавшего в Неревском конце.

Существуют данные, косвенно свидетельствующие в пользу предания об основании с. Богородского новгородцами: от лингвистических до топонимических (с XVI в. до 1920-х гг. ряд богородских улиц назывался «концами»)¹³. Краеведческие предания говорят о занесении в нижегородский

¹² Таланин В.И. Указ. соч. С. 75.

¹³ Там же. С. 17-24. Можно было бы думать, что кончанское деление сельца Подолец не обязательно должно связываться с Новгородом. Действительно, для городов Новгородской земли (Новгород, Псков, Ладога, Старая Руса, Корела) кончанское деление было природным. См.: Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 33-34. Интересно, что кончанское деление встречается и вне Новгородской земли: 1) 3-5 концов – в Ростове, Смоленске (XV в.); 2) 2 конца – в Серпухове (XVI в.); 3) по 1 концу – в Москве, Туле (XV/XVI вв.), а также в Туле, Великом Устюге, Твери, Нижнем Новгороде (XVII в.). См.: Там же. С. 36; Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. М., 1976. С. 17-31. Однако после XIII в. русские города зарождались по-иному: возводилась крепость, вокруг которой начинал расти посад. Поэтому были сомнения, считать ли кончанское деление иных городов Руси в XV-XVII вв. случайным заимствованием понятий или «пережитками кончанской системы». См.: Арциховский А.В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 11. Однако в нашем случае, как кажется, неприменимы обе оценки. Известно, например, что в XV в. понятие «конца» использовалось в неновгородской сельской местности, где этим словом обозначались совокупности деревень. См.: Греков Б.Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 4. С. 184-185. В сельце Подолец концами назывались улицы, поэтому пример, отмеченный Б.Д.Грековым, здесь не подходит. В то же время, какими «пережитками» можно объяснить городское устройство новооснованного нижегородского сельца в посл. четв. XVI в.? По нашему мнению, говорить о «пережитках»

регион кожевенного и гончарного ремесла именно пришлыми новгородцами. Учитывая это, а также, что неофициальным названием новгородского Людина конца был Гончарский, а Неревского – Кожевницкий, можно думать об основании Подольца-Богородского семьями из Людина и Неревского концов Новгорода Великого.

Известно, что каждый новгородский конец в виде боярской вотчины был отдельной патронимией. Т.е., в каждом конце утвердившаяся боярская семья сохранила свою власть до конца XV в.; новгородские бояре каждого из древнейших концов были непополняемой кастой аристократов, обязанных сословной принадлежностью происхождением от конкретного первопредка начального периода новгородской истории¹⁴. Резонно думать, что основавшие Подолец-Богородское новгородские группы были изначально объединены родственными узами в рамках своих групп и старались возродить на новом месте подобие своих патронимий.

Древнейшая церковь Подольца-Богородского может считаться таким же указателем на кончанскую принадлежность ее новгородских основателей, как и нижегородский Духов монастырь. В Новгороде было два храмовых сооружения в честь Рождества Богородицы, которые можно соотносить с Неревским или

можно применительно к достаточно древнему городу. Не подходит здесь и «случайное заимствование термина», т.к. оно использовалось в Подольце/Богородском многократно, а не однократно. Нужно полагать, что сельцо основали горожане, слишком хорошо знакомые с кончанским устройством. Принимая эту посылку, и учитывая богородское предание, мы должны обращать свое внимание только на Великий Новгород.

¹⁴ См., напр.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981; *Он же.* Новгород как социальная структура // *Феодалы в городе: Запад и Русь.* М., 1996; *Он же.* Основные итоги археологического изучения Новгорода // *Славянский средневековый город.* Тр. VI межд. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2; *Буров В.А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 36-37. Новые вливания и связанное с этим основание новых боярских семейств из представителей княжеской администрации происходило только в XIII в. См.: *Назаров В.Д.* О феодальном землевладении в Новгородской республике (К выходу книги В.Л.Янина «Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981») // *История СССР.* 1984. № 2. В то время люди, из которых произошли некоторые новые роды (напр., Дворянинцевы), назывались «огнищанами». См.: *Носов Е.Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // *История и культура древнерусского города.* М., 1989. С. 44-52. Род Дворянинцевых и прочие огнищане, по-видимому, изначально базировались в

Людиным концами: 1) Десятинный (Рождества Богородицы) монастырь Людиного конца, известный с XIII в.; 2) церковь Рождества Богородицы Перынского Богородичного монастыря. Церковь Перынского скита – второй по древности новгородский храм, который был основан ок. 995 г. на месте сокрушения посадником Добрыней статуи Перуна¹⁵. Впервые монастырь упоминается в 1386 г.; церковь датируется между 1207 и 1230-ми гг.¹⁶ Считается, что до XIII в. церковь была деревянной. По нашему мнению, этот монастырь, о древнейшем периоде которого, оговоримся, ничего не известно, тяготел к боярскому роду Неревского конца. Этот вывод мы делаем исходя из того, что именно к этому роду принадлежали главные деятели новгородской христианизации; обосновать этот вывод мы позволим себе ниже. То есть можно думать, что шансы у выведенных новгородцев были равны, и сельская церковь стала святым местом для всех¹⁷.

Купец богородских краеведческих преданий был найден в бумагах новгородской таможни 1571-1587 гг.¹⁸ В 1570-х гг. местными целовальниками были три члена одного рода: 1) *корыстный купчина* Лукьян Леонтьев, целовальник [17.Ш.1571 – 17.Ш.1573], 2) *ормячник* с ул. Яковли (Яковлевой) Артемий Леонтьев, целовальник [17.Ш.1574 – 17.Ш.1575], 3) *шелковник* с ул. Борковой Третьяк Лукьянов, целовальник [17.Ш.1576 – 17.Ш.1577]¹⁹.

Локализация купцов в Неревском конце, как видно, совпадает со сделанными выше предположениями о районе их обитания по косвенным признакам. Также совпадают и виды их деятельности. Шелковник мог быть поставщиком сырья

районе будущего Плотницкого конца. См.: *Дубровин Г.Е.* О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // *Древняя Русь*. 2010. № 3(41).

¹⁵ *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1. С. 423-425.

¹⁶ *Седов Вл.В.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // *Древнерусское искусство. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства*. М., 2009. С. 35-36.

¹⁷ Единственная в Великом Новгороде церковь Симеона Столпника была построена в 1206 г. посадником из Людина конца. Это подтверждает, что в район Нижнего Новгорода в 1570-х гг. переселялись выходцы из Неревского и Людина концов.

¹⁸ *Таланин В.И.* Указ. соч. С. 67-78.

¹⁹ Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К.В.Баранов. СПб., 2001. С. 28, 29, 31.

ормячнику, изготавливавшему, кроме прочего, объяринные (шёлковые) фезы. *Корыстный купчина* – особый купеческий статус, информации о котором в литературе почти нет. Считается, что «корыстные купчины осуществляли свои операции на больших пространствах»²⁰. Но купцы, торговавшие «на больших пространствах», в т.ч. за пределами государства, именовались *гостями*²¹. Нередко в летописях гостями именуется местное купечество (до конца XV в.), напр., низовские, смоленские, новгородские, тверские и т.п. гости²², но никогда термины «гость» и «корыстный купчина» не употреблялись как тождественные. Деятельность корыстного купчины следует, видимо, выводить из определения корысти, как «выгоды, пользы, барыша, роста, процентов, наживы, поживы, добычи или захваченных богатств»²³. То есть *корыстный купчина* (совр. банкир), «торговавший» в *корыстном ряду* (совр. коммерческие банки) – это *ростовщик*. Род занятий Лукьяна как бы «накрывал» собою род деятельности его брата и сына: через главу рода могла идти торговля сырьём и готовым товаром.

Характерно, что прозвище, давшее родовую фамилию Таланиным, - северного происхождения. Здесь «удачливое» значение прозвища *Талань* («счастье, счастливая судьба, успех, удача, везение»: новгор., вологод., беломорск., архангельск., ярославск., псковск., тверск.), полученное сыном Саввы Корнильева, дополняется «денежным» значением *Талан* «прибыль, прибыль, барыш, деньга» (вологод., вятск., ярославск.)²⁴. То есть фамилия Таланиных могла произойти от сочетания раннего прозвища ростовщика и позднего – священника.

Интересно также обратить свое внимание на известную Царскую грамоту помещикам Мининым (владельцам с. Богородского в 1615-1632/1633 гг.) о неподсудности всего населения их поместья никаким промежуточным властям,

²⁰ Преображенский А.А. Российское предпринимательство XVI – начала XX в. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 17.

²¹ Аксёнов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 17.

²² Варенцов В.А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 31.

²³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2001. С. 144.

²⁴ Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Сороколетов. СПб., 2010. Вып. 43. С. 237-239, 240.

кроме центральных. Сам Кузьма Минин, - «Спаситель Отечества», - обратился с челобитной о неподсудности жителей своей вотчины нижегородским властям. 31.V.1615 г. челобитная была удовлетворена, и Царь писал нижегородским воеводам: *«В Нижний Новгород боярину и воеводам нашим князы Володимеру Ивановичу Бахтеяру-Ростовскому да Борису Ивановичу Нащокину, да дьяку нашему Ондрею Варееву. Бил нам челом думный наш дворянин Кузьма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья де и вотчинка за ним в Нижегородском уезде, и братья его и сын живут в Нижнем Новгороде, и им де, и его людям и крестьянам от исков и поклепов чинится продажа великая: так нам бы его пожаловать, братью его и сына, людей и крестьян ни в чем в Нижнем Новгороде судить не велеть, а велеть их судить на Москве. И как к вам ся наша грамота придет, то вы б на Кузьмину братью и на людей, и на крестьян в исцовых исках, oprичь татиного и разбойного дела, суда не давали без наших грамот; а кому будет до его братьи и до людей, и до крестьян дело, то они бьют челом нам на Москве. А прочтет сю нашу грамоту и списав с нее слово в слово, отдали б есте подлинную нашу грамоту Кузьминым братьям и людем, и крестьяном, вперед до иных наших воевод»²⁵.*

Нетрудно заметить важность этой грамоты. Сам Минин, его братья, жена и сын, а также все жители его поместья освобождались от любой ответственности, кроме суда за разбой и мятеж, перед нижегородскими властями. Любой из жителей Богородского мог обратиться в необходимые ему ведомства в Москву, минуя уплату лишних пошлин, дачу взяток нижегородским чиновникам и т.п. Действие этой грамоты должно было существенно улучшить экономическое и моральное положение всех обитателей села, а не только Мениного семейства. После передачи поместья сыну К.Минина – Нефедию – грамота от 31.X.1616 г. подтвердила продолжение действия «грамоты о неподсудности» 1615 г.²⁶, срок действия которой пресекся со смертью Нефедия бездетным ок. 1632/1633 гг.

²⁵ Цит. по: Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. 5. М., 1988. С. 261; Перхавко В.Б. Кузьма Минин // Московский журнал. 2000. № 4. С. 121.

²⁶ Перхавко В.Б. Указ. соч. С. 121.

Древнейшими купеческими корпорациями были т.н. *гости-сурожане* и *суконники*²⁷. Вторые торговали с Западом, а первые – через крымский г. Сурож (совр. Судак) – с Югом, ввозя прежде всего шёлк. Это сближает наших новгородских купцов с сурожанами – через шелковника Третьяка Лукьянова. М.Н.Тихомиров писал: «Что обязанности и привилегии *гостей* и *суконников* относятся к временам очень давним, можно увидеть из того, что об их службе говорится уже в междукняжеских договорах конца XIV в. В договоре 1388 г. статья устанавливает обязанности князей-совладельцев Москвы по отношению к *гостям*, *суконникам* и городским людям: «блюсти ны с одного, а в службу их не приимати»... Русское средневековье выработало особый термин «приказаться в службу» для обозначения принятия на себя вассальной зависимости... Поступая в «службу» к кому-либо из князей-совладельцев, городской человек нарушал права остальных, так как он переходил под власть дворского того или иного князя и тем самым нарушал корпоративные привилегии *сурожан* и *суконников*. В чем же заключались эти корпоративные привилегии? О них можно судить по позднейшим грамотам московским гостям... Важнейшей из этих привилегий является подчинение *гостя* суду великого князя, а именно такое пожалование находим в грамоте Дмитрия Донского новоторжцу Микуле с детьми. Непосредственная подсудность великому князю и освобождение от уплаты пошлин, вероятно, и составляли те привилегии, которыми пользовались *гости* и *суконники* с давнего времени». Таким образом, видно, что главная привилегия купечества XIV-XVI вв. оказалась полностью повторённой в 1615-1632/1633 гг. для с. Богородского. Подчеркнём: речь шла не о помещиках Мининых, а обо всём населении Богородсковской волости. Последнее говорит о том, что это могло произойти только потому, что само Богородское было основано купцом в статусе *гостя*. Более того, можно быть уверенными в том, что К.Минин прекрасно знал, какое именно село он берет себе в поместье, т.к. Лукьян Леонтьев как купец был приписан к Нижнему Новгороду. Также Минин должен был хорошо знать детей Лукьяна, поскольку он получил село в поместье, когда Лукьяна уже не было в

²⁷ Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII-XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV-XV вв. М., 1992. С. 109-129; Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 24-26.

живых, но привилегия *гостя-суроужанина* была применена ко всему населению волости, хотя сам Минин не был купцом такого ранга, т.е. прежде всего к Лукьяновичам и их потомкам.

Рассмотренные результаты можно представить в виде схемы 1.

На новом месте Лукьян Леонтьев, став основателем сельца Подолец, возглавляя переселенцев-неревлян, оказался тем самым богородским купцом, поставившим Рождественскую церковь. Будучи ктиторм храма, он стал неформальным лидером села. Особенности внутренней жизни прихода определялись тем, кто строил приходской храм: монастырь, вотчинник, община, все жители уезда²⁸. В Богородском действовал пятый фактор: один местный житель, не владеец села.

Сельское духовенство в XVII в. было финансово обеспеченным, уважаемым и избиралось из лучших людей²⁹. Происхождение первого священника Рождественской церкви Спиридона Иванова [ок. 1587 – 1597/1600] неизвестно, но вторым священником стал Третьяк Лукьянов [1597/1600 – 1610-е гг.]. Надо думать, что Лукьян Леонтьев к тому времени скончался, т.к. при его жизни необходимости становиться духовным лидером у его потомка не было. Лукьяна можно фигурально оценивать неофициальным «вотчинником» Богородского.

Предполагаемые годы жизни Лукьяна Леонтьева (ок. рубежа 1510/1520-х – между 1587/1600)³⁰ и игумена Порфирия соответствуют, что дает основание считать их родными/двоюродными братьями (сомнение родства показано на схеме пунктиром). То есть оба они относились к боярскому клану новгородского Неревского конца.

²⁸ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV-XVII вв. СПб., 1913. С. 123.

²⁹ Богословский М.М. Кредит в земском хозяйстве XVII в. // Сб. статей, посвящённых В.О.Ключевскому его учениками, друзьями, почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 29-43; Голикова Н.Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979. С. 161-197; Голикова Н.Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979. С. 161-197.

³⁰ Определяются из числа детей Лукьяна, времени активной деятельности Третьяка, из наиболее позднего года постройки Рождественской церкви и времени посвящения Третьяка в священники.

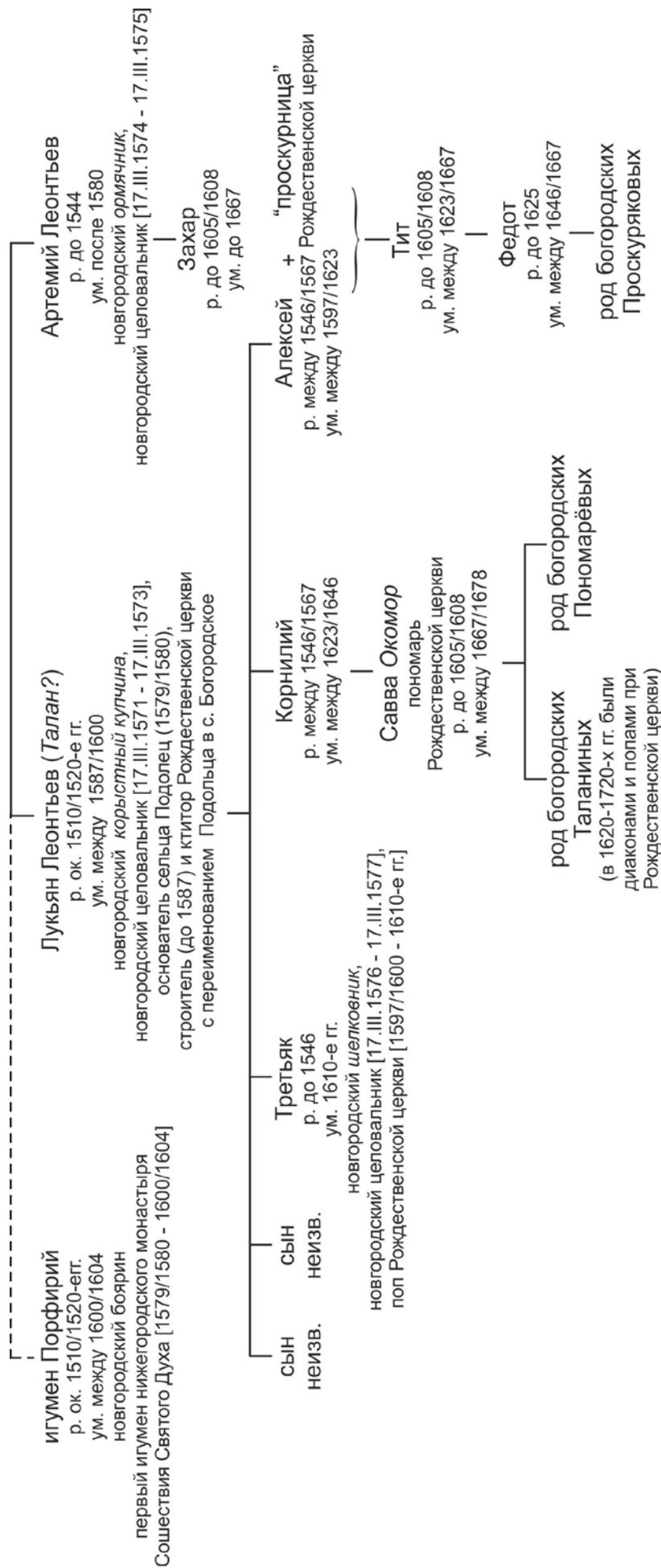

Схема 1. Взаимосвязь новгородских выселенцев и жителей с. Богородского

Неизвестно, как произошло их выселение. Легенду об «опальном» статусе Порфирия надо отмести. «Опала» не позволила бы ему напрямую и успешно челобитничать монарху. Таким образом, надо скорректировать предание об основании с. Богородского, признав, что последнее не связано с опричными репрессиями. В новгородских документах семья Лукьяна последний раз упоминается в марте 1577 г., следовательно, она, включая будущего игумена Порфирия, вышла из Великого Новгорода между весной 1577 и до 1579 гг. Скорее всего, справедлива поздняя дата, т.к., по нашему мнению, основание нижегородского Духова монастыря ок. 1579/1580 гг. и основание сельца Подолец следует увязывать в единое целое. То есть, вероятнее всего, выселение из Великого Новгорода произошло ок. 1578/1579 гг., основание нижегородского Духова монастыря и сельца Подолец (будущего с. Богородского) ок. 1579/1580 гг.

Рассмотрение богородских крестьян в качестве потомков древненовгородского боярства вполне правомочно. Известно, например, что новгородские выселенцы 1480-х гг. основали с. Иваново (совр. г. Иваново-Вознесенск), которое до 1561 г. числилось дворцовым селом (как и Подолец/Богородское в 1579/1580-1615)³¹. Поскольку, как считается, в 1480-х гг. выселяли новгородскую знать, крестьянство ивановцев оказывается весьма интересным фактом.

В связи с последним следует обратиться к работе Е.Н.Носова³². Он показал, что если в новгородских пятинах 1480-х гг. состоялось выселение знати в центральные уезды, то на Двине, в казну были отобраны земли «великих» новгородских бояр, а прочие «двинские бояре» подверглись т.н. «дефеодализации». То есть их вместе с новгородскими местными своеземцами зачислили в крестьянское тягло; имущественных или земельных конфискаций у них не проводили. Поэтому уже в первой четверти XVI в. в Подвинье известны крупные семьи местных крестьян, владевшие немалыми земельными активами,

³¹ *Коховя Л.А.* Промышленное развитие села Иванова – города Иваново-Вознесенска в XVII – начале XX в. // Автореф... канд. ист. наук. Иваново, 2002. С. 24.

³² *Носов Е.Н.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XIV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 227-269.

занимавшиеся промышленными промыслами, торговлей, в т.ч. ростовщицеством, а также основывавшие местные храмы и становившиеся при них клириками.

Как известно, до конца XV в. в категорию своеземцев, рассматриваемых свободными землевладельцами, попадали как богатые крестьяне, так и купцы и младшие представители новгородских боярских родов³³. Поэтому можно думать, что и среди «двинских бояр» могли быть представители младших ветвей новгородского боярства. Е.Н.Носов осторожно именовал их «новгородско-двинским» боярством. А.И.Копанев убедительно доказал, что роды, происхождение которых Е.Н.Носовым *предполагалось* боярским, действительно являются ними; причем он показал их происхождение именно от новгородского боярства³⁴. Также показано, что «двинские бояре» – это новгородские бояре, имевшие вотчины на Двине³⁵. Работы Е.Н.Носова и А.И.Копанева показали, что переход новгородского боярства в крестьянство был возможен.

Таким образом, основной задачей нашего настоящего исследования является нахождение предков братьев Леонтьевичей схемы 1 среди представителей древненовгородского боярства Неревского конца.

2. Боярство Неревского конца Великого Новгорода и его связь с семьёй Леонтьевичей XVI в.

Как твёрдо установлено и подтверждено археологически, с сер. XIII века до 1478 г. Неревский конец был местом обитания крупнейшего боярского рода, названного В.Л.Яниным «Мишиничами-Онцифоровичами»³⁶. Родословие этого

³³ *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 3. М., 2006. С. 2-15.

³⁴ *Копанев А.И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 71-110.

³⁵ *Васильев Ю.С.* К вопросу о двинских боярах XIV-XVI вв. // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 14; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 228.

³⁶ *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 150-192; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина. С. 7-57; *Он же.* Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990; *Он же.* Я послал тебе бересту... М., 1998; *Буров В.А.* Соседи бояр Мишиничей-Онцифоровичей по Холопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV-XV вв.) // Советская археология. 1979. № 3; *Он же.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1979. № 1; *Он же.* О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951-1962 гг.) // Древности

боярского клана было восстановлено В.Л.Яниным еще в работах 1977-1981 гг., поэтому мы воспроизводим его согласно оригинальному варианту, учитывая лишь некоторые поправки, содержащиеся в указанных публикациях (схема 2; обычный шрифт). В то же время мы сразу предлагаем дополнить эту схему некоторыми новыми именами (схема 2; жирным шрифтом выделены наши конъектуры). Очень кратко приведем известную на сегодняшний день информацию обо всех персонах данного генеалогического древа. Все имена, генеалогические связи и даты выверены по вышецитированной литературе.

Михаил Мишинич (ум. 09.XI.1280). Посадник [X-XI.1272, 1273-VIII.1280]. Упом. 1269 г.; в числе трёх бояр обвинялся В.К. Ярославом III Ярославичем [1264-1272] в провоцировании войны с Ливонским Орденом³⁷. В 1280 г. вместе с В.К. Дмитрием Александровичем [1276-1281, 1283-1294] заложил г. Копорье.

Юрий Мишинич (ум. 10.II.1316). Постоянный представитель в посадничестве Неревского конца (т.е. постоянный кандидат в посадники + глава Неревского конца)³⁸ [1291-1316]. Посадник [II.1291-II.1292, II.1304-II.1305]. Весной 1294 г. по инициативе новг. кн. Андрея Александровича [1281-1285, 1292-1304] глава неудачного похода против Швеции. Погиб в битве под Торжком против В.К. Михаила Ярославича [1305-1318] и татар. Похоронен в церкви Сорока мучеников на ул. Щеркове (место вечевых собраний Неревского конца).

Варфоломей Юрьевич (ок. 1280 – 25.X.1342). Наиболее раннее упоминание: ок. 1300/10-х гг. зафиксирован в берестяных грамотах хозяином усадьбы.

славян и Руси. М., 1988; *Он же*. К социальной топографии Неревского конца Великого Новгорода // Советская археология. 1989. № 4; *Он же*. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода; *Назаров В.Д.* Указ. соч.; *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 31-54; *Он же*. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 177-206.

³⁷ Новгородское войско вторглось в 1267 г. в датские владения (совр. Эстония) и осадило замок Раковор (Раквере). Вскоре новгородцы обратились за помощью, которую прислали Великий Князь, кн. Переяславский и Псков. В сражении 18.II.1268 г. немцы были разгромлены.

³⁸ В 1291 г. происходит реформа посадничьей власти. Если раньше посадничество было пожизненным, то с февр. 1291 г. посадник избирался ежегодно, но для некоторых бояр (от каждого конца) устанавливалось пожизненное преимущественное право быть избранным в посадники; такой боярин считался пожизненным представителем в посадничестве от своего конца. Эти бояре составляли «государственный совет»: из членов этого «совета» ежегодно обновлялся посадник. Именно в 1292 г. впервые западные источники констатируют наличие в Новгороде т.н. «совета господ». См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 236-244.

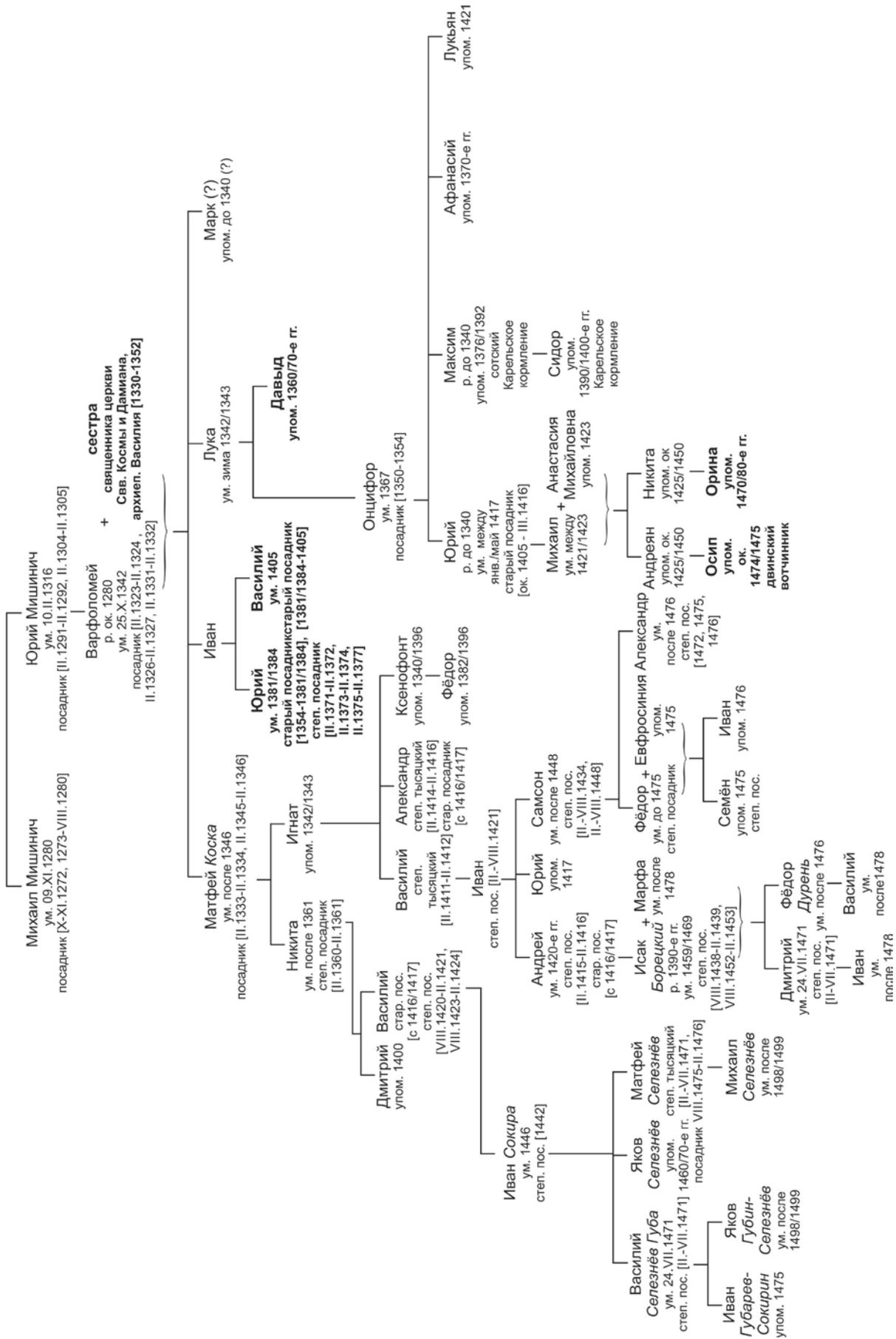

Схема 2. Боярский род Мишиничей-Онцифоровичей XIII-XV вв. (по В.Л.Янину)

Постоянный представитель в посадничестве Неревского конца [1316-1333]. Посадник [II.1323-II.1324, II.1326-II.1327, II.1331-II.1332]. В этом статусе заключил мир Новгорода со Швецией (Ореховецкий мир, 12.VIII.1323), впервые установивший государственную границу между ними, а также 10-летний мир с Норвегией (03.VI.1326). Ок. 1333 г. передал место в «совете» старшему сыну, и после 1334 г. «ушёл на покой». Похоронен в церкви Сорока мучеников; похороны проводил архиеп. Василий *Калика* [1330-1352]³⁹. Жена: сестра архиеп. Василия (когда он был ещё белым попом).

Матфей Варфоломеевич *Коска*. Постоянный представитель в посадничестве Неревского конца [1333 – после 1346]. Посадник [II.1333-II.1334, II.1345-II.1346]. Один из руководителей новгородского войска в 1340 г. против В.К. Симеона Иоанновича [1340-1353]. Назван племянником архиеп. Василия (сыном его сестры), откуда реконструируется происхождение супруги посадника Варфоломея⁴⁰.

Иван Варфоломеевич. Был реконструирован В.Л.Яниным из надписи («Ивана Варфоломеевича») на красиво орнаментированной деревянной ложке, найденной в слоях раскопа, датируемых 1299-1340 гг. Однако он – фигура реальная и должен быть вторым по старшинству братом. Аргументацию см. ниже.

Лука Варфоломеевич (ум. зимой 1342/1343). Упом. 1333 г. в качестве одного из послов к В.К. Иоанну I Даниловичу [1328-1340]. Погиб в сражении на Двине, куда пошёл для основания колониальной фактории. Матфей Варфоломеевич с сыном и племянником Онцифором, получив известие о гибели родича, подняли бунт против текущего посадника, не увенчавшийся успехом.

Марк Варфоломеевич. Он был предположен В.Л.Яниным, исходя из того, что имена троих сыновей Варфоломея полностью совпадали с именами троих

³⁹ Избран по жребью и наречён архиепископом, будучи белым попом церкви Свв. Космы и Дамиана на ул. Холопъей (Неревский конец). Постригся в монашество 01.I.1331. Прозвище получил в честь своего паломничества в Палестину. С 1439 г. – местночтимый новгородский святой; канонизирован в 1981 г.

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ). М.; Л., 1950. С. 350. В статье 1339 г. говорится о послах Новгорода на мирных переговорах со Швецией. В числе прочих «от владыки» указан «сестричич его Матфей». Поскольку существующие документы не знают иных «Матфеев», кроме Матфея-посадника, следует отождествить его с племянником архиепископа.

евангелистов, следовательно, по его мнению, не хватало имени четвёртого евангелиста и четвёртого сына у Варфоломея. Единственным подкреплением версии с «Марком» было то, что в тех же слоях, 1299-1340 гг., были найдены две берестяные грамоты, адресованные землевладельцу по имени Марк. Никакими иными источниками его существование не подтверждается. Однако употребление в этом боярском роду имени «Марк» впоследствии (см. ниже), исходя из доктрины родовой преемственности имён, может говорить в пользу существования Марка Варфоломеевича.

Никита Матфеевич. Степенный посадник [II.1360-II.1361].

Игнат Матфеевич. Единственный раз упом. как участник бунта, поднятого его отцом по поводу гибели Луки Варфоломеевича.

Онцифор Лукинич (ум. 1367). Постоянный представитель в посадничестве Неревского конца [ок. 1347 – 1354]. Посадник [1350-1354]. Впервые упом. 1342/1343 гг. как участник бунта по поводу гибели отца. В 1348 г. один из воевод, разгромивший шведов. 16.VI.1350 г., возвратившись с отрядами после победы над шведами, произвел переворот, возведя себя в посадники. Однако его диктатура длилась недолго. В 1354 г. он провёл реформу государственной власти. «Совет» реорганизовывался: от каждого конца в него входили не «постоянные представители», а пожизненные т.н. «старые посадники» (5 чел.), которые дополнительно избирали формального главу государства, т.н. «степенного посадника», функции военачальника при котором исполнял избираемый с ним же «степенный тысяцкий». После этого Онцифор сложил с себя посадничьи полномочия и «ушел на покой».

Давыд Лукинич. Атрибутирован в берестяных грамотах 1360/70-х гг. Был владельцем одной из усадеб клана Мишиничей, выступал «послухом» (свидетелем) как «Давыд, Лукин сын».

Юрий Иванович (ум. 1381/1384). Старый посадник (Неревский конец) [1354-1381/1384]. Степенный посадник [II.1371-II.1372, II.1373-II.1374, II.1375-II.1377]. Василий Иванович (ум. 1405). Старый посадник (Неревский конец) [1381/1384-1405]. Юрий и его брат Василий впервые атрибутируются нами как дети Ивана Варфоломеевича. Основанием тому является явное их старшинство. Реформа

Онцифора была направлена не только на упорядочение власти, но и на закрепление её в рамках конкретных семей в том или ином роду, а не всех возможных семей рода в целом. Только уходом Онцифора с позиций старого посадника можно доказать тот факт, что его отец не был вторым по старшинству среди собственных братьев. В противном случае, именно Онцифор должен был возглавить неревское боярство. Т.к. этого не происходит, искать братьев Ивановичей – глав неревского боярства в 1354-1405 гг. можно только среди ветки Мишиничей, а не Онцифоровичей. Среди них есть только один известный Иван – это Иван Варфоломеевич.

Юрий Онцифорович (ум. между янв./май 1417). Упом. 1384 как один из основателей г. Яма (затем – Ямбург, совр. Кингисепп). Упом. в 1400 г., когда подарил в церковь Свв. Космы и Дамиана книгу «Пролог». Старый посадник (Неревский конец) [ок. 1405 – 1416]. В 1410 г. возглавлял новгородское ополчение в Грюнвальдской битве, где был разгромлен Ливонский Орден. После случившегося в марте 1416 г. паралича отошел от дел⁴¹. Основатель и строитель (1392) Колмовского монастыря, ставшего вместо церкви Сорока мучеников новой родовой усыпальницей ветки Онцифоровичей.

Максим Онцифорович. Единственное летописное упоминание в 1376 г., когда он был главой посольства к митрополиту с просьбой о новом архиепископе. В Синодике Клопского монастыря указан как строитель Колмовского монастыря (1392). Упомянут в пяти берестяных грамотах.

Афанасий Онцифорович. Его существование не зафиксировано письменными источниками. Атрибутирован на основании найденной личной костяной печати и упоминания в одной берестяной грамоте 1370-х гг.

⁴¹ Сразу после этого состоялась новая реформа власти (между апр. 1416 и авг. 1417 гг.). Общее число посадников возросло до 18 (по 6 от Славенского и Людина+Загородского концов, 4 от Неревского и 2 от Плотницкого концов), действовавших одновременно. Кроме того, степенный посадник и степенный тысяцкий стали теперь избираться дважды в год. Реформа 1420-х гг. увеличила одновременное количество посадников до 24 чел., а реформа 1460-х гг. – до 36 чел. (число тысяцких в 1460-х гг. было установлено в 8 чел.). См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 419. В результате летописцы зачастую перестают фиксировать все эти имена, поскольку их власть была, в сущности, ничтожна, они выполняли лишь представительские функции. Главное было, кто сидит в «совете», а не избирается на главные должности. В результате ряд посадников и тысяцких остался неизвестен.

Лукьян Онцифорович. Единственное летописное упоминание об окончании им в 1421 г. обновления (ремонта) церкви Спаса на ул. Разваже (Неревский конец)⁴².

Михаил Юрьевич (ум. 1421/1423). В 1421 г. был в числе посольства, заключившего т.н. «вечный мир» с Ливонским Орденом. Поставил в Колмовом монастыре церковь Св. Михаила. Его жена – Анастасия Михайловна – в 1423 г. поставила там же церковь Успения Богородицы.

Андреян + Никита Михайловичи. Известны лишь ретроспективно – из завещания внучки Орины (Ирины) своих земель в Колмов монастырь. По В.Л.Янину, Орина могла быть дочерью любого из них, но т.к. у Андреяна гипотетически выявляется сын, то Орина должна быть дочерью Никиты.

Осип Андреянович. По миру 1471 г. Новгород обязался отдать В.К. Иоанну III [1462-1505] боярские земли в Задвинье. Ок. 1474/1475 гг. во второй описи этих земель зафиксированы и отобраны на Государя земли боярина Осипа Андреяновича⁴³, которого, учитывая совпадение отчества, можно условно считать потомком Андреяна Михайловича.

⁴² Летопись говорит о постройке церкви, но это расхожее клише. Церковь Спаса на Разваже – это та самая церковь, которая, как известно, существовала в Новгороде до его официального крещения, и, согласно летописным данным, горела в ходе бунта 989 г. См.: *Панченко А.М.* Русская история и культура: работы разных лет. СПб., 1999. С. 377. Именно на её месте археологически было обнаружено обширное пожарище конца X в. и найден крест-тельник. См.: *Янин В.Л.* Крещение Новгорода и христианизация его населения // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М, 1987.

⁴³ «А река Колуи от устия и до верховия по обе стороны, да волок от Кокшенги - то была отчина княжа Иванова Володимировича Ростовского; а тянула к Емской горе. А искал Васко Горло, староста кулоиской, на Васильевых детех на Степанова на Семене да на Иване, да на Иване на Офоносове, да на Федоре, да на Малово внуке на Есипе. А Колмогоры и Падрин погост, Матигорьская лука от Орлеца, Нальостров до Великого Поля, курьостров, Чюхчелема, Угтьо-стров, Великая курия, Коидокурия, Кегта Великая, Княжостров, Низовская лука вся до моря, Солонбал, Терпилов погост, Уна, Ненокса, – то все вотчина осподареи великих князеи. А искал того Строганов на Есипе на Ондrejaнове, да на Иване на Григорьеве, на всех боярех на двинских. А волок Пинежской, Пекернема, Шулонема, Кулуи-гора, Воепала, Пабережье от Великого двора до Великого двора, да в Наволоце две деревни, да Вонга, Чюшола, Юрела, Буела, Заозерие, да в Чинбале четыре деревни, – а то отчина великих князеи. А искал того Лука Строганов на Мише на Борисове, да на Василии на Селезневе, да на Василии на Онаньине. А Шастозеро, Моржова гора, Коскошино до устия до Емецкого, городок Емецкой, Чюкчин конец, погост Емецкой, Ваимуга речка от устия до верховия по обе стороны по Емце вверх село, Мехренга речка от устия до верховия по обе стороны». См.: *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.* Т. 3. М., 1964. № 14-16. С. 30-33. Поскольку одновременно здесь указываются Мишинич – Василий Селезнёв и

Дмитрий Никитич. Упом. в 1400, когда участвовал в создании Пролога.

Василий Никитич. Старый посадник (Неревский конец) [с 1416/1417].
Степенный посадник [VIII.1420-II.1421, VIII.1423-II.1424].

Василий Игнатъевич. Степенный тысяцкий [II.1411-II.1412].

Александр Игнатъевич. Степенный тысяцкий [II.1414-II.1416]. Старый посадник (Неревский конец) [с 1416/1417].

Ксенофонт Игнатъевич. Упомянут в берестяных грамотах.

Иван Васильевич. Степенный посадник [II.-VIII.1421].

Фёдор Ксенофонович. Упомянут в берестяной грамоте.

Иван Васильевич *Сокира* (ум. 1446). Степенный посадник [1442]. Женат на сестре представителей посадничьего рода из Славенского конца – Василия-Казимира Александровича (степенный тысяцкий [1459], степенный посадник [1471, 1476, 1478]) и Якова *Короба* Александровича (степенный посадник [1471]). Оба боярина были вывезены в Москву в 1481 г. Поздние источники (1580-х гг.) называют их земельные владения в Неревском конце. Можно предполагать их

его непрямой родич Иван Григорьевич – можно полагать правильность нашего отождествления. Однако считать эти земли принадлежностью Онцифоровичей можно и по иной причине. Перечисленные ок. 1474 г. земли Осипа Андреяновича в устье Северной Двины в 1419 г. в летописях и документах назывались *Ондрейнов берег*; рядом – на Поморском берегу Онежского залива – были владения Марфы Борецкой (см. ниже): Шуя, Сорока, Сума, Кемь. См.: НПЛ. С. 411-412; *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980. С. 3-18. В духовной грамоте 1534 г. ещё упоминался *Ондрейнов берег*. См.: *Шмидт С.О.* Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. 1961. № 3. С. 153. В писцовых книгах 1587/1588 г. это уже *Андрейнов стан* Двинского у. См.: *Васильев Ю.С.* Выпись из писцовых книг 1587-1588 гг. на владения приходских церквей в Андреевове стане // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 242-244. В XVIII в. Андреев стан с центром в с. Андрияново был околородным станом чуть ниже Архангельска. См.: *Камкин А.В.* Крестьянский мир на Русском Севере (XVIII век). Вологда, 1995. С. 143; В.Л.Янин рассматривал Осипа Андреяновича как упоминаемого в летописях в 1434-1463 гг., степ. посадника [II.-VIII.1440, VIII.1448-II.1449, 1463], Есифа Андреяновича/Андреевича «Горошкова/Горшка внука». См.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII-XV вв. С. 194-196. Однако он же сомневался, почему в актах 1474/1475 гг. указан человек, уже умерший (Горошков ум. после 1463). Кроме того, он показал, что Горошков был боярином Прусской улицы. См.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 118-156. Учитывая, что с «прушанами» неревляне враждовали в своё время наиболее остро, а также то, что наряду с Осипом Андреяновичем выявляются его иные родственники (см. ниже), которых нет в родословной «прушан», мы полагаем, что Осип двинских актов не является Горошковым. Кроме того, и В.Л.Янин указывал, что в этих актах есть лица, атрибутировать которых с летописными боярами невозможно (напр., «Миша Борисов»).

почему-то случившееся переселение в Неревский конец или приобретение там участков⁴⁴.

Андрей Иванович. Упом. 1401, когда его двинские волости разграбил набег великокняжеской рати. Степенный посадник [II.1415-II.1416]. Старый посадник (Неревский конец) [с 1416/1417 – ок. 1421].

Юрий Иванович. Упом. в 1417, когда его двинские волости разграбили и разорили.

Самсон Иванович. Упом. в 1417, когда его двинские волости разграбили и разорили. Степенный посадник [II.-VIII.1434, II.-VIII.1448].

Исак Андреевич *Борецкий* (р. 1390-е гг. – ум. между 1459/1469). Упом. 1417 как один из спасителей двинских имений своих дядьев от разорения. В 1428 г. был одним из воевод при осаде г. Порхова литовцами. Степенный посадник [VIII.1438-II.1439, 1453]. Прозвище получил по имени своей двинской волости – Борок. Жена: Марфа *Борецкая* (т.н. «Марфа-посадница»).

Фёдор Самсонович (ум. до 1475). Был степенным посадником (годы неизвестны).

Александр Самсонович. Степенный посадник [1472, 1475, 1476].

Василий Иванович *Селезнёв Губа* (ум. 24.VII.1471). Степенный посадник [II.-VII.1471]. Казнен Иоанном III после поражения Новгорода в битве при Шелони.

Яков Иванович *Селезнёв*. Упоминается посадником в 1460/70-х гг. без конкретных дат.

Матфей Иванович *Селезнёв*. Степенный тысяцкий [II.-VII.1471, VIII.1475-II.1476].

Дмитрий Исакович (ум. 24.VII.1471). Посадник [II.-VII.1471]. Казнён по приговору Иоанна III после Шелонской битвы. Женат на дочери боярина Славенского конца Якова Фёдоровича *Короба*.

⁴⁴ В 1470-х гг. от Неревского конца действуют племянники славенских бояр Александровичей – Григорий и Иван Михайловичи – дети ещё одной их сестры, которые не принадлежат к Мишиничам, но имеют недвижимость в Неревском конце. В те же годы в Неревском конце упоминаются бояре Василий Ананьевич (тоже славенский) и Кирилл Яковлевич (ул. Янева), в котором можно видеть сына Якова Короба Александровича. Ошибочно можно считать их представителями неких боковых веток рода Мишиничей, однако для такого вывода нет никаких оснований.

Фёдор Исакович *Дурень* (ум. после 1476). Арестован в 1476 г. и отправлен в Москву.

Семён Фёдорович. Был степенным посадником (годы неизвестны). Упом. 1475 в числе встречающих Иоанна III.

Иван Фёдорович. Упом. 1476 как участник пира, данному новгородцами Иоанну III.

Василий Фёдорович (ум. после 1478) + Иван Дмитриевич (ум. после 1478). Вместе с Марфой Борецкой арестованы в 1478 г. и отправлены в Москву.

Таким образом, видно, что основным кланом среди Мишиничей-Онцифоровичей стали собственно Мишиничи, т.е. старшая ветка рода. Поэтому совершенно необоснованно выдвигаются своего рода «претензии» в популярной литературе к тому, что якобы Борецкие чуть ли не «оттёрли» от власти потомков Онцифора. Последний пришел к власти неправомочно (с точки зрения реформы 1291 года) и, проведя собственную реформу, сложил полномочия. Целиком естественно, что полномочия вернулись в старшую ветку, как то и должно было быть в случае классической схемы наследования. Скорее, следовало бы удивиться тому, что посадничество затем получил Юрий Онцифорович, как представитель уже младшей ветки. Однако то, что ведущие должности – посадника и тысяцкого – не закрепились среди Онцифоровичей и их потомков, следует признать справедливым с точки зрения наследования по прямой линии, а равно именно этот факт позволил нам впоследствии атрибутировать происхождение позднейших новгородских Леонтьевичей.

Официально, никаких потомков рода, рассмотренного на схеме 2, неизвестно. Всю старшую ветку, как подробно показал в своих работах В.Л.Янин, Иоанн III выселил из Новгорода до 1481 г. Единственные, задержавшиеся дольше прочих, были Селезнёвы, – которые были сведены из Новгорода ок. 1498/1499 гг. Дальнейшая история Селезнёвых неизвестна: князя Селезнёвы-Елецкие не имеют к новгородским Селезнёвым никакого отношения.

Вряд ли имеют, на наш взгляд, происхождение от этого боярского рода новгородские бояре Овиновы, действующие в 1470-х гг. Противоположное

мнение отстаивается генеалогом А.И.Григоровым⁴⁵. Однако он исходит из очень шаткого допущения: отождествляет посадника Григория Юрьевича (ок. 1430-х гг.) с сыном Юрия Онцифоровича⁴⁶. Однако В.Л.Янин, досконально проследивший весь институт новгородского посадничества, показал, что об этом человеке нет никаких сведений. Даже летопись его просто упоминает, а сопоставляя сохранившиеся письменные акты, печати и археологические данные тех лет, посаднику Григорию не находится места в истории не только как сыну Юрия Онцифоровича, но и вообще как исторической личности. Братьев Овиных В.Л.Янин справедливо относил к посадникам от Прусской улицы (или Загородского конца)⁴⁷.

Отдельным нюансом является дворянский род Анцыфоровых (Орловская губерния). По родовой легенде, он происходит от Онцифора Лукинича. Полагается, что род был выселен в 1490-х гг. Затем некий Дорофей Онцыфоров был помещиком в Орловском у., его потомки имели поместья еще в 1699 г., но в 1701 г. записались в орловское мещанство. В 1823 г. Высочайшим повелением дворянство Анцыфоровых было восстановлено. Эта легенда была впервые сформулирована князем П.В.Долгоруковым, выведившим этот род от Василия и Гриди Ивановых детей Онцыфоровых, помещиков в Водской пятине 1477 г.⁴⁸ Давно указывалось, что ряд биографий в этой работе был сфальсифицирован⁴⁹. Это – пример того же свойства. Вряд ли нужно сомневаться в дворянстве Анцыфоровых. Они были помещиками, затем обеднели либо, что вероятнее, сбежали от петровских реформ, а впоследствии решили восстановиться, что успешно и проделали. Легенда о происхождении от новгородского боярства

⁴⁵ Григоров А.И. Бояре Овины и обитель Преподобного Паисия Галичского. Образ Богоматери Овиновская // Тр. VIII Филёвских чтений. М., 2003: *Он же*. Материалы по истории русских фамилий. Овиновы. М., 2006.

⁴⁶ В качестве дополнительной гипотезы предлагается выводить Овиновых от Ивана Варфоломеевича. Но это совершенно голословная предпосылка.

⁴⁷ Классическая работа по родословию русского дворянства указывает происхождение Авиновых/Овиновых именно от впервые появляющихся двух братьев 1470-х гг. См.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Т. 4. СПб., 1857. С. 229. Однако и это вызывает большие сомнения, поскольку достоверная генеалогия Авиновых начинается только от касимовского помещика рубежа XVI/XVII вв.

⁴⁸ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 242-243.

⁴⁹ Савёлов Л.М. Лекции по русской генеалогии. М., 1909. С. 262.

могла им потребоваться, чтобы не сообщать правящим потомкам Петра I о своём бегстве от петровских служб. Наконец, имя «Онцыфор» - обыкновенное, очень распространённое на Новгородщине и Псковщине. Учитывая, что происхождение нижегородского с. Богородского тоже новгородское, нужно знать, что в нём существовал род крестьян Онцыфоровых, впервые упомянутый в 1667 г.⁵⁰ Их потомок в 1861 г. записал свою фамилию в виде «Анциферов». Строго по логике книги П.В.Долгорукова, можно и этот род считать потомком Онцифора Лукинича, что крайне маловероятно. Потомком какого угодно новгородца с именем «Онцыфор» могли быть и крестьяне с. Богородского и дворяне Орловской губернии. Наконец, Л.М.Савёлов показал, как на самом деле следует видеть новгородских Анцыфоровых⁵¹. Исторически первый Анцыфоров – отец Василия и Гриди – помещик Иван Онцыфоров 1488 г., а его дети фиксируются в 1500 г. Сведены из новгородских земель они были при Иоанне I [1533-1584]. Таким образом, понятно, что Анцыфоровы – потомки новых помещиков 1480-х гг. Они могли быть новгородцами только в одном случае: если раньше они были т.н. «послужильцами», т.е. слугами или боевыми холопами выселенных новгородских бояр.

Перейдем к младшей ветви неревского боярского рода, собственно Онцифоровичам. Помочь здесь может рассмотрение семьи Максима Онцифоровича. У него были дети, что подтверждается берестяной грамотой (слой 1369/1382) с текстом: «Поклон от Ларьяна ко свату моему Максиму»⁵². То есть у Максима был ребенок, который вступил в брак с другим ребенком некоего Ларьяна.

Максим Онцифорович был сотским, каковая должность упомянута в берестяной грамоте; причем в списке сотских он поставлен на первое место⁵³. С точки зрения боярства это – должность невысокая. Боярство ориентировалось на должности посадника, тысяцкого⁵⁴, посла. Сотские руководили купечеством,

⁵⁰ Таланин В.И. Указ. соч. С. 22.

⁵¹ Савёлов Л.М. Родословные записи. М., 1906. Т. 1. С. 66-67.

⁵² Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 52.

⁵³ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 424.

⁵⁴ Согласно В.Л.Янину, только со второй четверти XIV в. должность тысяцкого стала боярской, промежуточной карьерной ступенью. По его мнению, с момента возникновения должности

объединявшимся в сотни. Ниже сотского («новгородского тиуна») стояли купеческие старосты. Со второй половины XIV в. сотские подчиняют себе торговый суд (до второй четверти XV в.) и таможенные с пошлинными сборы.

В должности боярина Максима надо видеть факт его отказа – вольного или невольного – от участия в активной политической жизни. После Юрия Онцифоровича никто в их ветке не был посадником и тысяцким. Видимо, контроль над купеческой деятельностью стал родовым занятием младших Онцифоровичей. То, что Максим стоял в списке сотских на первом месте, говорит об его боярском происхождении, и о возможном общем контроле над всем новгородским купечеством.

Сын Максима – Сидор Максимович – не прослеживается в письменных документах. Это доказывает тот факт, что младшие Онцифоровичи отошли от активной политики. Если бы не археологические раскопки Неревского конца в 1950/60-х гг., о нём никогда бы не было ничего известно. Однако его деятельность реконструируется надёжно⁵⁵. В Новгороде Сидор был уличанским старостой, вхожим к архиепископу. Ещё в 1360/70-х гг. его отец получает наследственное кормление – сбор государственных доходов (дани) для Новгорода в Карелии⁵⁶. Специальные тиуны торговали от имени Сидора, товары перепродавались купцам-реализаторам. «Сидор выступал в роли ростовщика – ссужал рыбаков и охотников или перекупщиков рыбы и пушнины деньгами с условием выплаты процентов лососями или белками, которых, надо думать, затем не без выгоды перепродавал»⁵⁷. Были ли у Сидора личные земельные владения в Карелии, неизвестно, но полагается, что они были бы небольшими,

(последняя четверть XII в.) лица, ее замещавшие, не были в родстве с боярскими кланами. Однако недавно было показано, что как минимум с середины XIII в. должность тысяцкого начала замещаться из боярской среды; предполагается также, что с момента своего возникновения тысяцкие происходили из высшего боярства. См.: *Несин М.А.* Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестн. Удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 143-149.

⁵⁵ *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. С. 56-59; *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах (X-XVI в.). Петрозаводск, 1990. С. 88-94.

⁵⁶ Кормления были, по-видимому, специальными должностями для младших ветвей боярских родов. Боярская семья Людина конца имела в XIV в. подобное кормление в Пошелонье, семья из Славенского конца в XIV в. – на двинских землях. См.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 278.

⁵⁷ *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 93.

т.к. по писцовым книгам 1500 г. в Карелии новгородскому боярству принадлежало менее 5 % общего земельного фонда⁵⁸. При необходимости Сидор выступал воеводой и организатором местного ополчения в Карелии.

Как видим, торговая деятельность Сидора Максимовича почти совпадает с деятельностью корыстного купчины Лукьяна Леонтьева. Разница, по-видимому, лишь в направлении вида деятельности: в XVI в. основной доход шёл не от сельскохозяйственных продуктов, а с дорогих тканей и ростовщичества⁵⁹.

Еще одним направлением деятельности этой ветки Онцифоровичей было что-то, связанное с кожевенным делом. Берестяная переписка Фёдора Ксенофоновича с Максимом Онцифоровичем является списком поставки сафьяна (кожевенного сырья). Наконец, во второй раз (после Давыда Лукиничя) в роду, Максим выступает в качестве послуха при заключении земельной сделки: покупки Ксенофонтом Игнатъевичем Ещерского уезда (50 км к северо-западу от Новгорода)⁶⁰.

Никакие, даже сугубо гипотетические потомки Сидора, неизвестны. Вместе с тем, неизвестно о переменах во внутреннем состоянии Карелии. Если у Сидора были сыновья, они должны были унаследовать должность карельского кормленщика. Если же их не было, эта должность должна была перейти в соседнюю ветку рода, т.е. в самую младшую, к Лукьяну Онцифоровичу.

По нашему мнению, именно Лукьян Онцифорович является прямым предком Лукьяна Леонтьева XVI в. Для обоснования этого, обратимся к данным имянаречения у Онцифоровичей. Известно, что существуют две особенности выбора родового имени: 1) родовые имена – очень ограниченный круг имён, передающийся от предков потомкам; в случае с родовыми именами правителей, круг родовых имён демонстрирует планы по распределению власти; 2) стратегия

⁵⁸ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 93.

⁵⁹ Как показывают данные берестяных грамот, финансово-денежные операции или ростовщичество было очень популярно в среде новгородского боярства уже с XI-XII вв. См.: Миронова В.Г. Из истории юридической практики древней Руси // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 67; Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // Там же. С. 71-72; Рыбина Е.А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // Там же. С. 79.

⁶⁰ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 63.

имянаречения потомков зачастую копирует стратегию имянаречения предков⁶¹. В.Л.Янин уточнял, что подсчёт боярских имён XIV в. установил 36 Иванов, 30 Михайлов, 19 Фёдоров, 17 Василиев, 14 Семёнов, 13 Юриев, 10 Борисов, 10 Александров, только 1 Луку (Варфоломеевича)⁶².

Итак, если внук Луки/Лукьяна Варфоломеевича был Лукьяном, это не случайно. Можно быть уверенным, что имя «Лукьян» повторялось в этой ветке и впоследствии. Очень интересно, - если считать Лукьяна Леонтьева XVI в. потомком Лукьяна Онцифоровича, - что имя «Лукьян» повторяется строго через одно поколение: Лука (ум. 1342/1343) → Онцифор (ум. 1367) → Лукьян (упом. 1421) → ? → ? («Лукьян») → Леонтий → Лукьян (ум. 1587/1600). Учитывая, что стандартно на одно поколение кладется 30-летний отрезок, отец Лукьяна Леонтьева (р. ок. 1510/20-х гг.) родился не позднее 1480/90-х гг., гипотетический «Леонтий Лукьянов» - не позднее 1450/60-х гг., а сын Лукьяна Онцифоровича – не позднее 1420/30-х гг. Таким образом, при отыскании в неревском боярстве «Лукьянов» и «Леонтиев» после 1420-х гг. можно уверенно говорить о разыскании прямых предков Лукьяна Леонтьева XVI в. Такой розыск стал успешным.

В общем числе сохранившихся новгородских частных грамот есть грамота о разделе земельных владений между боярами Славенского конца (ул. Рогатица) Фёдором Акинфовичем и Матфеем Ивановичем. Главное для нас в этой грамоте – перечень послухов: «А на то рядци: с Фёдорове половине тысячкою новгородчкою Павел Лукинич, да Василей Ондrejaнович, Олексей Лукинич, Борис Микифорович; а с Матфееве половине Иван Олександрович, Лутьян Левонтиевич»⁶³.

То есть среди новгородских бояр упоминается «Лукьян Леонтьевич», чьё имя-отчество стопроцентно совпадает с Лукьяном Леонтьевым конца XVI в.

⁶¹ *Гуцин А.Р.* Из наблюдений над именословом домонгольских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1995. С. 9-11; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 11 и сл.

⁶² *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. С. 40.

⁶³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП) / Ред. С.Н.Валк. М.; Л., 1949. № 122. С. 181.

Документ датируется рубежом 1460/70-х гг.⁶⁴ Итак, если мы будем оперировать только тождественностью имен, то Лукьян Леонтьевич, активно функционирующий в 1460/70-х гг., есть внук Лукьяна Онцифоровича. В этом случае надо говорить, что у Лукьяна Онцифоровича был сын по имени Леонтий.

Доказать существование этого сына помогает выявленная нами информация о землевладении Онцифоровичей. Выше мы упоминали, что Андреяну Михайловичу принадлежали земли в окрестностях Архангельска, известные затем в виде Ондреянова берега → Андреянова стана. Однако в Нижнем Подвинье на 1766 г. волости располагались в такой последовательности: Алексеев стан, Леонтьев стан, Терпилов стан, Андреянов стан, Лодомская волость, и все они располагались ниже Архангельска, считаясь в середине XVIII века околородными станами⁶⁵. Действительно, Леонтьев стан известен в составе Двинского уезда как минимум с момента возникновения этого уезда, т.е. с середины XVI в.⁶⁶ Думается, что расположение боярских земель некоего Леонтия между землями неревлян Марфы Борецкой и Андреяна Михайловича не случайно: в древнем владельце Леонтьева стана надо видеть Леонтия Лукьяновича, сына Лукьяна Онцифоровича, начавшего владеть этой землей в те же годы, что и Андреян Михайлович, т.е. не позднее середины 1410-х гг. (т.к. существование Ондреянова берега зафиксировано уже в 1419).

Таким образом, мы полагаем, что существование этого сына Лукьяна Онцифоровича следует считать доказанным. Во всяком случае, оснований для этого никак не меньше, чем для атрибуции Ивана Варфоломеевича на основании только надписи на деревянной ложке.

Дополнительную информацию дают сведения о земельных владениях Лукьяна Леонтьевича (р. до 1420/30-х гг.) в Корельской земле, которые также выявляют его брата – Исака Леонтьевича:

⁶⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 169-170; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М., 1960. С. 119.

⁶⁵ Камкин А.В. Указ. соч. С. 143.

⁶⁶ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. Прил. 11.

- 1) В Колтушском погосте Водской пятины «деревни Лукинские Левонтьева», отданные князьям Мышецким: 3 деревни – 4 двора (6 чел.)⁶⁷; 5 обеж + 80 копен⁶⁸.
- 2) В городе Корела Водской пятины на Спасском острове двор «Исаковской Левонтьева» отдан москвичам детям боярским Андрею Никитину Пушкину и Осташу Дементьеву Редрову⁶⁹. В числе «мест пустых внутри города своеземцов корельских дворовых» названо место «Исаковское Левонтьева», отданное Осташу Редрову; также пустое место «Лукинское Левонтьева», никому не отданное⁷⁰.
- 3) В Воскресенском Городенском погосте в Задней Кореле «деревни Исаковские Левонтьева», приданные Корельскому наместничеству: 3 деревни (одна «на Кумбе озере на немецком рубеже» – 4 двора (6 чел.); 4 обжи⁷¹.
- 4) В Михайловском Сакульском погосте в Передней Кореле «волостка Лукинская Левонтьева у озера Кирьина», отданы Бориске Барыкову «человеку» Михаила Русалки: 5 деревень – 5 дворов (9 чел.); 9 обеж + 160 копен, «с двух обеж доходу не шло, пахал Лука на себя»⁷². Указано наличие «большого двора», т.е. господского. Волость названа боярщиной.
- 5) Строго по соседству с братом в том же погосте «волостка Кимерва Исаковская Левонтьева», отдана Бориску Барыкову: 2 деревни – 3 двора (5 чел.); 5 обеж, «две обжи пахал Исак на себя, дохода с них не шло»⁷³. Волость названа боярщиной.

⁶⁷ Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11. С. 236-237. (Далее – Книга Водской пятины).

⁶⁸ В ходе описи новгородских земель 1495-1505 гг. 1 обжа была приравнена к 15 десятинам, а 1 копна – к 0,1 десятине. См.: *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV-XVI вв. (Коропья, Копна, Обжа) // Проблемы источниковедения. 1963. Т. 11. Зная размер десятины (1,0925398 га), можно оценивать количество земли.

⁶⁹ Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. С. 4. (Далее – Книга Корельского городка с уездом).

⁷⁰ Книга Корельского городка с уездом. С. 7.

⁷¹ Там же. С. 9-10.

⁷² Там же. С. 41-42.

⁷³ Там же. С. 42-43.

б) В Васильевском Ровдужском погосте в Передней Кореле «волостка Лукинская Левонтьева, да Петровская Есипова Кречатникова, да Исаковская волостка Левонтьевская ж», отдана Осташу Дементьеву Редрову: а) у Луки Леонтьевича 31 деревня – 34 двора (55 чел.), 44 обжи + 1200 копен, «большой» господский двор⁷⁴; б) у Исака Леонтьевича 6 деревень – 7 дворов (7 чел.), ок. 7,5 обеж + 165 копен⁷⁵. Все три владения (включая Кречатниковское) названы «боярщинками».

По оценкам И.А.Черняковой, братья Леонтьевичи имели около четверти всего боярского землевладения в Корельском у.; причем её оценки соглашаются с тем, что от общего земельного фонда в Карелии на боярский приходилось от 4 до 5 % пахотных земель⁷⁶. Однако она не учла земель в Колтушском погосте и некоторых владений в Ровдужском погосте, учёт которых приближает владения братьев к трети боярского землевладения Корельского у. Поскольку из двух братьев большие земельные владения с наличием господских дворов были у Луки/Лукьяна Леонтьевича, то на основании этого мы полагаем его старшим.

Важным известием, содержащимся в информации писцовой книги о братьях Леонтьевичах, является факт того, что они оказываются несведёнными. Как указывал В.И.Сергеевич, выражения новгородских писцовых книг «старого дохода не было», «пахал на себя» означают, что в момент составления писцовой книги земли, которые «пахали сами» или с которых «не шло дохода» по-прежнему принадлежали старым, несведённым владельцам⁷⁷. То есть, на момент составления писцовой книги 1499/1500 г. оба брата Леонтьевича ещё оставались землевладельцами: из прежних владений им осталось по две обжи на человека. Дополнительное подтверждение этому мы усматриваем в том, что городской двор Луки не был изъят: писцовая книга, хотя и говорит об его «пустоте», но указывает его юридическую принадлежность. То есть два двора Исака изъятые, но двор Луки по-прежнему остаётся за ним.

⁷⁴ Книга Корельского городка с уездом. С. 90-98.

⁷⁵ Там же. С. 98-99.

⁷⁶ См.: Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 7-15.

⁷⁷ Сергеевич В.И. Указ. соч. с.17.

Тщательное изучение документов позволяет выявить третьего брата Леонтьевича. Сведений об его земельных владениях нет, поэтому, предположить его старшинство среди братьев затруднительно. Интуитивно мы ставим его на третье место после двух землевладельцев, т.к. они указываются постоянно вместе.

Во время напряжённых распрей Новгорода с Иоанном III, ещё в 1463 г. новгородцы послали два посольства в Литву: одно к князю Ивану Дмитриевичу Шемячичу (бежал в Литву в 1456), другое, возглавляемое – по летописным сведениям – Микитой Левонтеевым, к князю Ивану Андреевичу Можайскому (бежал в Литву в 1454), звать их на помощь против Москвы⁷⁸. Как писал В.Л.Янин, это была декларация «демонстративного разрыва с Москвой», т.к. нарушались позиции Яжелбицкого мира (1456), требовавшие не звать в Новгород именно этих двух князей⁷⁹.

Имя Никиты Леонтьевича сохранилось и в новгородских грамотах: он выступает послухом при покупке Никольским Островским монастырём двора со строениями на ул. Рогатице ок. 1450-х гг. как «Микита Леонтиев»⁸⁰. Родство Никиты с Лукьяном видно из того, что оба они привлекаются послухами при фиксации событий на одной и той же улице.

Дополнительным и бесспорным доказательством того, что эта боярская семья осталась в Новгороде является следующий факт. В марте 1487 г. в Новгороде был заключён последний в истории мирный и торговый русско-ганзейский договор. По поручению великокняжеских наместников «за всех новгородцев» крест под этим договором целовали: бояре Григорий Михайлович и Кузьма Остахенович, а также купеческие старосты Иван Елезарович и Никита Леонтьевич⁸¹. Крайне интересно, что ещё одним послухом при совершении покупки Никольским

⁷⁸ Летопись Авраамки // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 16. СПб., 1889. С. 214.

⁷⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 411.

⁸⁰ ГВНП. № 117. С. 176.

⁸¹ Казакова Н.А. Русско-ганзейский договор 1487 г. // Новгородский исторический сборник. 1962. № 10. С. 226.

Островским монастырём в 1450-х гг. выступает «Иван Елезаров»⁸². Последнее говорит, что «Микита Леонтьев» 1450-х гг. и «Никита Леонтьевич» 1487 г. – одно и то же лицо. Поскольку круг лиц, участвовавших в новгородской внутренней жизни был ограничен, то его отождествление с послом «Микитой Левонтеевым» 1463 г. будет правомерно. Говоря о Никите Леонтьевиче и Иване Елезаровиче в 1480-х гг., В.Л.Янин верно подмечал о «сохранении старой боярской элитой части своих политических прерогатив после 1478 года»⁸³. Иных данных о Никите Леонтьевиче нет.

Кроме того, удастся выявить четвёртого брата Леонтьевича. Известно, что в устье Северной Двины в 1380-х гг. был выстроен Михайловский Архангельский монастырь (существовал до 1920). В сохранившейся духовной грамоте старца Степана, старосты монастыря, послухами указаны Иван Левонтьевич и Давыд Ондrejaнович⁸⁴. Издатели ГВНП датировали эту грамоту 1450-ми гг., В.Л.Янин – 1430-ми гг.⁸⁵, более детальный анализ показал, что ее следует датировать скорее всего второй, но не позднее начала третьей четверти XV в. (между 1425/1450/1460 гг.)⁸⁶. То есть можно говорить о выявлении брата, ставшего наследником Леонтьева стана – своего отца – в двинских землях. Наконец, фигуру Давыда Ондrejaновича можно рассматривать в качестве брата Осипа Андrejaновича, т.е. также принадлежащего к роду Онцифоровичей.

Следы пятого брата Леонтьевича также отыскиваются в сохранившихся частных двинских грамотах. Причём этот след тем более хорош, что указывает одно из земельных владений этого брата – Андрона Леонтьевича – как «отчину», т.е., возможно, своё древнейшее владение. В грамоте № 139, датируемой ок. 1450-х гг.⁸⁷, Андрон Леонтьевич выкупает свои прежние владения у Амоса Микулиничя: «Се выкупи Андрон Левонтьевич у Омоса у Микулина тоню на

⁸² ГВНП. № 117. С. 176. «Иван Елизаров» также подписывал договора с Ливонским орденом в 1481 и 1493 гг. См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 4. Последний раз он в качестве «старосты новгородского» выступает в 1502 г. См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 76.

⁸³ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 5.

⁸⁴ ГВНП. № 210. С. 237.

⁸⁵ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 310.

⁸⁶ Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII-XV вв. М., 1986. С. 114.

⁸⁷ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 329.

Летной стороны (Летняя сторона Двинской губы, расположенная напротив Соловецких островов на стыке Двинской и Онежской губ – *В.Т.*), отцину свою, межи Лахтою и Онесскими тоняме... А межа той тоне з Двиньского конча от Лахти ручей, а с Онеського конча другои ручей. А дал Андрон Омосу на той тоне 100 бел. А выкупил себе и своим детем одерень»⁸⁸. Этот документ тем замечателен, что указывает на наличие детей у Андрона Леонтьевича. Е.Н.Носов, упоминая Андрона, справедливо называл его боярином (поскольку писался с – *вичем* и был землевладельцем), а также говорил, что его потомки, как и прочие «двинские бояре» остались на Двине, будучи «дефеодализированы»⁸⁹. Андрона Леонтьевича можно видеть в качестве совладельца двинских земель вместе с братом Иваном. В нашей родословной схеме мы ставим их младшими братьями. Причина в том, что, по нашему мнению, в Новгороде должны были остаться старшие братья.

Принадлежность братьев Леонтьевичей к Неревскому концу можно усматривать не только, исходя из родовой преемственности имён. Владельцев боярщин в Корельской земле до 1478 г., было 8 семейств. Помимо Леонтьевичей, это были упомянутый Петр Есипович Кречатников, «владычен человек» Григорий Петрович, Марк Панфильевич, Василий Балакшин, Настасья (вдова Ивана Григорьевича), Мартемьян Феклистов, Андрей и Семён Филипповы Крашовы. На втором после Леонтьевичей месте по уровню землевладения стоит Марк Панфильевич, на третьем – «владычен человек», далее Балакшин, Настасья, Мартемьян, Кречатников, Крашовы. Можно было бы полагать, что происхождение Леонтьевичей надо усматривать в том, что их владения в Сакульском и Ровдужском погостах непосредственно граничат с владениями Марка Панфильевича, который, как будет показано ниже, был неревлянином. Однако нужно присмотреться к Кречатникову. Его владения трижды указываются в качестве боярщины⁹⁰. Во всех прочих случаях писцовая книга отмечает большое количество своеземцев Кречатниковых (без Петра Есиповича и

⁸⁸ ГВНП. № 139. С. 192-193.

⁸⁹ *Носов Е.Н.* Опыт генеалогических изысканий. С. 256-257.

⁹⁰ Книга Водской пятины. С. 391, 405; Книга Корельского городка с уездом. С. 90.

двух его братьев 9 чел.)⁹¹. Боярщина в Ижерском погосте указывает адрес проживания её совладельцев в Новгороде: «Великаго Князя волостка Васильевские Можжинского, да Ивашковские Васильева сына Рушенского, да Гридинские, да Сенкинские, да Петрушинские Есиповых детей Кречатникова, да Ески Кривого с Щорковы улицы»⁹². Родовое происхождение Кречатниковых и иных лиц с ул. Щерковой Неревского конца неизвестно⁹³. Но факт совладения неревлянина Кречатникова волости в Ровдужском погосте с Леонтьевичами позволяет говорить о неревском происхождении последних⁹⁴.

Анализ писцовых книг показал отсутствие иных земельных владений у братьев Леонтьевичей. Однако нам неизвестно, какими были эти владения до них, т.е. при их отце, Леонтие Лукьяновиче. Он, как указывалось, восстанавливается из отчеств своих детей и топонима Леонтьева стана. Но его владения должны были быть не только в двинских землях: коль скоро мы полагаем преемственность карельского кормления в его родовой ветке, он должен был обладать какими-то владениями в Водской пятине. Вероятнее всего, эти владения унаследовали Лукьян и Исак, тогда как двинские земли отошли к Ивану и Андрону. В этой связи интересно обратить внимание на ещё один топоним, встречающийся именно в Водской пятине. Так, в Городенском погосте накануне боярского

⁹¹ Книга Водской пятины. С. 408, 427-430.

⁹² Там же. С. 405.

⁹³ Можно ли очень осторожно допустить, что трое братьев Кречатниковых – Есифовичей (Осиповичей) – могут быть детьми боярина Осипа Андреяновича? Тем более что только в адрес этих троих Кречатниковых сообщается, что их изъятые участки были боярщинами? Остальные имена *своеземцев*, а не *бояр* Кречатниковых выглядят следующим образом: Филипко, Максимко Фомины дети Сверчина Кречатникова; Ерёма, Олешка, Гридя, Михаль Ивановы дети Кречатникова; Матюк (Матфейко) Иванов сын Кречатников; Гаврилко Кузмин сын Кречатников; Куземка Кузьмин сын Кречатникова Косина.

⁹⁴ Характерно, что в двух других случаях упоминания боярщин братьев Осиповичей Кречатниковых они тесно соседствуют с боярщинами Мишиничей – Александра Самсоновича и Фёдора Яковлевича Селезнёва. Последнего предложено считать внуком Ивана Васильевича Сокиры. См.: *Архимандрит Сергей (Тихомиров)*. Новгородский уезд Вотской пятины по писцовой книге 1500 года: историко-экономический очерк. М., 1900. С. 36. В писцовой книге Деревской пятины 1495/1496 гг. Ф.Я.Селезнёв имеет прозвище «Немой». См.: *Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги*. СПб., 1859. Т. 1. С. 753. (Далее – Книга Деревской пятины). В этой же книге выявляется сын Александра Самсоновича: в Рутинском погосте изъята «волостка Ивановская, Олександрова сына Самсонова». См.: Там же. С. 443.

вывода часть владений в среднем течении Невы принадлежала Григорию Петровичу, которого в этом случае указали с фамилией – Чашникову⁹⁵. Среди них близ устья р. Мойки показана деревня Островок, она же – Левонтьево⁹⁶. Можно думать, что в этом топониме, как и в Леонтьевом стане на Двине, сохранилось имя его предыдущего владельца, Леонтия Лукьяновича. Косвенным свидетельством тому является непосредственное соседство с д. Левонтьево ещё одной деревни – Кречатниково⁹⁷, название которой идеально совпадает с фамилией одной боярской и многих своеземческих семей Водской пятины. Думается, что в данном случае речь должна идти о боярской семье Кречатниковых, тем более что по соседству с двумя обозначенным топонимами находилась волость Фёдора Яковлевича Селезнёва⁹⁸: происхождение всех троих неревское.

Итак, цепочку поколений младших Онцифоровичей можно представить так: Лука Варфоломеевич (ум. 1342/1343) → Онцифор Лукинич (ум. 1367) → Лукьян Онцифорович (упом. 1421) → Леонтий Лукьянович → Лукьян Леонтьевич (упом. 1460/70-е гг.) → Леонтий Лукьянович → Лукьян Леонтьев (1510/20-е гг. – 1587/1600). С учетом этого, следует внести соответствующие изменения в генеалогическую схему (схема 3, жирным шрифтом выделены наши конъектуры).

В цепочке младших Онцифоровичей нам ничего не известно про обоих Леонтиев. Однако первый Леонтий Лукьянович восстанавливается однозначно: он должен был родиться не позже рубежа 1390/1410-х гг., чтобы дать нарицательное имя своим двинским владениям. Само существование Леонтьева стана подтверждает историчность этого человека, хотя он никак более не сохранился в истории. Его сыновья должны были родиться не позже 1420/30-х гг. Тогда неизвестный нам, но ретроспективно восстанавливаемый совершенно бесспорно второй Леонтий Лукьянович должен был родиться не позже периода 1470/90-х гг.

⁹⁵ Книга Корельского городка с уездом. С. 123 и сл.

⁹⁶ Там же. С. 130.

⁹⁷ Там же. С. 129.

⁹⁸ Там же. С. 116 и сл.

Можно достаточно уверенно допускать, что наследники Лукьяна Онцифоровича унаследовали также и карельское кормление, бывшее до того в семье Максима Онцифоровича. Потомков Сидора Максимовича проследить нельзя: в письменных документах их нет, археологически они не обнаружены. Леонтьевичи явно занимались купеческими делами. Деятельность Никиты в 1487 г. в качестве купеческого старосты прямо свидетельствует об этом: по существу, это должность сотского, которая в своём прежнем виде исчезла после 1478 г. Деятельность Лукьяна Леонтьева XVI в. в части ростовщичества также продолжает деятельность Сидора. Более того, целовальники 1570-х гг., как ведавшие таможенными и пошлинными сборами, а также торговым судом, целиком идентичны сотскому до 1478 г. Деятельность Никиты в 1463 г. в качестве посла говорит об его участии в жизни центрального новгородского административного аппарата. Кормленчество – это тоже официальная новгородская должность. Если считать, что она никуда не уходила из рода⁹⁹, то в случае пресечения ветки Максима Онцифоровича, карельское кормление однозначно переходило в род Лукьяна Онцифоровича. Если Никита был на каких-то административных должностях центрального аппарата, из которых до нас дошло только известие о дипломатическом поприще, то заниматься карельским кормлением могли только Лукьян и Исак. Выше мы видели, что наличие карельского землевладения предполагалось ещё для Сидора Максимовича, который действительно был карельским кормленщиком, однако существование земель Сидора можно только предполагать. Поскольку в случае с Лукьяном и Исаком Леонтьевичами факт наличия земельных владений в Карелии налицо, это, хотя и косвенно, свидетельствует в пользу возможности рассмотрения последними новгородскими карельскими кормленщиками именно их. Подкрепляет это допущение факт наличия дворов обоих братьев в г. Кореле, административном центре новгородских карельских владений. Также косвенно подкрепляет наше допущение факт отдачи владений Исака в Городенском погосте именно в фонд новосозданного Корельского наместничества. Интересно

⁹⁹ К примеру, боярская семья Людина конца имела непрерывное кормление в Пошелонье как минимум со второй половины XI до середины XIV вв. См.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 278.

и то, что эти владения располагались строго на «немецком рубеже»: логично было бы, чтобы пограничные, т.е. потенциально опасные в военном отношении территории, контролировались именно государственным наместником с 1500 г. или карельским кормленщиком (имевшим функции воеводы) до 1478 г.

Если принять нашу гипотезу о карельском кормлении Лукьяна и Исака Леонтьевичей, резонно поставить вопрос о сроках его прекращения. Факт того, что оба брата оказываются несведенными до 1500 г. может говорить о том, что они отправляли свои прежние функции и после 1478 г. Известно, что в 1478 г. был образован Новгородский уезд, но отдельный Корельский уезд был выделен из его состава только в 1500 г.; первым московским корельским наместником стал князь Иван Иванович *Брюхо* Пужбольский-Ростовский [1500/1501 – до 1505]¹⁰⁰. Отсутствие корельских наместников до 1500 г. может говорить о том, что общее управление Корельской землей осуществлял новгородский наместник. Однако у последнего было немало дел, особенно связанных с крупными погромами, включая казни, местной элиты в 1483-1488 гг. Поэтому, можно допустить, что в ряде вопросов новгородский наместник должен был опираться на какую-то часть местной элиты, которая не была положена в опалу, во всяком случае в течение последней четверти XV в. По-видимому, четверо бояр, подписывавших русско-ганзейский договор 1487 г., относились именно к этой группе местной знати. Наличие среди них брата корельских кормленщиков говорит о том, что Леонтьевичи действительно не подверглись опале. Мы не знаем о судьбе Никиты Леонтьевича после 1487 г., но учитывая, что его братья были несведенными на 1499/1500 г., надо думать, что она была относительно благополучной¹⁰¹. Теоретически новым властям проще было бы в течение

¹⁰⁰ Жуков А.Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII-XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 10-12.

¹⁰¹ Косвенно это подтверждается тем, что в Шелонской пятине под 1498 годом в Ясенском погосте зарегистрирована «волостка» «купца Василья Иванова сына Елизарова» (1 деревня: 1,5 обжи + 20 копен), которой он владел в момент переписи и после таковой. См.: Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498, 1539, 1552-1553 гг. // Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. 4. С. 158. (Далее – Книги Шелонской пятины). Под 1500 г. в Водской пятине наличествуют «деревни купецкие Ивана Елезарова» (2 деревни: 4 обжи + 130 копен). См.: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. Первая половина // Новгородские

переходного периода опираться на ту часть прежней элиты, которая выказала им лояльность¹⁰². Поэтому, можно думать, что до создания Корельского у. Леонтьевичи продолжали исполнять свои прежние функции, лишь присягнув новой власти¹⁰³.

Когда бы ни утеряли Леонтьевичи своё карельское кормление, в 1478 или ок. 1499/1500 гг., сохранение ими некоторых земельных владений, а также накопленные ими ранее капиталы, позволяли продолжать заниматься купечеством и ростовщичеством. Как минимум в 1480-х гг. эта деятельность облегчалась благодаря Никите, как купеческому старосте. Однако в XVI в. всё управление купечеством Новгорода было сконцентрировано в руках «московских гостей». В работе В.А.Варенцова показано, что переведённые в Новгород московские купцы-сурожане (Таракановы, Саларёвы, Ямские, Корюковы, Боровитиновы, Сырковы) контролировали вопросы городского строительства, сбор налогов, денежного двора, низших полицейских функций, суда; причём купеческий староста с 1518 г. назначался только из московских гостей¹⁰⁴. Поэтому можно думать, что вплоть до 1571 г. потомки Леонтьевичей не занимали

писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3. С. 265. Это означает, что ни он сам, ни его отец – купеческий староста 1487 и «новгородский староста» 1502 гг. Иван Елизаров – не были в опале. На этом основании можно говорить о том, что Никита Леонтьевич – второй купеческий староста 1487 г. – также не был в опале.

¹⁰² Можно провести аналогию с 1917-1930 гг., когда в органах новых властей служили т.н. «старые спецы».

¹⁰³ В известном смысле это вызывает некоторое удивление. Ведь Никита Леонтьевич своим посольством 1463 г., о котором не могли не знать, раз оно отложилось в летописях, показал себя сторонником литовской ориентации. Однако в 1487 г. он не только не в опале, но даже занимает достаточно серьёзную на то время административную должность. Чем могли младшие Онцифоровичи заслужить лояльное отношение к ним новых властей? Успешная деятельность по продолжению сбора корельской дани вряд ли была здесь определяющей: ничто не мешало арестовать их и заменить кем угодно иным. По-видимому, они не имели пролитовской ориентации (посольство Никиты 1463 г. можно рассматривать как чисто служебную его деятельность), либо они отошли от этих взглядов после 1463 г. Ниже будет показано, что эта ветка держалась особняком даже среди старших Онцифоровичей, потомков Юрия (Лукьян Онцифорович не значится в синодике Колмова монастыря как его строитель). Также ниже будет показано, что с X до середины XIII в. боярский род Неревского конца выступал за подчинение Новгорода центральным общегосударственным властям, последовательно препятствуя его автономизации. Возможно именно младшая ветка Онцифоровичей, в лице Лукьяна Онцифоровича, унаследовала эти политические взгляды.

¹⁰⁴ *Варенцов В.А.* Указ. соч. С. 33-35.

официальных должностей¹⁰⁵. Причину вывода рода из Новгорода узнать при текущем состоянии документов, думается, невозможно. В писцовых материалах 1580-х гг. много упоминаний о том, что, к примеру, кожевник такой-то сведён по повелению Государя в Коломну, ювелир такой-то взят в Москву, скоморох такой-то взят в Государев двор и т.п. Несомненно, что переселение братьев Леонтьевичей ок. 1577/1579 гг. состоялось тоже по Государеву повелению, но они были купцами, а не ремесленниками. Поэтому можно предположить две версии: 1) их переселили с целью «развивать русскую глубинку»; 2) их дополнительно «дефеодализировали». В пользу последнего говорит как одинаковый статус дефеодализированных двинских бояр и братьев Леонтьевичей – черносозных/дворцовых крестьян, так и несогласие с переменной сословного статуса со стороны «Порфирия», выразившееся в его пострижении, скорее всего добровольном¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Московские гости сконцентрировались на Торговой стороне, тогда как потомки Леонтьевичей продолжали обитать на Софийской. В ходе событий 1570 г., как показано у В.А.Варенцова, все московские гости были репрессированы. Только после этого купеческие должности Новгорода освободились, и в течение 1570-х гг. братья Леонтьевичи и сын Лукьяна – Третьяк являются целовальниками.

¹⁰⁶ Если принимать эту точку зрения, то надо думать о двух этапах «дефеодализации»? После 1499/1500 г. потомки братьев Леонтьевичей вошли в своеземческое и купеческое состояние, т.е. «дефеодализация» уже состоялась. Тогда обращение их потомков в дворцовое крестьянство можно рассматривать как «дополнительную дефеодализацию». Почему это произошло? Возможно, какой-то ответ на этот вопрос содержится в нижегородской легенде о боярине «Порфире». Раз он продолжал себя титуловать, его амбиции были достаточно высоки. Возможно, когда об амбициях стало известно, об этом донесли, и было принято решение удалить их из Новгорода совсем. В этом случае можно говорить и об опале в некотором смысле. Можно допустить, что нижегородская легенда отражает что-то подобное. Однако интересно обратить своё внимание на следующее. Как указывалось, Лукьян Леонтьев ок. 1577/1579 гг. основал сельцо Подолец. «Сельцо» имело интересный статус: «Сельцо», - так назывались те селения, хотя бы и с небольшим количеством дворов, в которых жили собственники известного количества земли, раздававшие земли на оброк крестьянам». См.: *Архимандрит Сергей (Тихомиров)*. Указ. соч. С. 17. Если следовать этому определению, семья Лукьяна Леонтьева, став дворцовыми крестьянами, получила ряд земель в личную собственность. В сущности, они стали такими, как их родственники, бывшие «двинские бояре», также имевшие крупные земельные владения. Вполне вероятно, что назвав купца Лукьяна неофициальным «вотчинником» с Богородского, мы были не слишком далеки от истины. Принимая это во внимание, говорить об опале можно лишь в связи с переводом рода из посадских (горожан) в крестьянство. В экономическом же отношении семья Лукьяна пострадала, как кажется, не особенно.

По нашему мнению, будущего «Порфирия» следует всё-таки причислять к родным братьям Лукьяна Леонтьевича. В противном случае его можно считать только потомком Никиты Леонтьевича. Но если рассматривать «Порфирия» потомком Никиты Леонтьевича, то налицо разрыв в одно поколение, который заполнить невозможно: нельзя даже гипотетически предположить, кто мог бы быть сыном Никиты и отцом «Порфирия». При выборе между абсолютно невозможным и условно возможным, следует, как кажется, выбирать второе.

В схему 3 добавлена выявленная нами дополнительная генеалогическая связь. Ещё В.Л.Яниным было установлено, что боярин Неревского конца Иван Данилович был старым посадником [с ок. 1421], а впервые упоминался в 1400 г., среди бояр, которые дарили «Пролог» в Козьмодемьянскую церковь. В.Л.Янин не мог поместить его в клане Мишиничей-Онцифоровичей, но был убеждён в его неревском происхождении. Мы допускаем его происхождение от Ивана Варфоломеевича. По нашему мнению, его отцом является неревский боярин Даниил Иванович, упоминаемый в летописной статье в апреле 1418 г.¹⁰⁷ Суть летописного рассказа заключалась в том, что некто Степанко с женой среди белого дня напали на боярина Даниила, избili его с помощью ряда помощников, сбросили с моста. Уцелевший боярин схватил Степанко и заточил в своей усадьбе. Однако сторонники Степанко устроили вече на Торговой стороне, затем вооружённые отряды вошли в Неревский конец и разгромили дом Даниила и ряд иных домов на улицах Кузьмодемьянской и Яневе. Однако неревляне погромили в ответ Чудинцеву, Людогощу и Прусскую улицы. О судьбе Даниила в ходе этих погромов уже не сообщалось, а неревляне отдали Степанко бунтовщикам. После этого в ходе переговоров архиепископа, степенных посадника и тысяцкого, детали которых летопись не сообщила, был установлен мир. Как показал тщательный анализ этой статьи, проведенный А.В.Петровым, в этих событиях следует видеть некую долговую зависимость Степанко от боярина Даниила (который, вероятно, был ростовщиком); бунт Степанко был вызван либо кабальными условиями долга, либо сочетанием кабальных условий и

¹⁰⁷ НПЛ. С. 409-410.

посягательств боярина на супругу Степанко¹⁰⁸. Однако нас здесь интересует не подоплека драки новгородских сторон 1418 года, а чёткое указание на адрес боярина Даниила. Учёт его неревского происхождения, позволяет видеть в нем брата посадников Юрия и Василия Ивановичей и отца посадника Ивана Даниловича. Дополнительное наименование его летописью «Божиным внуком», вряд ли является необъяснимым. Поскольку его дедом является Варфоломей Юрьевич, то имя «Божен/Бажен», «Божидир» (герой сербского эпоса, слуга кн. Лазаря Гребляновича на Косовом Поле, 1389) или «Божерад» (волошский воевода, 1239) нужно рассматривать в качестве некрестильного (древнерусского) имени боярина Варфоломея. Ниже мы увидим справедливость такого предположения на примере неревского боярина «Селифонта Твердиславля».

По нашему мнению, можно выявить еще одну семью в старшей ветви неревлян – Мишиничей (схема 3). Речь идет о потомках Ксенофонта Игнатъевича, к которым, как кажется, принадлежит боярин Марк Панфильевич. Вспомним, что Ксенофонт Игнатъевич упоминается в берестяных грамотах дважды как «Синофонт»: 1) № 368 (слой 1340/1369); 2) № 178 (слой 1382-1396)¹⁰⁹. Его сын – Фёдор «Синофонтов» – упоминается в грамоте № 264 (слой 1382-1396)¹¹⁰.

Марк Панфильевич, у которого был брат Лаврентий, был купеческим старостой и одним из главных вождей сторонников литовской ориентации, наряду со старшими Мишиничами, Борецкими, Самсоновичами и Селезнёвыми. Он был арестован 01.II.1478 г., на следующий день были взяты Борецкие, а уже 7 февраля всех арестованных отправили в Москву, где следы их затерялись. Их отцом был Панфилий Селифонтович (ум. до 1478), который весной 1471 г., будучи послом к Казимиру IV, В.К. Литовскому [1440-1492] и королю Польши [1447-1492], заключил с ним договор от имени Новгорода о поддержке им антимосковской партии. Панфилий и его дети называются житьими, а не

¹⁰⁸ Петров А.В. Указ. соч. С. 271-291.

¹⁰⁹ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 25, 39, 47.

¹¹⁰ Там же. С. 47. «Синофонт» - народный вариант имени «Ксенофонт». См.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М., 2004. С. 591.

боярами, исходя лишь из купеческой должности Марка и того, что в официальном договоре 1471 года Панфилий указан как представитель житых¹¹¹.

Однако игнорируется сообщение писцовой книги Обонежской пятины, где были крупные владения Марка Панфильевича. Согласно книге, «Панфил Селифонтов» назван «старым посадником»¹¹². По мнению В.Л.Янина, это неверное утверждение, проникшее в писцовую книгу из устной традиции. Нам кажется, что не доверять писцовой книге нет нужды.

Отцом Панфилия является боярин «Селифонт Твердиславль с детьми», упоминаемый в числе бояр Толвуйского погоста Заонежья (грамота № 90), вкладывающих земли в Палеостровский монастырь, ок. 1415/1421 гг.¹¹³ В грамоте № 288 он назван «Селифонтей Твердислав»¹¹⁴, в грамоте № 289 – «Синофонт Твердиславль»¹¹⁵. Его боярство не берётся под сомнение¹¹⁶ и тем страннее, что его потомки считаются в историографии житыми. Писцовая книга Обонежской пятины указывает владения братьев Панфильевичей боярщинами¹¹⁷. В.Л.Янин сомневался в датировке толвуйской грамоты, считая её принадлежностью 1440-х гг. Он полагал, что упоминаемый там Афанасий, сын тысяцкого Остафия, мог быть лишь Афанасием Остафьевичем Грузовым, посадником ок. 1448 и 1475 гг.; упоминаемый там же тысяцкий Дмитрий Васильевич, это посадник ок. 1448 и 1456 гг.¹¹⁸ Вместе с тем В.Л.Янин оговорил, что принадлежность Афанасия Остафьевича к роду именно Грузовых недоказуема, хотя и вероятна. Теоретически он мог быть сыном боярина Остафья Есифовича, единожды упомянутого воеводой в 1435 г.¹¹⁹ Это мнение недавно было поддержано Л.А.Бассалыго, который указал, что «никаких других сведений о тысяцком Остафье нет», кроме его упоминания в толвуйской грамоте; он же

¹¹¹ *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 173, 275, 337; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 324.

¹¹² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 173.

¹¹³ ГВНП. № 90. С. 147.

¹¹⁴ ГВНП. № 288. С. 289.

¹¹⁵ ГВНП. № 289. С. 290.

¹¹⁶ *Бернадский В.Н.* Указ. соч. С. 54-55.

¹¹⁷ Писцовые книги Обонежской пятины. С. 135, 136.

¹¹⁸ *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 52-53.

¹¹⁹ Там же. С. 78.

показал, что Дмитрий Васильевич был тысяцким [IX.1435-II.1436], когда летописью упоминался Остафья Есифович¹²⁰.

Важно, что толвуйская грамота упоминает посадника Андрея Ивановича, неревлянина, внука Василия Игнатьевича. Это важно тем, что Синофонт Твердислав с детьми и Ермола Лентеев (см. ниже), упоминаемые толвуйской грамотой, также были неревскими боярами. Наконец, прямо указывается, что усадьба Марка Панфильевича стояла на ул. Кузьмодемьянской¹²¹.

Итак, мы полагаем, что *Синофонта*, т.е. *Ксенофонта* Твердислава нужно отождествлять с Ксенофонтом Игнатьевичем. В этом случае имя «Твердислав» надо рассматривать как его некрестильное имя. В противном случае, если считать, что это – отчество «Твердиславич», как оно автоматически указывается во всех публикациях, то это – некрестильное имя Игната Матфеевича. Принятие такого отождествления объясняет близость Панфилия и Панфильевичей 1470-х гг. к Борецким, а равно близость их земельных владений во всех пятинах. В этом случае Панфилий Ксенофонтович вполне мог быть старым посадником от Неревского конца, приняв эту должность в 1420/30-х гг. Принятие предлагаемого нами отождествления не противоречит также предполагаемым возрастам рассматриваемых лиц. Учитывая смерть Панфилия до 1478 г., следует думать, что он родился не позже 1420-х гг. Однако, поскольку оба его сына указываются вполне зрелыми мужчинами в 1470-х гг., нужно допускать рождение Панфилия не позже 1400/10-х гг.

Предлагаемый нами вариант не требует введения в родословную схему промежуточных звеньев. Если же согласиться с тем, что датировка толвуйской грамоты находится в границах 1440-х гг., тогда отождествление Синофонта-Твердислава с Ксенофонтом Игнатьевичем невозможно. В этом случае его надо было бы считать либо сыном Ксенофонта Игнатьевича, либо его внуком, например, от Фёдора Ксенофонтовича. Однако для таких предположений, как кажется, гораздо меньше оснований, чем для предлагаемого нами отождествления.

¹²⁰ *Бассалыго Л.А.* Новгородские тысяцкие. Часть III // Новгородский исторический сборник. 2013. Вып. 13(23). С. 118, 119.

Предлагаемое нами отождествление говорит о том, что Пафилий и Панфильевичи – бояре, как их и называет писцовая книга, а не житьи. В том факте, что боярин в договоре 1471 г. представлял житьих, нет ничего невероятного. Купеческим старостой был и Никита Леонтьевич, чье боярство вряд ли следует оспаривать. Наконец, можно вернуться к фигурам Максима Онцифоровича и его сына Сидора. В настоящее время является общепринятым тот факт, что он – боярин – был сотским, а его сын – уличанским старостой. Однако если бы берестяные грамоты не дали возможности чётко определить, что сотский Максим и есть Максим Онцифорович, то в историографии бы существовали два Максима. Если Синофонт-Твердислав боярин, почему его сын и внуки должны быть житьими? Бояре к 1470-м гг. проникли, судя по всему, на все возможные новгородские должности, оттесняя от них лиц не боярского происхождения.

Интересно, что потомки Ксенофонтовичей сохранились в Новгородской земле до середины XVI в. Писцовая книга Деревской пятины (опись проводилась с осени 1495 до конца 1496, а писцовая книга составлялась между февралем и концом 1499 гг.)¹²² сохранила упоминания о них, как о своеземцах. В Листовском погосте показаны изъятыми две деревни «Гридинские да Сенкинские Ивашковских детей Селифонтова»¹²³. В Налесском погосте показаны изъятыми 7 деревень и 1 сельцо «Гридинские да Сенкинские Ивановых детей Селифонтьева»¹²⁴. В том же Налесском погосте при перечислении ныне существующих владений своеземцев указывается: «В Налесском же погосте селцо Ракушино вопчее... В том же селе на Кузмидемьянских жеребьех с Кузмидемьяни улицы на Гридкинском да на Сенкинском, Ивановых детей Селифонтова, да на Пафомовском Гридина Заволочянина... два двора, два человека, две обжи»¹²⁵. Таким образом, не только соответствие отчества отца братьев-своеземцев, но и чёткое указание на адрес их проживания, совпадающий

¹²¹ Лавочная книга Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 174.

¹²² Фролов А.А. Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495-1496 годов // Древняя Русь. 2004. № 3(17). С. 55-69.

¹²³ Книга Деревской пятины. С. 701.

¹²⁴ Там же. С. 804.

¹²⁵ Там же. С. 809-810.

с адресом Марка Панфильевича, позволяет видеть в Иване Селифонтьевиче брата Панфилия Селифонтьевича¹²⁶. Также весьма интересно, что двоюродные братья арестованного Марка Панфильевича, хотя и подвергаются изъятию земель, но остаются в Новгородской земле на своеземческих правах¹²⁷. Можно провести параллель с тем, что в г. Корела дворы Луки и Исака Леонтьевичей указываются в общем перечне как дворы «корельских дворовых своеземцев»¹²⁸.

¹²⁶ «Писцовая книга поместных земель Бежецкой пятины» 1538/1539 г. указывает за Григорием и Семёном Селифонтовыми поместье в Никольском погосте в Бельске в волостке Окошино. См.: Писцовые книги Новгородской земли / Сост. В.К.Баранов. Т. 3. М., 2001. С. 18. Под 1538/1539 г. оба брата (как Григорий и Семён Ивановы дети Селифонтова) указаны помещиками в погосте Семёновском в Вудрицах Деревской пятины (См.: Писцовые книги Новгородской земли / Сост. В.К.Баранов. Т. 4. М., 2004. С. 187); под 1542/1543 г. они же в «Платежной книге Деревской пятины» указаны помещиками в Листовском погосте Деревской пятины (См.: Там же. С. 419). Под 1542/1543 г. только Семён Иванов сын Селифонтов показан помещиком Ужинского погоста Деревской пятины (См.: Там же. С. 375); он же оставался владельцем этого поместья и в 1550/1551 г. (См.: Писцовые книги Новгородской земли / Сост. В.К.Баранов. Т. 5. М., 2004. С. 160), а также имел поместье в Ситенском погосте Деревской пятины (См.: Там же. С. 143). В двух последних случаях Григорий уже не указывался, что может говорить об его смерти до 1550 г.

¹²⁷ Надо думать, что дети Марка Панфильевича, если они были землевладельцами, должны были подвергнуться репрессиям вместе с отцом. В Рутинском погосте Деревской пятины в 1495/1496 г. зарегистрирована дворцовая волость «Ивановская Марковская» (51 обжа); здесь же приписано, что в 1499 г. волость отдана князьям Корецким. См.: Книга Деревской пятины. С. 408-413. В Березайском погосте были «деревни Фёклинские, Ивановские жены Маркова» (17 обож). См.: Там же. С. 507. В Бежецкой пятине сохранились сведения о братьях Марковичах, Иване, Фёдоре и Захарии: 1) «волостка» (1545, Никольский погост, волость Смердыни) – 11 обож + 200 копен; 2) «волость Забережье на реке на Мологе» (1545) – 218 обож + 1661 копна. См.: Книги Бежецкой пятины // Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6. С. 451-452; 466-476. Можно предположить в братьях Марковичах детей Марка Панфильевича, тем более что иных «Марковичей» в писцовых книгах Новгородской земли не встречается. Однако однозначно этого сказать нельзя. Вместе с тем, сказать, когда именно были изъяты эти волости у братьев Марковичей, трудно. «Старое письмо», на которое ссылается Книга Деревской пятины 1495/1496 г., представляло собой не сохранившиеся писцовые книги Деревской пятины 1486/1487 г. См.: Баранов В.К. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России 2000. М., 2000. Вып. 4. С. 71-93. То есть уже к рубежу 1486/1487 гг. земли у братьев Марковичей были отображены, однако насколько раньше составления писцовой книги 1480-х гг. прошла собственно перепись, в ходе которых эти земли и отобрали, неизвестно.

¹²⁸ Здесь можно, как кажется, провести еще одну параллель с классическим московским понятием «дворовых детей боярских», по-видимому, применённым в данном случае в писцовом описании. Именно в таком аспекте рассматривали своеземцев вообще и корельских своеземцев в частности Н.Д.Чечулин и Н.П.Павлов-Сильванский. См.: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 123 и сл.; Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 97 и сл. Именно в таком контексте они

На родство с этой ветвью неревского боярства претендовал отечественный дворянский род – Селифонтовых, представитель которого – Николай Николаевич Селифонтов (1835-1900), товарищ (совр. заместитель) министра путей сообщения [1872-1880], сенатор (с 1872), – выпустил об этом брошюру¹²⁹. Н.Н.Селифонтов не подозревал о том, что речь идёт о неревском боярстве: он выводил род от Селифонта-Твердислава, обосновывая это лишь совпадением своей фамилии с отчеством и знатным происхождением последнего. Любопытно, что он указывал об обнаружении в писцовых книгах «детей Селифонтьева» из Деревской пятины, но писал: «Были ли... [они]... в родстве с Памфилом Селифонтовым, мы не знаем и не имеем никаких данных для каких-либо догадок»¹³⁰. Сенатора Н.Н.Селифонтова можно извинить в его незнании Лавочной книги 1583 г., адреса, указанного в Книге Деревской пятины 1495/1496 г., и невозможности, поэтому, провести между этими людьми прямую преемственность. Но это незнание не должно было стать поводом к выдумыванию того, что, помимо Марка и Лаврентия, Селифонт имел сыном некоего «Дементия»¹³¹. Выдумывание этого человека было нужно для того, чтобы реального своего предка – Козьму Дементьевича сына Селифонтова с детьми (Иваном и Андреем), – получившего поместье в Ярославском уезде (1511)¹³², связать с Панфилием Ксенофонтовичем.

упоминаются в Орешке (в крепости после двора наместника идут 7 дворов своеземцев, 5 дворов городских «молодших людей», 2 поповских двора и 5 дворов «холопей Великого Князя» - пищальников и воротников). См.: *Кирпичников А.Н., Сапков В.М.* Крепость Орешек. Л., 1979. С. 50. С этим соглашался И.Кулишер: *Кулишер И.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004. С. 503. Когда потомки братьев Леонтьевичей перестают быть своеземцами, проследить не удаётся вследствие неполноты писцовых книг. Известно, что в писцовой книге Корельского у. 1568 г. вместо своеземцев зарегистрированы *земцы*. Полагается, что земцы – это бывшие своеземцы, повёрстанные в службу и утерявшие с этим вотчинные земельные права, но приобретшие права поместные; к 1568 г. все наличные своеземцы Корельского у. стали земцами. См.: История Карелии с древнейших времён до наших дней. / Под общ. ред. Н.А.Кораблёва, В.Г.Макурова, Ю.А.Савватеева, М.И.Шумилова. Петрозаводск, 2001. С. 268. То есть потомки Леонтьевичей утратили своё своеземческое состояние до 1568 г.

¹²⁹ *Селифонтов Н.Н.* Родословная Селифонтовых и Румянцовых: «для друзей». СПб., 1890.

¹³⁰ Там же. С. 4.

¹³¹ Там же. С. 10.

¹³² Там же. С. 11.

Разумеется, что, как и в случае с дворянским родом Анцыфоровых, эта связь неочевидна и совершенно недоказуема¹³³.

3. Боярство Неревского конца Великого Новгорода до XIII в. и его связь с родом Мишиничей-Онцифоровичей

3.1. Семья Малышевичей и её связь с Мишиничами

Своеобразным импульсом для разработки темы, заявленной в настоящем параграфе стали слова А.А.Молчанова: «Даже самое тщательное изучение отдельных боярских генеалогий всё ещё не позволяет сказать что-либо определенное о ранней (до XII в.) их истории и тем более об этническом происхождении их родоначальников»¹³⁴.

На самом деле это утверждение не вполне правомочно. Ещё в 2001 г. мы пытались проследить раннюю генеалогию Мишиничей-Онцифоровичей, отталкиваясь от классических работ В.Л.Янина¹³⁵. Наши результаты, однако, не были свободны от ряда погрешностей, поэтому текущей нашей задачей является попытка построения начальных этапов генеалогии боярского клана Неревского конца X-XIII вв., с корректировкой наших ранних представлений, каковая задача представляется вполне разрешимой.

Позволим себе процитировать основные постулаты, высказанные В.Л.Яниным, и вплоть до настоящего времени являющиеся общепринятыми: «Характерной особенностью новгородской боярской государственности была принадлежность власти немногим аристократическим родам, которые в своей политической борьбе постоянно опирались на определённые территориальные связи, вербуя

¹³³ Одновременно с реальными потоками Селифонта-Твердислава – Григорием и Семёном – писцовые книги указывают помещиком в Шелонской пятине Домашнего Микулина сына Селифонтова. См.: Писцовые книги Новгородской земли / Сост. В.К.Баранов. Т. 6. М., 2009. С. 81. Связать его родством с Григорием и Семёном невозможно, поэтому следует видеть в нём лишь однофамильца, каковым однофамильцем для новгородских реальных Селифонтовых был и ярославский помещик.

¹³⁴ Молчанов А.А. Новгородское боярство в X-XI вв.: славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011. С. 273.

¹³⁵ Таланин В.И. У истоков Руси. Очерки истории IX-XI вв. Запорожье, 2001. С. 270-302.

себе сторонников из числа граждан одной с ними кончанской принадлежности... Прочность, традиционность внутрикончанских связей имели в своей основе.. устойчивость первоначальных боярских гнёзд, сохранивших на протяжении веков всю систему экономического и политического влияния на граждан своего конца»¹³⁶. Таким образом: «Новгородские боярские семьи были прочнейшим образом связаны со своими родовыми усадьбами. Из поколения в поколение они жили на одних и тех же концах города, наследуя древние участки городской территории, находившиеся в их владении»¹³⁷. При этом, крайне важно, что родовые усадьбы бояр оставались «практически неизменными на всем протяжении второй половины X-XV вв.»¹³⁸, и, следовательно, владельцы групп усадеб одного и того же конца «вели происхождение от одного общего предка»¹³⁹. Это даёт возможность полагать, что древнейшие предки Мишиничей-Онцифоровичей жили на Неревском конце с X в., а искать их по летописям и археологическим данным нужно по территориальному признаку. Иной подход с учетом текущего состояния источников невозможен.

В.Л.Янин показал, что непосредственными предками Мишиничей была боярская семья Малышевичей, жившая на рубеже XII/XIII вв. почти на тех же усадьбах, что и позднейшие Мишиничи. Усадьбы Малышевичей на рубеже XII/XIII вв. тесно примыкают к месту размещения усадеб Мишиничей XIII-XIV веков, а те участки, которые не перекрывались усадебными слоями разных веков, входили в зону контроля бояр Малышевичей. В общем виде (по летописям) семья Малышевичей выглядит следующим образом (схема 4). Очень кратко приведем известную на сегодняшний день информацию обо всех персонах данного генеалогического древа.

Прокша (Прокопий, Прохно) Малышевич (ум. 1207). Впервые упом. 1199 г., как боярин, начавший возведение церкви Сорока мучеников на ул. Щеркове. Затем постригся в монашество в Хутынском монастыре у игумена Варлаама под

¹³⁶ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 151.

¹³⁷ Там же. С. 211.

¹³⁸ Там же. С. 151.

¹³⁹ Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 44.

именем Порфирия. Скончался, не завершив постройку церкви. Похоронен в Хутынском монастыре.

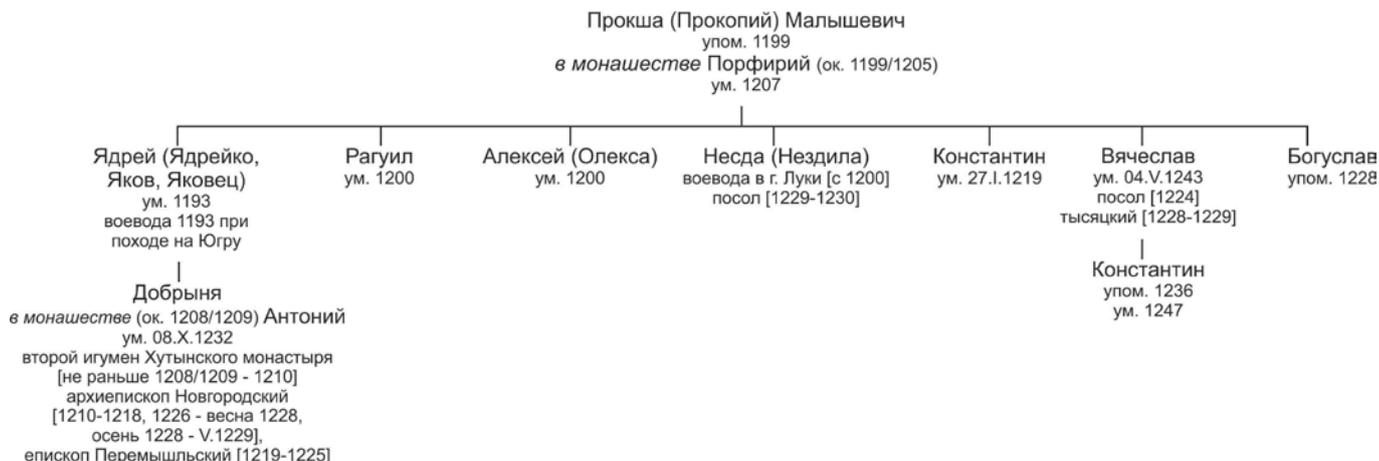

Схема 4. Малышевичи рубежа XII/XIII вв.

Ядрей (Ядрейко, Андрек, Яков, Яковец) Прокшинич. Воевода, возглавлявший в 1193 г. поход новгородской рати на Югру (совр. Ханты-Мансийский автономный округ к востоку от р. Печоры). Погиб в результате предательства некоего новгородца Савки, почти вся рать была уничтожена.

Рагуил Прокшинич (ум. 1200). В 1200 г. литовцы совершили набег в новгородские земли со стороны г. Луки (совр. Великие Луки) по р. Ловать. Наспех организованное ополчение не преуспело: Рагуил погиб в бою вместе с братом.

Алексей Прокшинич (ум. 1200). Погиб вместе с братом на Ловати, отражая набег литовцев.

Нездила (Незделя, Незда, Несда) Прокшинич (ум. после 1230). Впервые упом. 1200 г. как «Нездила пехцинич (похцинич, пьхичиниць)»¹⁴⁰: назначен воеводой в

¹⁴⁰ Мы отождествляем фигуры Нездилы (1200) и Нездилы Прокшинича (1229). Известно, что воеводами всегда, а тем более в XII в. назначались бояре. «Пьхичиниць», по нашему мнению, является не отчеством, а указанием на военную профессию Нездилы. В достаточно аргументированной работе А.В.Быкова показывается: 1) для новгородцев до XII в. более приоритетной карьерой являлась война, нежели хозяйственная деятельность; 2) в числе новгородцев-ополченцев до XIV в. можно найти отнюдь не только чёрных людей, но – и даже в большей степени – бояр и различных чиновников; 3) в XII-XIII вв. происходит расслоение новгородского ополчения на «вятших» - тяжеловооружённых конников и «молодших» или

г. Луки. Организовал карательную экспедицию против литовцев, а также перебил местных изменников – неких «Столбовичей». Упом. 1229 г. в послых к кн. Ярославу Всеволодовичу; князь держал их год.

Константин Прокшинич (ум. 27.I.1219). Упом. неревским боярином, убитым в бунте 1219 г.

Вячеслав Прокшинич (ум. 04.V.1243). Упом. 1211 г., завершив строительство храма Сорока мучеников. Посол [1224] к В.К. Юрию II Всеволодовичу [1212-1216, 1218-1238]. Упом. 1227 г., завершив роспись храма Сорока мучеников (т.е. был его ктиторм). Тысяцкий [1228-1229]. Похоронен в Хутынском монастыре; в похоронах участвовали хутынский игумен Сидор, новгородский архиеп. Спиридон [1229-1249], новгородский князь Александр Ярославич *Невский* [1228-1229, 1230-1240, 1241-1252, 1257-1259].

Богуслав (Богша, Богош, Буслав) Прокшинич. Упом. 1228 г. братом тысяцкого, дворы которых были разгромлены в ходе бунта.

Участие в 1243 г. в похоронах боярина Вячеслава князя Александра и архиепископа – вернейшего сторонника этого князя должны говорить нам о том, что семья Прокшиничей была одной из тех боярских семей, на которые в Новгороде опирался в первой половине XIII в. Владимирский великокняжеский стол. Об этом же свидетельствуют внутриновгородские события начала XIII в. В 1199 г. В.К. Всеволод III Юрьевич [1176-1212] по просьбе новгородцев, послал им князем своего сына Святослава [1200-1205, 1208-1210], но вывел его,

«пещцев»; 4) вятские с XIV в. ходили в дальние походы, а пещцами с этого времени назывались либо непосредственно городское ополчение, либо те, кто прибыл к месту дальней битвы на судах; 5) в XV в. пещцами называлась только пешая судовая рать, т.н. «ушкуйники»; 6) в XV в. военное дело стало прерогативой только вятских бояр и ушкуйников – профессиональных войск; 7) до середины XIII в. костяк новгородского ополчения составляли бояре, а само ополчение в большинстве случаев сражалось в пешем строю, специально спешиваясь, даже имея коней. См.: *Быков А.В.* Новгородское войско XI-XV веков // Автореф... дис. канд. ист. н. Великий Новгород, 2006. Таким образом, Нездила пыхичиниць – это боярин, возглавлявший в конце XII в. отряд наиболее профессиональных воинов, позднее названных ушкуйниками, своего рода «военный спецназ» того времени. В любом случае применять к боярину-воеводе вариант его происхождения из пещцев – слабовооружённой части войска – явно не следует. Учитывая одинаковый род занятий Ядрея, Рагуила и Алексея, выбравших военную карьеру, причисление к ним братом ещё одного военачальника правомерно. Наконец, ещё более правомерно, что брат-воевода наказывает разбойников за набег и мстит им и местным предателям за гибель своих братьев.

поскольку «сын мой Святослав мал», после чего послал в Новгород «сына своего старейшаго Костянтина»¹⁴¹ [1205-1208]. Те же события иначе описываются Лаврентьевской летописью, в которой новгородцы, прося Святослава, «напоминают» Государю: «Зане тебе отчина и дедина Новгород». В случае с Константином, Всеволод говорит, что «Новгород Великий старейшинство имать княженью во всем Русьской земли», а, т.к. Константин – старший сын, с получением Новгорода он получает «старейшинство» во всей Руси¹⁴².

В Новгороде в эти годы господствовала диктатура посадника из Людина конца Мирошки Нездинича [1189-1204], поборника максимального ограничения великокняжеской власти над Новгородом, и его сына – Дмитра Мирошкиничича [1205-1207]¹⁴³. В 1207 г. посадничий террор достиг такого размаха, что 17.III.1207 г. по приказу посадничьего брата на улице без вины и суда был убит неревский боярин Алексей Сбыславич; его принадлежность к Неревскому концу указывается летописью, сообщающей, что по убиенному плакала Богородица в церкви Св. Иакова в Неревском конце¹⁴⁴. После того как новгородцы участвовали в одном из военных предприятий Всеволода III, он, отпуская их, напутствовал своими знаменитыми словами: «Кто вы добр, того любите, злых казните»¹⁴⁵. Часто их интерпретируют как подтверждение новгородской вольницы, но на деле это было замаскированное разрешение на переворот. В конце 1207 г. в результате мощного восстания семья Мирошкиничичей была свергнута, а усадьбы и имущество разграблены. Власть перешла, впрочем, не к неревским боярам, а к их не меньшим соперникам, боярам Прусской улицы, которые, однако, тоже поддерживали Всеволода III: Михалко Степанич [1176-1177, 1180-1184, 1186-1189, 1204-1205], Твердислав Михалкович [1207-1211, 1211/1214 – 1215, 1216-1219, 1219-1220], Дмитр Якунич [1211 – 1211/1214]. Неревское боярство пробивается к посадничеству ненадолго в лице Юрия Иванковича [1215-1216].

¹⁴¹ НПЛ. С. 238, 246.

¹⁴² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 422.

¹⁴³ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 99-104

¹⁴⁴ По-видимому, с ним можно сопоставить Юрия Сбышкиничича (Сбыщинича, Сбыщинича), убитого литовцами в ходе набега 1200 г. и поставленного летописью при перечислении погибших на третье место после Прокшиничей. Его близость к неревским боярам в 1200 г. и тождество отчеств в 1207 г. позволяет видеть в Юрии и Алексее Сбыславичах братьев.

Последний был сыном посадника из Неревского конца Иванки Захарьинича (ум. 1175) [1171, 1172-1175] и внуком посадника Захарии [1161-1167], поддерживавших В.К. Ростислава Мстиславича [1154-1155, 1159-1161, 1161-1167]. Последний, в свою очередь, был сыном Мстислава I Владимировича, новгородского князя [1088-1094, 1096-1117], В.К. Киевского [1125-1132]¹⁴⁶. Посадник Захария был стойким сторонником новгородского князя Святослава Ростиславича [1157-1160, 1161-1167], который, в свою очередь, ратовал за максимальное подчинение Новгорода великокняжескому столу¹⁴⁷. Несмотря на свою службу новгородским интересам, выражавшуюся в частности в отражении шведского нападения на Ладогу (1164), Захария стал жертвой оппозиции. Сразу по смерти Ростислава Мстиславича в результате брожений в новгородской среде Святослав отъехал в г. Луки в надежде, что его посредством Захарии позовут обратно. Но оппозиция делает ставку на вторую по старшинству ветвь Мономашичей (потомков второго сына Мстислава – Изяслава (ум. 1154)). В ходе бунта 1167 г. были убиты посадник Захария и неревский боярин «Неревин». Власть перешла к посаднику с Прусской улицы Якуну [1167-1170], а князем поставили Романа Мстиславича [1168-1170], будущего князя волынского [1170-1187, 1188-1199], галицкого [1187-1188] и галицко-волынского [1199-1205].

В 1170-е гг. решался вопрос о переходе общерусской столицы из Киева, показательно завоеванного владимирцами и суздальцами в 1169 г., во Владимир-на-Клязьме. Как видно, поскольку неревские бояре поддерживали в XIII в. владимирский престол, а до четвёртой четверти XII в. – киевский, то они всё время старались сохранять Новгород в великокняжеской орбите, отнюдь не

¹⁴⁵ НПЛ. С. 248.

¹⁴⁶ Одной из причин, по которой неревское боярство поддерживало эту княжескую линию, было его родство с нею. В 1122 г. Мстислав Владимирович женился вторым браком на Любаве, дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича, неревского боярина. Имя Любавы сохранилось в источниках В.Н.Татищева и польских. См.: *Tatiuszew V.N.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 135; *Brzeziński W.* Pochodzenie Ludmiły, żony Mieszka Piłtonogiego. Przyczynek do dziejów czesko-polskich w drugiej połowie XII w. // *Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów*, Toruń, 1997. S. 213-219. Князь Ростислав Мстиславич был сыном от первого брака, т.е. для неревских бояр он не был кровным родичем, но поскольку они его поддерживали, следует понимать, что они признавали его родственником. Дополнительную аргументацию этого см. далее.

¹⁴⁷ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 146.

стремясь усилить его самостоятельность. Однако пока переход верховной власти между двумя столицами был еще не решён окончательно, видеть в поддержке неревлянами Ростиславичей в противовес ориентировавшимся на Владимир Изяславичам желание противодействовать верховной власти, не следует¹⁴⁸.

Рюрик Ростиславич, новгородский князь [1170-1171] и В.К. Киевский [1173, 1181, 1194-1201, 1203-1204, 1205-1206, 1207-1210], изгнав прусского посадника Жирослава [1170-1171, 1171-1172, 1175], вернул к власти неревских бояр в лице Иванки Захарьинича и нового посадника – Завида «Неревинича» (Неверонича)¹⁴⁹ [1175-1176, 1177-1180, 1184-1186], сына убитого в 1167 г. боярина «Неревина». В 1176 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич *Безокий* [1160-1161, 1175-1176, 1177-1178], внук Юрия *Долгорукого*, племянник Андрея *Боголюбского* и Всеволода III, женится на дочери бывшего посадника Якуна Мирославича¹⁵⁰. После этого неревские бояре окончательно соглашаются с переходом властных полномочий между столицами, но поддерживают не всех Юрьевичей и тем более не Всеволода III, а только своего князя-родственника¹⁵¹. После его смерти (1178) неревляне поддерживали его братьев – новгородских князей Ярополка [1178] и Романа Ростиславичей [1178-1179]. Однако в 1180 г. Новгород покоряется Всеволоду III, следствием чего является переход внутренней власти к посадникам с Прусской улицы. Однако новые князья Новгорода – из черниговских Рюриковичей – начали воевать с Всеволодом III, в результате чего в 1184 г. он поставил в Новгород князя из смоленских Рюриковичей, а на посадничество вернул Завида Неверонича¹⁵². Однако вскоре прущане инспирируют переворот: в 1186 г. посадник Завид бежал в Смоленск, а в Новгороде был убит его брат –

¹⁴⁸ Последовательным сторонником Ростиславичей был посадник Якун Мирославич [1137-1141, 1156-1160], который и пригласил Ростислава Мстиславича. Как будет показано ниже, он тоже принадлежал к клану неревских бояр.

¹⁴⁹ Летопись указывает оба написания – Неревинич и Неверонич. Мы полагаем, что справедливо второе, поскольку Невер – это славянское имя, а Неревин, как верно замечал в своих работах В.Л.Янин, всего лишь указание на принадлежность к Неревскому концу, т.е. прозвище по адресу проживания. Маловероятно, чтобы видного боярина, посадничьего брата и отца, летопись именовала только по прозвищу даже без имени.

¹⁵⁰ НПЛ. С. 224. Якун Мирославич, как можно понять из контекста летописной записи, был ещё жив к этому времени.

¹⁵¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 151.

¹⁵² Там же. С. 153.

Гаврила Неверонич¹⁵³. В 1187 г. смоленские князья изгоняются из Новгорода, а прущане соглашаются с властью Всеволода III. После этого переворота неревские бояре теряют посадничью должность вплоть до 1215 г.

Следует заметить, что Прокша Малышевич и его дети, как явствует из вышеизложенного, принадлежали к младшей ветви неревского боярства. Если бы это было не так, то в их роду обязательно фигурировала бы должность посадника, однако они довольствуются лишь должностями воевод (Ядрей Прокшинич), воевод-наместников (Нездила Прокшинич), послов (Нездила и Вячеслав Прокшиничи). Максимумом карьеры для Малышевичей становится должность тысяцкого (1228), при том, что эта должность впервые появилась ок. 1190 г. в посадничестве Мирошки Нездинича. Поэтому все вышеперечисленные неревляне принадлежали к старшим ветвям одного и того же боярского рода. Интересно, что это находит подтверждение в археологических материалах. Берестяные грамоты, упоминающие Прокшу Малышевича и Богшу Прокшинича, были найдены в слоях 1177-1197 и 1197-1224 гг. соответственно на т.н. «усадьбах А, Г» к северу от ул. Холопьев¹⁵⁴. Грамоты, упоминающие Иванку Захарьинича и Юрия Иванковича были найдены в слоях 1134-1197 и 1161-1224 гг. соответственно, на т.н. «усадьбе К» на пересечении улиц Великой и Козьмодемьянской¹⁵⁵. То есть на усадьбах, где в XIV в. жили собственно Мишиничи в XII в. обитали потомки неревских бояр Захарии и Неревина, а Малышевичи в это же время обитали строго по соседству с ними, в районе пересечения улиц Великой и Холопьев. Также в слоях 1161-1197 гг. найдены грамоты с упоминанием Завида, которого В.Л.Янин справедливо связывал с Завидом Невероничем¹⁵⁶.

На усадьбах будущих Мишиничей археологически прослеживаются ещё несколько неревских бояр: Микулы и его сыновей Петра и Константина¹⁵⁷. Микула был восьмым из девяти посадников периода 1088-1117 гг., но летопись

¹⁵³ НПЛ. С. 228.

¹⁵⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 33.

¹⁵⁵ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 85.

¹⁵⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 167.

¹⁵⁷ Впервые это показал В.А.Буров: Буров В.А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей. С. 122; Позднее с этим согласился В.Л.Янин: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 167-177.

не упоминает дат его посадничества; берестяная грамота с его упоминанием найдена в слое 1096-1116 гг. на «усадьбе Д». На той же усадьбе найдены берестяные упоминания его детей (слои 1096-1134 гг.): Петрилы Микулинича (ум. 28.I.1135), посадника [1131-1134]¹⁵⁸; Константина Микулинича (ум. 1147), посадника [28.I.1136-07.III.1137, 1146-1147]¹⁵⁹. «Усадьба Д» в позднейшее время принадлежала Варфоломею Юрьевичу, т.е. являлась центральной усадьбой будущих Мишиничей. Оба посадника Микулинича поддерживали новгородских князей-Мстиславичей, т.е. политическая линия неревского боярства в течение всего XII в. была неизменной. «Усадьба К» в позднейшее время принадлежала Максиму Онцифоровичу.

Рассмотренную выше политическую линию продолжил и посадник Юрий Иванкович [1215-1216]. Он был приверженцем Мстислава Мстиславича *Удатного*, новгородского князя [1209-1215, 1216-1217], галицкого князя [1215, 1218-1227], сына Мстислава Ростиславича *Храброго*, новгородского князя [1179-1180] из смоленских Рюриковичей. В своё новгородское княжение Мстислав *Удатный* постоянно воевал с Всеволодом III. В 1215 г. князь ушёл на юг, где взял Галич, а Юрий Иванкович пригласил в Новгород сына Всеволода III, Ярослава Всеволодовича [1215-1216, 1222-1223, 1226-1228, 1231-1236], женатого вторым браком на дочери Мстислава *Удатного*, будущего В.К. Ярослава II [1238-1246]. Однако он не стал «ручным князем», а придя в Новгород, сразу же оперся на прущан и провел ряд репрессий. Посадник Юрий выступил против репрессий, тогда князь Ярослав в феврале 1216 г. ушел в Торжок, взяв с собой Твердислава Михалковича и пятерых бояр, в т.ч. Сбыслава Степанича¹⁶⁰. Спешно вернувшийся с юга Мстислав занял Новгород, и в Липицкой битве 21.IV.1216 г. новгородско-смоленское войско разгромило владимиристо-суздальцев и муромцев. Юрий потерял свой пост, т.к. был скомпрометирован приглашением Ярослава, и прущане вновь взяли посадничью должность. В 1217 г. Мстислав окончательно

¹⁵⁸ Погиб в качестве воеводы новгородского князя в его войне с суздальцами в битве на Жданой горе (земля Переяславль-Залесского княжества).

¹⁵⁹ В марте 1137 г. бежал к свергнутому князю в Псков, за что его усадьба была разгромлена оппозицией. В 1140 г. он был заключён в тюрьму в Киеве В.К. Всеволодом Ольговичем [1139-1146] и сидел в заключении до 1146 г.

¹⁶⁰ НПЛ. С. 253.

ушёл в Галич, и вместе с ним добровольно ушли Юрий Иванович, Сбыслав Степанич, Алексей Путилович¹⁶¹.

Мы полагаем, что в 1217 г. вся старшая ветвь боярского рода Неревского конца оказалась обезглавленной. Сбыслава Степанича, который явно действует в тесной связке с посадником Юрием, по нашему мнению, нужно полагать отцом убитого в 1207 г. Алексея Сбыславича и погибшего в 1200 г. Юрия Сбышкинича¹⁶². После этих событий неревское боярство впервые получило посадничий пост только в 1270-х гг. в лице Михаила Мишинича: пост посадника в 1220-60-х гг. принадлежал боярам Прусской улицы, Людина конца и начавшим проникать в посадничество боярам Славенского конца. Дополнительный удар был нанесен оппозицией по неревлянам в ходе неудачного восстания в янв. 1219 г. против посадника Твердислава. Он сразу же организовал манифестации («вече») в свою поддержку¹⁶³. В ходе этих событий 27.I.1219 г. был убит боярин Константин Прокшинич, который, по-видимому, был главой неревского клана: в противном случае его было незачем убивать. Восстание захлебнулось сразу после этого.

Вернувшийся на новгородское княжение Ярослав Всеволодович не вмешивался во внутриновгородские дела, продолжая княжить в Переяславле, занимаясь в Новгороде лишь военными операциями. Видимо, он пошёл на это в обмен на признание Новгородом сюзеренитета Владимирского княжества¹⁶⁴. То есть надо признать, что возникшая неревскому боярству со второй четверти XII в. оппозиция в лице бояр Людина конца и Прусской улицы с самого начала стремилась к ограничению великокняжеской власти, и именно в событиях середины XII – середины XIII вв. родился классический образ т.н. «мятежного

¹⁶¹ НПЛ. С. 257.

¹⁶² Поскольку в Новгороде был посадник Сбыслав Якунович [1243 – между 1243/1255], происходивший из прушан, есть мнение, что и Сбыслав Степанич – лишь по одинаковости имен – является прушанином. См.: *Дубровин Г.Е.* Формирование Плотницкого конца и государственные реформы в Новгороде в середине – второй половине XIII в. // *Древняя Русь*. 2013. № 1(51). Однако, приняв эту идею, совершенно невозможно пояснить уход Сбыслава Степанича в Галич вместе с бывшим посадником, неревлянином Юрием, тем более, считая неревлянами его детей.

¹⁶³ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 186-187.

¹⁶⁴ Там же. С. 195-196.

Новгорода», якобы стремившегося к независимости; ключом, открывшим дорогу к этому, стало поражение неревского боярского клана.

Однако вспомним, что ранее мы говорили о том, что похороны Вячеслава Прокшинича в 1243 г. декларировали его приверженность центральной власти. Действительно, после того как Ярослав в 1228 г. оставил новгородскими «князьями» своих малолетних (9 и 7 лет) детей, именно Вячеслав стал тысяцким [1228-1229]. Обстановка была непростой: Ярослав ушёл, поскольку новгородские власти отказали ему в поддержке его борьбы против немецкого нашествия из Прибалтики¹⁶⁵. По всей видимости, одного ухода князя было недостаточно, и в январе-феврале 1229 г. в городе начался мятеж. В результате юные княжичи бежали, тысяцкий Вячеслав был свергнут, дворы его и его брата были разгромлены. Одно это свидетельствует, что Прокшиничи стояли за Ярослава и его сыновей, т.е. за центральную власть. В этом они возрождали старую традицию неревских бояр, исключая искания и метания последних рубежа XII/XIII вв.

Ярослав занял войсками Волок-Ламский, блокировав южные торговые пути для Новгорода. Именно в этих обстоятельствах приглашённые в город черниговские князья бегут обратно в Чернигов, а вместе с ними временно эмигрируют ряд видных прущан. К Ярославу же отправляется посольство Нездилы Прокшинича, которое остаётся при нем и возвращается только вместе с ним же. В течение последующих лет о действиях Прокшиничей ничего не сообщается, поэтому благодарность во время похорон в 1243 г. князь Александр мог приносить Вячеславу только за события 1228-1230 гг. По всей видимости, действия неревских бояр сумели удержать новгородский стол за владимирскими князьями, а в более глобальном масштабе, - способствовать позднейшим победам князя Александра над немцами; во всяком случае наиболее пронемецки настроенные новгородские бояре бежали в 1230 г. при возвращении в город князя Ярослава¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Андреев А.Р. Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное описание. Историческая хроника XIII в. М., 1998. С. 152.

¹⁶⁶ Там же.

Добавим также основные сведения об иных представителях семьи Малышевичей.

Константин Вячеславич (ум. 1247). Упом. 1236 г. (вятский боярин), сопровождая Ярослава Всеволодовича, уходящего княжить в Киев [1236-1238]. Похоронен в Хутынском монастыре.

Добрыня Ядрейкович, в монашестве Антоний (ум. 08.X.1232). Паломник в Палестину (между 1199/1205). Новгородский архиепископ [1210-1218, 1226 – весна 1228, осень 1228 – V.1229], епископ Перемышльский [1219-1225]. Он был ещё одним неревским боярином, ушедшим к Мстиславу *Удатному* в Галич, после поставления в 1219 г. епископом в Перемышль. О нём известно, что он затем вернулся¹⁶⁷; о неревских боярах, ушедших в 1217 г., летописи умалчивают.

Алексей Михайлович (1156 – после 1208/1209), в монашестве Варлаам, сын Михаила и Анны, живших на ул. Яковлевой (Неревский конец). Основатель и первый игумен Хутынского монастыря¹⁶⁸, ставшего родовой усыпальницей младшей ветви неревского боярского рода. Это самый трудный для понимания исторический персонаж рассматриваемого периода. Всё дело в том, что летописи неверно указывают дату его кончины, а равно путаются в его преемнике.

Если суммировать всю информацию из разных версий жития Варлаама Хутынского, а также из скурых летописных сообщений, то известно следующее¹⁶⁹. Родители Алексея Михайловича либо умерли, после чего он раздал своё имущество и постригся в монахи, либо сами постриглись в Рождества Богородицы Лисицком монастыре. Решив отрешиться от мира, Алексей вместе с

¹⁶⁷ Возможно, его возвращение стало необходимо неревским боярам в преддверие событий 1228-1230 гг., которые можно было предугадать или даже предуготовить.

¹⁶⁸ Стал единственным местным новгородским святым, культ которого в полной мере сложился уже к рубежу XIII/XIV вв. Первый храм в его честь был поставлен в Новгороде в 1410 г., а в 1439 г. он стал официально местночтимым новгородским святым. С 1461 г. началось его общерусское почитание. См.: *Дмитриев Л.А.* Житийные памятники русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 13-95; *Водов В.* Первые новгородские святые и святыне (до начала XV века) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л.Янина. М., 1999. С. 385-386.

¹⁶⁹ *Прозоровский Д.И.* О родословии Св. Антония, архиепископа Новгородского // Известия Императорского Русского Археологического общества. 1880. Т. 9. С. 84-93; *Янин В.Л.* Новгородские акты XII-XV вв. С. 207-211; *Гордиенко Э.А.* Варлаам Хутынский и архиепископ

несколькими вятскими новгородцами, в числе которых был Порфирий (Прокша Малышевич) и его брат Фёдор, удалился на Хутынь – в 10 км от центра Новгорода к северо-востоку, при впадении в Волхов р. Волховец (Малый Волхов). Здесь Алексей принял монашеский постриг от священноинока Порфирия (с кем вместе удалялся от мира) и основал иноческое поселение. Ок. 1192 г. Варлаам поставил на Хутыни Спасо-Преображенскую церковь, и иноческий скит был признан монастырём. При этом легенды о том, что в своё время он раздал всё своё имущество, не подтверждаются. Известно, что монастырь был обеспечен земельными угодьями на собственные средства основателя: пашнями, рыбными ловлями, лугами, двумя селами с челядью и скотом, на что сохранилась подлинная вкладная грамота Варлаама¹⁷⁰. Затем Варлаам успевае назначить своим преемником некоего Антония Дымского и Об.ХІ. то ли 1192, то ли 1193 года умирает¹⁷¹; Антоний затем оставляет хутынское игуменство и основывает собственный – т.н. Антониев-Дымский монастырь. При этом Варлаам успевае благословить ещё одного своего ученика – Ксенофонта Робейского – удалиться из Хутыни, после чего тот основывает свой – Ксенофонтов или Троицкий монастырь (в 1,75 км ниже устья Волховца, при впадении в Волхов р.Робейки, которая в древности называлась Робьей).

Как показали исследователи, произошла путаница¹⁷². На образ архиепископа Антония – Добрыни Ядрейковича – ученика и родственника Варлаама Хутынского наложился позднейший образ Антония Дымского, который основал свой монастырь в XV в., а соединительным звеном с Варлаамом Хутынским для него послужила фигура архимандрита новгородского Юрьевского монастыря, тоже Варлаама, но жившего именно в XV в. В результате подгонки житий и

Антоний в жизни и мистериях // Древняя Русь. 2004. № 2(16); Карпов А.Ю. Православные святые и чудотворцы. М., 2005. С. 46-49.

¹⁷⁰ ГВНП. № 104. С. 161-162.

¹⁷¹ Эта дата указана в 9 летописных списках. Еще в четырех списках смерть датируется 1243 г. без даты. См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 208.

¹⁷² См. об этом наиболее аргументированные работы: Бобров А.Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени // Пушкин и другие. Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичёва. Новгород, 1997; Он же. Ксенофонтов Робейский монастырь // София. 1998. № 3; Он же. Летописный свод митрополита Фотия //

банальных опечаток, имевших место в XVI-XVII вв., оказалась искажённой и дата смерти Варлаама Хутынского, которая привязывалась к двум фальсифицированным житийным датам жизни Антония Дымского: 1157-1224 или 1206-1273 гг. В результате получалось, что Варлаам успел пожить в миру, постричься, руководить иноческим скитом, построить храм и основать монастырь, воспитать как минимум двух учеников и умереть «старцем» в возрасте ок. 36-37 лет.

До настоящего времени этот вопрос остаётся нерешённым. Справедливо показано, что явное несоответствие тому, что Варлаам умер по возвращении Добрыни Ядрейковича из Царьграда, успел его постричь и передать ему монастырь, и дат его смерти как 1192/1193, так и 1243 гг., позволяют не доверять фактической стороне житийных легенд¹⁷³. По летописям, Добрыня вернулся и постригся у Варлаама ок. рубежа 1210/1211 гг.; летописная запись о преставлении Порфирия – Прокши Малышевича – свидетельствует, что Варлаам был жив ещё в 1207 г. Поэтому, можно соглашаться с В.Л.Яниным, говорившим, что смерть Варлаама состоялась после рубежа 1210/1211 гг.¹⁷⁴ или, после рубежа 1208/1209 гг.¹⁷⁵

Летописная статья под 1211 г. сообщает, что в Новгороде был изгнан архиепископ Митрофан [1201-1210, 1219-1223], а «пришел, прежде изгнания Митрофана архиепископа, Добрыня Ядрейкович и Цесаряграда и привезе с собою гроб Господень, а сам пострижесе на Хутыне, у святого Спаса; и волею Божию взлюби и князь Мстислав и вси новгородци, и послаша и в Русь ставится; и прииде поставлен архиепископ Антоний»¹⁷⁶. Из этого можно уяснить, что свержение Митрофана – ставленника и сторонника Всеволода III – произошло после вокняжения в Новгороде Мстислава *Удатного*, т.е. либо во второй половине 1209, либо в 1210 гг. Добрыня вернулся до свержения Митрофана,

Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). 2001. Т. 52. С. 105-109; Белоброва О.А. Две редакции жития Антония Дымского // ТОДРЛ. 1997. Т. 50.

¹⁷³ Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 13-18.

¹⁷⁴ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 207-209.

¹⁷⁵ Зализняк А.А., Янин В.Л. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Russian linguistics. 1993. Т. 16. С. 185-202.

¹⁷⁶ НПЛ. С. 250.

постригся в Хутины, был отправлен к митрополиту и вернулся архиепископом. Всё последнее состоялось в течение 1210 года¹⁷⁷. Сам факт поставления Мстиславом архиепископа из поддерживавшего его боярского рода вполне понятен. Таким образом, пострижение Добрыни-Антония состоялось не позже первой половины 1210 г. Можно достаточно уверенно предполагать, что данные житий могут быть вполне справедливы, и Варлаам Хутынский действительно передал своё игуменство, но не Антонию Дымскому, существовавшему позже, а новопостриженному своему родственнику; сроки игуменства Антония должны быть очень краткими [не раньше 1208/1209 – 1210]. Говорить о том, что игуменство Антония началось в связи со смертью Варлаама, нельзя. Скорее нужно допустить, что неревские бояре вместе с князем Мстиславом решили, что фигура палестинского паломника будет удачной кандидатурой в архиепископы с церковной и мирянской точек зрения. Поэтому Добрыня был спешно пострижен и наделён должностью, с которой его и избрали; в Новгороде были нередки примеры избрания на высший архиерейский чин белых попов, но избирать мирянина было нельзя. Варлаам мог просто оставить свой пост либо постоянно, либо временно; в этом случае определить точную дату его смерти представляется невозможным. В одной из недавних работ предлагается полностью доверять всем имеющимся церковным житиям и считать, что они не противоречат летописям. Вторым хутынским игуменом здесь традиционно полагается Антоний Дымский (без расчёта годов правления), а смерть Варлаама относится на 1243 год. Постулируется, что ошибки, связанной с тем, как считал В.Л.Янин, что смерть Варлаама 1243 г. попала в летопись ошибочно из-за смерти в 1243 г. Вячеслава Прокшинича, принявшего перед смертью постриг с именем Варлаама, нет. Годами жизни Дымского предлагается считать 1206-1273 гг.¹⁷⁸ В этом случае появляются неувязки с фигурой третьего хутынского игумена, Ксенофонта, который по Д.Пономарёву служит в этом чине в 1243-1251 гг., а затем

¹⁷⁷ По мнению А.В.Назаренко, свержение Митрофана следует датировать январём 1210 г. См.: Назаренко А.В. Антоний (Добрыня Ядрейкович), свт. // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 600.

¹⁷⁸ *Священник Димитрий Пономарёв. Житие преподобного Антония Дымского как достоверный исторический источник.* СПб., 2014.

основывает Робейский монастырь. В то же время это противоречит некоторым дополнительным наблюдениям, сделанным относительно Варлаама Хутынского.

Известно, что сохранился Служебник, по преданию принадлежавший Варлааму Хутынскому. Результаты его изучения показали, что он имеет галицко-волынское происхождение¹⁷⁹; окончательным доказательством этого нужно признать проведённое комплексное исследование палеографии, графики, орфографии, фонетики, лексики текста Служебника¹⁸⁰. Общая точка зрения сводится к тому, что Служебник был составлен либо лично Антонием в пору его пребывания на Перемышльской кафедре, либо по его заказу. По нашему мнению, это маловероятно. Скорее всего, Служебник был составлен в то время, когда Добрыня Ядрейкович, не будучи ещё постриженным, путешествовал. Известно, что Добрыня сначала прибыл ко двору Романа Мстиславича, князя галицко-волынского, а оттуда отбыл в Константинополь¹⁸¹. Точно известно, что в мае 1200 г. он уже был в Константинополе, причём одновременно с присутствием там посольства Романа Мстиславича. Можно с очень большой степенью вероятности полагать, что Добрыня входил в состав галицкого посольства. Вернулся Добрыня из Византии до взятия Царьграда крестоносцами, поскольку приписка в книге «Паломник» его авторства о взятии города позднейшая¹⁸². Дату его возвращения в Новгород надо полагать после смерти князя Романа (19.VI.1205) до рубежа 1208/1209 гг. Служебник был, судя по всему, в числе всех тех даров, привезенных Добрыней в Новгород, которые названы летописью «гробом Господним».

Подтверждение тому, что Служебник был составлен между 1199 и 1205 гг. даёт, с нашей точки зрения, рукописная приписка в виде перечня имён на

¹⁷⁹ См., напр.: *Рубан Ю.И.* Служебник Варлаама Хутынского (ГИМ. Син. 604/343, кон. XII – нач. XIII в.): описание, тексты, комментарии // Уч. Зап. Российского Православного университета апостола Иоанна Богослова. М., 1996. С. 110-112; *Желтов М.С.* Служебник Варлаама Хутынского // Православная энциклопедия. 2003. Т. 6. С. 610-611; *Пуцко В.Г.* Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // Новгородский исторический сборник. 2005. Вып. 10(20). С. 45-46; *Гордиенко Э.А.* Указ. соч. С. 23.

¹⁸⁰ *Шалыгина Н.В.* Язык и текстология древнерусского Служебника Варлаама Хутынского (по рукописи ГИМ. Син. 604, нач. XIII в.) // Автореф... канд. филол. н. М., 2009.

¹⁸¹ Это говорит о том, что неревское боярство явно помирилось с этим князем, хотя прологом к его вокняжению стало убийство двух неревских бояр в 1167 г.

¹⁸² *Горовенко А.В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 75-85.

поминовение об упокоении на листе 15об в винительном падеже: «иана аньюу никиора купрыана гаврила аньюу риноу»¹⁸³. Позднейший синодик Клопского монастыря приводит ряд дополнительных имён: «В синодике Клопского монастыря 1660 года записаны, кроме пр. Варлаама, имена создателей Хутыня монастыря: «преп. старца Ксенофонта, священноинока Порфирия, инока Тарасия, Михаила, Иоанна, Анны, Никифора, Киприана, Григория, Гавриила, Анны, Ирины»¹⁸⁴.

Как указывал С.Н.Азбелев: «В новгородских синодиках тщательно фиксировались имена лиц, которые являлись основателями или были причастны к последующим перестройкам, благоустройству и возобновлению многочисленных церквей и монастырей. При этом указывались имена, связанные с историей не только той церкви (или монастыря), при которой вёлся данный синодик»¹⁸⁵. К примеру, строители Колмова монастыря в Синодике названы следующим образом: «Варфоломей, Лука, Максим, Ансифор, Георгий, Григорий»¹⁸⁶. Этот перечень указал семью Онцифоровичей – его создателей; при этом были добавлены Варфоломей Юрьевич и Лука Варфоломеевич, не создававшие монастырь, но поминавшиеся решением Юрия Онцифоровича.

Тот же подход следует применить к синодику Хутынского монастыря. Н.В.Шалыгина совершенно верно подметила, что Служебник Варлаама создавался на средства той же боярской семьи, что построила Хутынский монастырь. Кроме того, она правильно увидела, что запись на поминание в Служебнике была более ранней: «На момент написания Служебника преп. Ксенофонт, священноинок Порфирий, Михаил и Григорий здравствовали, а об упокоении поминались их усопшие сродники: Иоанн, Анна, Никифор, Гавриил, Анна, Ирина. Список имён синодика Клопова монастыря содержит уже полный список семьи, преставившейся ко Господу и поминаемой об упокоении»¹⁸⁷. Это чрезвычайно важно. Единственным священноиноком Порфирием в составе

¹⁸³ Шалыгина Н.В. Указ. соч. С. 4.

¹⁸⁴ Макарий. Указ. соч. С. 439.

¹⁸⁵ Азбелев С.Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 257-258.

¹⁸⁶ Макарий. Указ. соч. С. 588.

¹⁸⁷ Шалыгина Н.В. Указ. соч. С. 4.

неревского боярства известен Прокша Малышевич, постригшийся между 1199-1207 гг. с этим именем. Раз он был жив в момент окончательного создания Службника, значит он действительно создавался в течение 1199-1205 гг.

Имя Михаила – также здравствующего одновременно с Порфирием – весьма знаменательно. Во всех своих работах, упоминая о Малышевичах, В.Л.Янин, подчёркивая преемственность от них Мишиничей, указывал, что замкнуть воедино обе семьи не получается, т.к. в составе летописных Малышевичей нет Михайлов. Как оказывается, в составе Малышевичей Михаил есть. По нашему мнению, Михаил, живущий как минимум в 1199-1205 гг., должен быть отцом позднейших братьев Мишиничей. Старший, Михаил Мишинич, становится посадником в 1272 и умирает спустя 8 лет. Надо думать, что ему должно было быть к 1272 году хотя бы ок. 45 лет. Но впервые он выступает на исторической сцене в 1268 г., следовательно, вполне можно допустить его рождение не позднее 1220-х гг. Учитывая, что он мог быть не первым ребенком своего отца, возрастного разрыва между Михаилом 1199-1207 гг. и Михаилом Мишиничем не наблюдается.

Однозначно идентифицируются двое поминаемых: Иоанн – это Иванко Захарьинич (ум. 1175), Гавриил – это убитый в 1186 г. Гаврила Неверонич. Не поддается идентификации Никифор: найти в летописях боярина с таким именем, умершего до 1199 г. не получается. Нет, однако, сомнения, что Никифор Службника (1199/1205) принадлежал к членам неревского боярского рода. Это видно из того, что в слоях 1281-1299 гг. «усадьбы Д» Неревского раскопа были найдены берестяные грамоты, свидетельствующие о том, что в эти годы здесь жил не Варфоломей Юрьевич, а некий боярин Никифор¹⁸⁸. Как верно замечал В.А.Буров, ни летопись, ни береста не знают абсолютно все генеалогические ответвления того или иного рода. Однако нужно полагать, что Никифор начала XIII в. принадлежал к старшей ветви рода, а не к семье Малышевичей. Это предполагается из того, что именно старшая ветвь неревских бояр жила в XII в. на месте будущих усадеб Мишиничей-Онцифоровичей, и Никифор конца XIII в.

¹⁸⁸ Буров В.А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей. С. 124.

жил там же, но тоже не может быть однозначно связан со своими позднейшими преемниками.

Главное, что следует увидеть в сказанном нами относительно двух Никифоров начала и конца XIII в. – то, что подмеченная нами родовая преемственность имён сохраняется в нашем боярском роду в веках. Мы видели это раньше, мы увидели это теперь, на примере двух Никифоров. Можно увидеть это и в имени Порфирия. Вряд ли является случайностью использование одинакового монашеского имени в одной и той же ветви рода в XIII в. (Прокша Малышевич) и в XVI в. (нижегородский игумен Порфирий). Наконец, то же самое можно сказать и об имени Ксенофонта. В своих ранних работах В.Л.Янин сомневался в правомочности причисления к Мишиничам Ксенофонта Игнатьевича и Фёдора Ксенофонтовича, поскольку их нельзя найти в письменных документах. Однако существование в роду Ксенофонта XIII в. подтверждает эту правомочность.

Ксенофонт Робейский стал третьим игуменом Хутынского монастыря. С ним приключилась та же история, что и с Антонием Дымским. Его деятельность житийные составители также разнесли в XIII и XV вв. Расчеты таких видных ученых, как специалист по агиографии М.В.Толстой (1812-1896) и археограф Н.П.Барсуков (1838-1906), проводимые в рамках официальных житий, показали, что Ксенофонт Робейский ум. 28.VI.1262, а свой монастырь основал ок. 1230 г.¹⁸⁹ В таком случае его игуменство в Хутыни следует относить к периоду с 1210 по 1230 гг. В 1243 г., как указывалось, в Хутыни игуменом был уже Сидор.

Однозначно и безошибочно идентифицировать игумена Ксенофонта и инока Тарасия с боярами-мирянами невозможно, как невозможно и установить родство всех живущих к 1205 г. членов младшей ветви неревского боярского рода. Однако можно говорить – строго по аналогии с синодиком Колмова монастыря, – что в синодике Хутынского монастыря отразился тот же принцип: смешение старшего и младшего поколений, причем младшее представляется совокупностью родных братьев. При этом последовательность упоминания произвольна: сначала идут Варфоломей, Лука, затем вместо Онцифора Лукинич

¹⁸⁹ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 43-44, 320; Толстой М.В. История Русской Церкви. М., 1991. С. 87.

– Максим Онцифорович, потом Онцифор, только затем идет старший из Онцифоровичей, Юрий, потом некто Григорий. В случае с Хутынским монастырем, синодик вначале упоминает ныне живущих монахов Ксенофонта, Порфирия, Тарасия, ныне живущего мирянина Михаила, затем следует четверо покойников из старшей ветви, после – ныне живущий Григорий и ещё трое покойников из старшей ветви. Можно – очень осторожно – допустить, что все ныне живущие в Хутынском синодике – такие же родные братья, как и все (или почти все) ныне живущие Колмова синодика. Косвенным доказательством этому можно видеть указание житийных легенд о существовании как минимум одного брата у Порфирия. Также можно допустить, что отец будущего Варлаама Хутынского должен быть членом семьи Малышевичей. Это предположение делается нами, исходя из соответствия его имени тем родовым именам, которые использовались в этой ветви единого боярского рода. Наличие в одной семье двух сыновей с одинаковыми именами не является нонсенсом, примеров тому существует немало в родословных из разных социальных пластов¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Вряд ли отец Мишиничей вел активную политическую жизнь. В.Л.Янин убедительно показал, что знаменитый Миша – участник Невской битвы – не является предком Мишиничей-Онцифоровичей. А.А.Молчанов, однако, утверждал, что в Новгороде был единственный Миша за всю его историю. См.: *Молчанов А.А.* Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков, 1988. С. 103-105; Он же.* Боярин Миша – предок новгородского посадничьего рода // *Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. 2004. Вып. 8-9 (52-53). С. 100–108.* Последнее не соответствует действительности, т.к. в цитированных нами актах об изъятии части двинских земель, в числе новгородских бояр фиксируется Миша Борисович (ок. 1474/1475). Также было подмечено, что если Миша только один, объяснить его деятельность непросто: в 1228 г. он выступает на стороне князя Ярослава, а в 1230 г. бежит в Чернигов, откуда возвращается в 1232 г., пытаясь в числе других бояр устроить прочерниговский переворот. См.: *Хрусталёв Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 237. Поэтому была высказана идея о том, что было два Миши: прущанин Михалко Степанович, участник Невской битвы, и неревский боярин, сторонник Чернигова. См.: *Мусин А.Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // *Новгород и Новгородская земля. 2002. Вып. 16. С. 84-86; Гунтуис А.А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // *Древняя Русь. 2011. № 1(43). С. 22-23.* Однако верно замечено, что после мятежа против князя Ярослава, вряд ли Миша был бы прощён и остался в Новгороде. См.: *Хрусталёв Д.Г.* Указ. соч. С. 237. Действительно, если Вячеслав и Нездила Прокшиничи в событиях 1228-1230 гг. стоят за князя Ярослава, то их дядя, Михаил Малышевич, оказывается сторонником черниговской ориентации, от которой при жизни отказался последний её неревский апологет, Якун Мирославич? Это маловероятно. Как маловероятно и то, что будь так, вряд ли бы князь

Разнесение покойных членов рода из одной и той же старшей ветви на две группы должно, по всей видимости, говорить о том, что эта ветвь сама делилась надвое. Действительно, покойный Иоанн, отождествлённый нами с посадником Иванкой Захарьиничем, и покойный Гавриил, отождествлённый нами с Гаврилой Невероничем, являются двоюродными братьями. Можно также предположить, что в таком случае обе группы имён покойников соответствуют каждой из семей этих двоюродных братьев. То есть Анну из первой группы можно рассматривать в качестве супруги Иоанна – по причине написания их имён друг с другом, а Анну из второй группы – в качестве супруги Гавриила. Тогда Ирину можно полагать дочерью Гавриила и Анны, а Никифора и Киприана, исходя из их возраста, младшими братьями Иоанна.

Также мы предлагаем причислить к семье Малышевичей семью Сбыслава Степанича, рассматривая Степана, как одного из братьев Малышевичей. Единственным указанием на то следует считать плач по его сыну церкви св. Иакова. Известно, что район ул. Холопией, где находились «усадьбы А, Г», в которых проживали известные нам Малышевичи, входил в приход именно Иаковлевской церкви¹⁹¹. Следовательно, семья Сбыслава Степанича жила в тот момент в том же районе и на этом, хотя и шатком, основании может быть причислена к Малышевичам. Причём его семью можно рассматривать старше семьи Прокши Малышевича, поскольку Алексея Сбыславича убили раньше (1207), чем Константина Прокшинича (1219), что может говорить именно о старшинстве в роду. Отсутствие Сбыслава, как и родителей Варлаама Хутынского, в Хутынском синодике свидетельствует о справедливости легенд об их принадлежности до постройки монастыря и церкви Сорока Мучеников к иному храму¹⁹².

Александр был благодарен боярину Вячеславу. Поэтому надо думать, что отец братьев Мишиничей, так же как и отец Прокши Малышевича в политической жизни не участвовали вовсе, а потому единственным письменным упоминанием отца Мишиничей нужно считать запись в Хутынском синодике.

¹⁹¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 183.

¹⁹² Согласно житийным легендам, полагается, что родители Варлаама были погребены в Лисицком Рождество-Богородицком монастыре. См.: Макарий. Указ. соч. С. 431. Обосновываются эти легенды просто: в этом монастыре в 1410 г. был поставлен первый в Новгороде храм в честь Св. Варлаама Хутынского. В XV в. распространяется легенда о

Разумеется, наша идентификация имен синодика и боярина Сбыслава в немалой степени умозрительна и недоказуема на настоящем этапе исследований. Однако, по нашему мнению, учитывая текущее состояние источников, предложить иное рассмотрение размещения родовых имен Хутынского синодика и семьи боярина Сбыслава если не невозможно, то очень непросто.

Таким образом, проведенное нами рассмотрение позволяет скорректировать схему 4 и добавить ряд дополнительных генеалогических схем, пока не связанных между собой (схемы 5, 6).

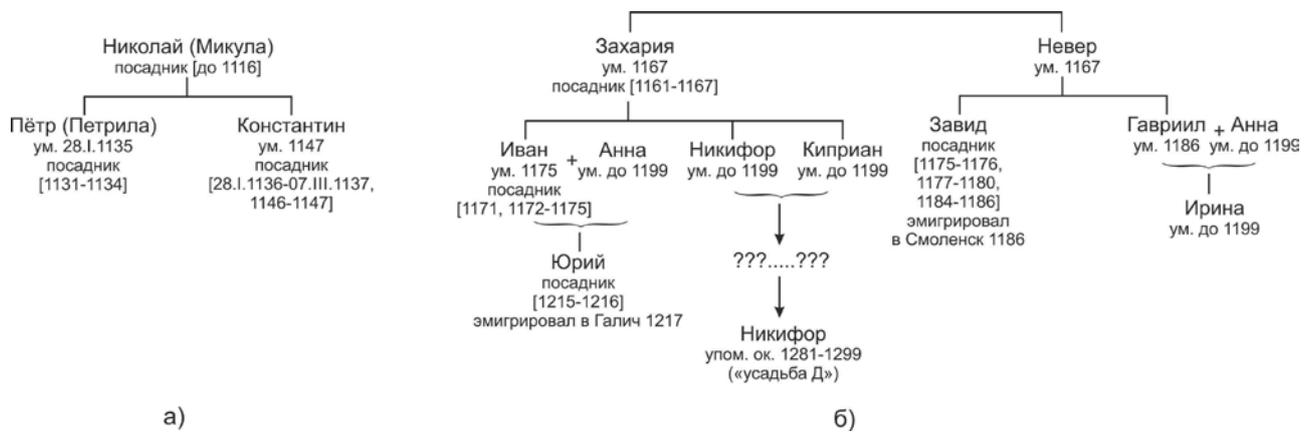

Схема 5. Отдельные боярские семьи Неревского конца: а) будущая «усадьба Д» Неревского раскопа; б) будущая «усадьба К» Неревского раскопа

постройке храма на месте погребения его родителей; на деле же, Лисицкий монастырь был основан в 1389 г. См.: Семёнов А.И. Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. 1969. Т. 17. С. 369-373. Однако в каждой легенде есть доля истины. По-видимому, центральным местом в легенде о родителях Св. Варлаама должна быть связь с Рождеством Богородицы. Если говорить о древнейшей эпохе Новгорода, речь следует вести только о церкви Рождества Богородицы в Перыньском монастыре. Кстати, не лишне будет вспомнить, что именно церковь Рождества Богородицы была поставлена Лукьяном Леонтьевым в сельце Подолец (с. Богородском). Кроме того, возвращаясь к Колмовому синодику, возникает вопрос: почему в нем отсутствуют Афанасий и Лукьян Онцифоровичи? Вероятной причиной можно полагать тот факт, что они – как представители самых младших линий в младшей же ветви общего рода – принадлежали к иному храму. Во-первых, речь может идти о Перыньском монастыре и церкви Рождества Богородицы. Во-вторых, речь может идти (вероятнее всего) о Духовом монастыре: «боярин Порфирий» в 1570-х гг. «любил» его как наследник некоей традиции. Возможно, что Лукьян Онцифорович и положил начало этой традиции. В-третьих, можно вспомнить о церкви Спаса на Разваже, обновленной Лукьяном в 1421 г.

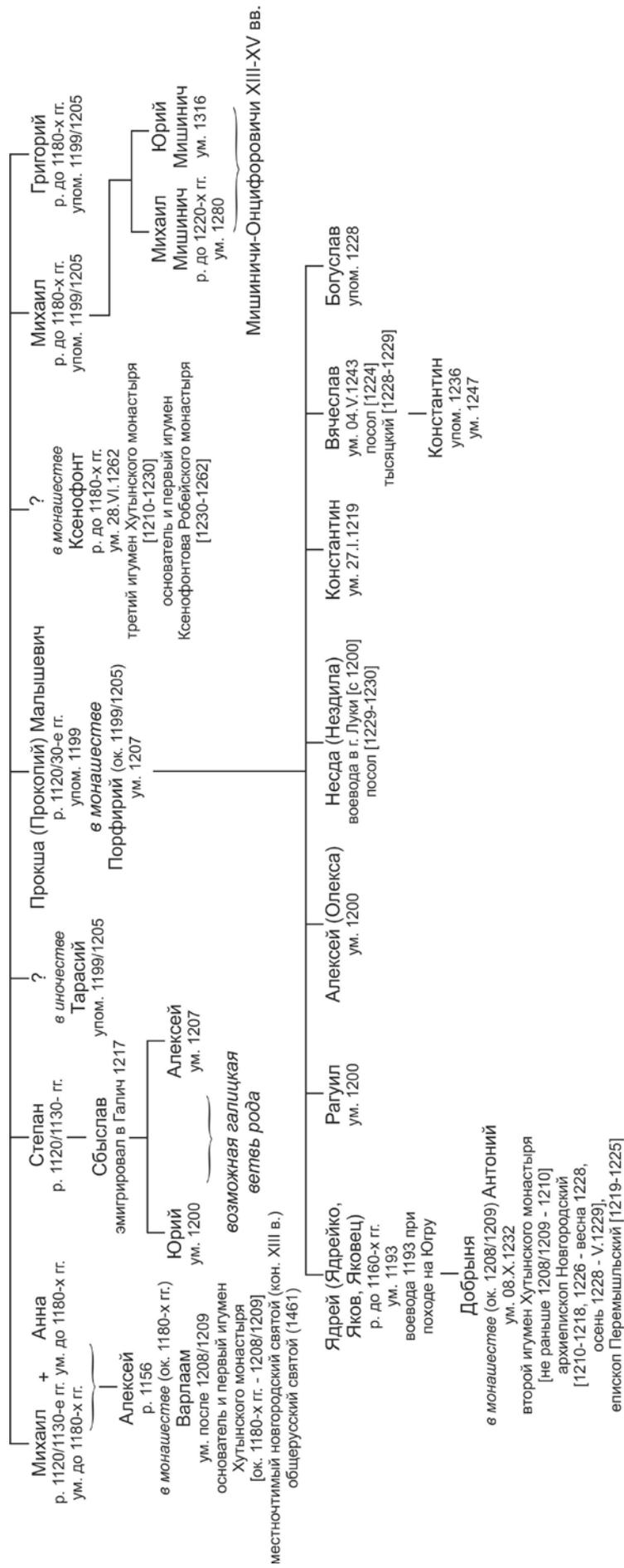

Схема 6. Связь семьи Малышевичей с позднейшим родом Мишиничей-Онцифоровичей

Дополнительное доказательство того, что Мишиничи происходят напрямую из неревских бояр XIII в. (а таковыми известны только Малышевичи), можно видеть в том, что, как показали археологические данные, свидетельства связей и контроля Новгорода над Карельскими землями до 1200-х гг. происходят из Людина конца, из слоёв, принадлежащих Мирошкиничам. Между второй половиной и концом XIII в. археологические данные уверенно свидетельствуют, что связи с Карелией отныне концентрируются в Неревском конце¹⁹³.

3.2. Начало рода: неревское боярство в конце X – начале XII вв.

Вести поиск корней неревского боярства в указанный период намного труднее, нежели в более позднее время. Это связано с тем, что от этой эпохи нет археологических данных, позволяющих подтвердить сделанные на основе текстов построения. Отсутствие таких подтверждений снижает достоверность построений. Однако проведение поиска всё же возможно, если продолжать придерживаться концепции В.Л.Янина о сохранении боярской патронимии одного рода в одном конце на протяжении всей новгородской истории. Кроме того, нужно по-прежнему учитывать родовую преемственность имён, как в роду в целом, так и в каждой его ветви в отдельности.

Начать следует с определения хронологических реперов. Первой реперной точкой следует видеть тот факт, что церковь Сорока Мучеников была посвящена памяти успешного похода князя Мстислава Владимировича на чудь в 1116 г., каковая победа имела место в день Сорока святых. В летописной статье 1116 г. нет имени новгородского посадника, несомненно участвовавшего в походе вместе с князем¹⁹⁴. Однако следует думать, что поскольку в ознаменование этой

¹⁹³ Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. 2005. Вып. 19. С. 79.

¹⁹⁴ Но упомянут ладожский посадник Павел. По В.Л.Янину, он был отцом новгородского посадника Иванки Павловича [1134-1135]: идентифицирующие его берестяные грамоты были обнаружены в Людином конце. Оттуда же происходили посадники Нежата Твердятич [1144-1146, 1160-1161] и Жирослав [1170-1171, 1171-1172, 1175], грамоты которых были обнаружены. В.Л.Янин причислял их к единому боярскому роду Людина конца. См.: Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 104-105. Итак, в летописной статье 1116 г. указывается глава оппозиционного неревскому боярскому роду, в борьбе с которым на рубеже XII/XIII вв.

памяти храм был построен неревским боярским кланом, то посадником в 1116 г. был неревский боярин. Как мы видели выше, посадник Микула был восьмым из девяти посадников эпохи князя Мстислава. Эта эпоха завершается именем посадника Добрыни (ум. 06.XII.1117), поэтому неревским боярином можно считать не только Микулу, что является доказанным фактом, но и Добрыню. Наш вывод можно подкрепить преемственностью имён: спустя несколько десятков лет в среде неревского боярства рождается Добрыня Ядрейкович.

Учитывая, что впоследствии неревское боярство стояло за потомков князя Мстислава, следует говорить, что в т.н. «княжеский» период развития Новгорода, т.е. до 1136 г. большинство посадников должно происходить из их среды. И здесь, тем более, если продолжать придерживаться факта родовой преемственности имён, необходимо увидеть, что самым первым историческим новгородским посадником, оказывается человек, носивший имя Добрыни: это дядя В.К. Владимира I Святославича [980-1015] по матери, чья фигура была настолько знаменитой, что послужила прототипом фигуры былинного *Добрыни Никитича*. Это – вторая реперная точка.

Известно, что Добрыня отправился в Новгород с князем Владимиром в 970 г. в качестве «дядьки» или «кормильца». Он назван новгородским посадником только в 980 г.¹⁹⁵ В последний раз Лаврентьевская летопись упоминает Добрыню как участника похода вместе с Владимиром I на Волжскую Булгарию, а Никоновская летопись упоминает его последний раз под 990-991 гг., когда именно Добрыня руководил процессами крещения Новгородской и Ростовской земель¹⁹⁶. Никаких данных про его смерть летописи не сохранили. Можно сделать лишь некоторые предположения¹⁹⁷.

потерпела поражение старшая ветвь неревского рода. Есть мнения, что Жирослав был представителем Славянского конца (См.: *Подвигина Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976. С. 124; *Петров А.В.* Указ. соч. С. 146; *Дубровин Г.Е.* «...Полюжая Городьщиница Жирошкина Дъци...» (К вопросу об основательнице новгородского Евфимьяна монастыря в Плотниках) // *Древняя Русь*. 2008. № 2(32). С. 113-117). Для нашего исследования эта информация не является существенной: все эти бояре были в оппозиции к неревскому боярству вплоть до XIII в.

¹⁹⁵ Исходя из малолетства князя, он был фактическим посадником с 970 г.

¹⁹⁶ Никоновская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 63-64.

¹⁹⁷ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 170-179.

Так, под 991 годом сообщается о создании под Киевом г. Белгорода, который Владимир I особо «любил»¹⁹⁸. Согласно Никоновской летописи, здесь была резиденция епископа Никиты, а в 996 г. построена Спасо-Преображенская церковь¹⁹⁹. Причем епископ Белгородский был викарным, т.е. заместителем митрополита²⁰⁰. Под 990-1000-ми годами Никоновская летопись фиксирует ряд связанных событий: рождение сына у Святослава Владимировича, князя Древлянского, смерть его матери-«чехини», приходы западных посольств, печенежские дела и наблюдения за погодными условиями. Интерес к польско-чешским делам и древлянскому князю, матерью которого была чешка, добавляя сюда все события, связанные с упоминанием летописями событий в Древлянской земле вообще, Б.А.Рыбаков (1908-2001) выделял в остаток особого летописного свода, вёдшегося между 980/1008 гг. под руководством епископа Никиты, и называл его «древлянским циклом X века»²⁰¹. Поддерживая идею о существовании древнейшего летописного свода 996 г., Б.А.Рыбаков считал причастным к его созданию Добрыню: исходя из того, что «древлянский цикл» вёлся викарным епископом, которого курировал выведенный Владимиром I из Корсуни священник Анастас Корсунянин, а именно Добрыню Никоновская летопись прямо называет руководителем Анастаса в мероприятиях по крещению земель 990-991 гг.²⁰² Если принимать версию Б.А.Рыбакова²⁰³, надо предполагать, что резкое прекращение погодного летописания на рубеже 996/997 г. и восстановление его с 1015 г., можно объяснить смертью Добрыни²⁰⁴. Здесь можно обратить внимание на летописную статью о «белгородском киселе» 997 г.²⁰⁵ Её суть в следующем: 1) из-за войны с печенегами, Владимир I отправился за помощью в Новгород; 2) в отсутствие князя, печенеги осадили Белгород; 3) князь

¹⁹⁸ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 106.

¹⁹⁹ Никоновская летопись. С. 66, 68.

²⁰⁰ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. С. 668.

²⁰¹ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 182-187.

²⁰² Там же. С. 191-192.

²⁰³ В настоящее время доказаны редакции летописных сводов в 1030-х, 1090-х, ок. 1116 и ок. 1117 гг. Существование свода 996 г. не доказано, но и не может быть опровергнуто. См. обзор: Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 8-165.

²⁰⁴ Таланин В.И. У истоков Руси. С. 176-177.

²⁰⁵ Ипатьевская летопись. С. 112-114.

не мог помочь городу из-за отсутствия войска; 4) белгородцы сами справились с врагом, напугав его тем, что их земля «сама варит кисель», и они могут выдержать любую осаду; 5) информация о том, собрал ли князь войско и вернулся ли он из Новгорода, не приводится. Задавая вопрос, почему князь отправился за помощью «так далеко», А.В.Куза говорил, что князь «по-прежнему опирался на военную поддержку Севера»²⁰⁶. Это справедливо, если видеть в безликом «Севере» Добрыню, руководившего этим «Севером». Вообще можно говорить о том, что для конца X в. печенежские набеги были обыденным явлением, и все рассказы о них, кроме указания, что «Владимир ушёл к Новгороду», могли быть собраны под 997 годом искусственно. Если же считать, что главное здесь – это поездка князя в Новгород, то по какой причине он мог туда поехать именно в этом году? Во-первых, посредством анализа «Саги об Олаве Трюгвассоне», на 997 г. относят набег на Ладугу норвежского ярла Эрика Хаконарссона²⁰⁷. Однако, если принимать гипотезу Б.А.Рыбакова о своде 996 г. и временном прекращении летописания около этого года, можно допустить, что князь ушёл в Новгород хоронить Добрыню. Наконец, совмещая обе версии, можно предположить гибель новгородского посадника при отражении атаки норвежцев на Ладугу. Если же соглашаться с Б.А.Рыбаковым, но не считать смерть Добрыни как результат схватки с норвежцами, или вовсе не привязывать эту атаку к 997 г., то можно допускать смерть руководителя летописания (по Б.А.Рыбакову) в ближайшие годы после 996/997. Тогда условными нижней и верхней границами периода смерти первого исторического новгородского посадника нужно видеть период с 997 по максимум 1001 гг.

Обращение Б.А.Рыбакова к т.н. «древлянской» теме было не случайным. Давно известно, что Д.И.Прозоровский (1820-1894) показал, что Добрыня и Мала (в летописи сокращенно «Малуша») были детьми последнего независимого от Киева древлянского князя; Мала стала матерью Владимира I от В.К. Святослава I Игоревича [945/969-972], т.е. родоначальницей всех последующих

²⁰⁶ Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 148.

²⁰⁷ Джаксон Т.Н. Austr í Gögðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 101.

Рюриковичей²⁰⁸. Этот генеалогический материал использовался положительно в научной²⁰⁹ и в популярной²¹⁰ литературе очень редко. Причиной стала позднейшая гипотеза А.А.Шахматова (1864-1920), который произвольно отождествил ряд летописных фигур X в. друг с другом, в результате чего «князем древлянским» стал киевский варяг Свенельд; при этом никак не пояснялось, почему же в 970-х гг. князь Владимир с Добрыней воевали именно со Свенельдом, его детьми и контролируемым ими В.К. Ярополком I [972-980]. Тот факт, что гипотеза А.А.Шахматова ошибочна, подчеркивался рядом авторов²¹¹.

Однако принятие концепции Д.И.Прозоровского без позднейшего наслоения А.А.Шахматова позволяет рассматривать Добрыню в качестве потомка природных русских князей, т.е. признать его род не менее знатным, нежели род Рюриковичей. Вслед за не дошедшим до сего дня источником, гласящим, что древлянский князь «Мал был наследником Дировым»²¹², можно полагать, что Древлянская земля представляла собой известное «государство Дира», о котором сообщают арабские источники в 920-х гг.²¹³ Имя древлянского князя, возможно, выглядит не так как в большинстве отечественных летописей, в виде «Мал». Это имя, вероятно, отложилось из имени его дочери – Малы. В Густынской летописи, «Ядре Российской истории», «Хронике» Я.Длугоша имя древлянского князя приводится в виде «Нискиня»²¹⁴. В не менее древних, не дошедших до сего дня источниках, указывается, что князя звали «Нискиний, или, как иные пишут, Малдит (латинизированная форма из «Историографии» Мавро Орбини 1601 г. –

²⁰⁸ *Прозоровский Д.И.* О родстве Св. Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1.

²⁰⁹ *Членов А.М.* Древлянське походження князя Володимира // Укр. істор. журн. 1970. №№ 9-11; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 31; *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 78-95.

²¹⁰ *Членов А.М.* По следам Добрыни. М., 1986.

²¹¹ См., напр.: *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 194-196; *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. С. 128-129; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 336; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 225; *Поппэ А.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. М., 1974. С. 84-91; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIV вв. М., 1982. С. 384.

²¹² *Гиляров Ф.А.* Предания русской начальной летописи (по 969 год). М., 1878. С. 212.

²¹³ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 78-95.

²¹⁴ *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-IV): текст, перевод, комментарий / Под ред. А.В.Назаренко. М., 2004. С. 79, 226-227, 376.

*В.Т.)»²¹⁵, «Мал, сын Нискинин»²¹⁶. Наконец, оба имени, Мал и Нискиня, использовались в быту не только русскими, но и чехами²¹⁷. По-видимому, имя Нискиня вернее, поскольку, как кажется, именно оно было положено в основу былинного отчества Добрыни: *Нискинич* → *Никитич*. Второе имя было присуще княжне Мале. То, что имя древлянской княжны употреблялось именно в этой форме, а не в уменьшительно-ласкательной форме, приведенной летописью, доказывает существование древнерусского города Малин (совр. Житомирская область). Его название свидетельствует о происхождении именно от женского личного имени, т.к. согласно правилам русского словообразования, окончание на *-ин* присуще при склонении личных имен, оканчивающихся на *-а/я* или *-ь*. Несмотря на этот общеизвестный факт, долгое время считалось, что название города произошло от мужской формы имени, «Мал». Последнее мнение впервые сформулировал священник, историк-краевед Л.И.Похилевич (1816-1893)²¹⁸. Без изменений эта точка зрения господствовала в историографии более столетия, пока А.М.Членов не сформулировал очевидный факт происхождения названия города от женской формы имени²¹⁹. А.М.Членов ошибочно предполагал, что город Малин был заложен древлянским князем именно в честь рождения дочери, будущей матери В.К. Владимира I. Однако археологические исследования показали, что Малин возник ок. середины VIII в., а прекратил существование ок. второй четверти X в.²²⁰ Это говорит о том, что женское имя «Мала» также было родовым, а применительно к правящему роду – династическим, как минимум с середины VIII в. На каком этапе имя «Мал» приобрело мужскую форму, сказать невозможно. Однако это однозначно имело место, иначе в летописях не сохранилось бы путаницы с именем последнего древлянского князя, а равно не*

²¹⁵ *Гиляров Ф.А.* Указ. соч. С. 212.

²¹⁶ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С 111.

²¹⁷ *Морошкин М.* Славянский именовослов. СПб., 1867. С. 118. Здесь можно вспомнить «чехиню» - мать князя Святослава Владимировича Древлянского (ум. 1015), о которой см. выше.

²¹⁸ *Похилевич Л.И.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. К., 1864. С. 157.

²¹⁹ *Членов А.М.* По следам Добрыни. С. 132-133.

²²⁰ Восстановился в середине XII в., но погиб в ходе монголо-татарского нашествия в середине XIII в. Впоследствии восстановился только в XVI в. в качестве волостного (сельского) центра; статус города был восстановлен лишь в СССР в 1938 г. См.: *Звіздецький Б.А.* Малинське городище древлян // *Старожитності Русі-України.* Київ, 1994. С. 120-124.

появилось бы этого имени в среде древненовгородского боярского рода, потомков Добрыни Нискинича.

Возвращаясь к Великому Новгороду, можно увидеть, что именно фигура Добрыни показывает, какой боярский род жил в Неревском конце и где обитал в Новгороде сам Добрыня Нискинич.

Для выяснения местожительства Добрыни в Новгороде следует обратиться к рассказу В.Н.Татищева о новгородском крещении: *«В Новгороде же людие уведавшии еже Добрыня идет крестити я учиниша вече и заляшеса вси не пустити во град и и не дати идолы опровергнути. И егда приидохом они разметаша мост великий изыдоша с оружием и асче Добрыня пресечением и лагодными словы увесчева я их обаче они ни слышати хотяху и вывесше два порока великие со множеством каменя поставивши на мосту яко на сусчие враги своя. Высший же над жрецы славян Богумил сладкоречия ради наречен Соловей вельми претя люду покориться. Мы же стояхом на торговой стороне ходихом по торжищам и улицам учахом люди елико можяхом. Но гиблюсчим в нечестии слово крестное яко апостол рек явилось безумием и обманом. И так пребывахом два дни нелико сот крестя. Тогда тысяцкий новгородский Угоняй езда всюду вопил: «Лучше нам померети нежели боги наши дати на поругание». Народ же оная страны рассверипев дом Добрыни разориша имение разграбиша жену и неких от сродник его избиша. Тысяцкий же Владимиров Путята яко муж смысленный и храбрый уготовав лодия избрав от ростовцев 500 муж носчию перевезя выше града на ону сторону и вшед во град никому же не подстрегу вси бо видевши чаявши своих воев быти. Он же шед до двора Угоняева онаго и других предних мужей ят и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оные услышавши сие собращася до 5000 оступиша Путяту и бысть меж ими сеча зла. Некие шедше церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху. Даже на развитаии Добрыня со всеми сусчими при нем пресе и повеле у берега некие дома зажесчи чим люди паче устрашени бывше бежаху огонь тушити и абие преста сечь. Тогда передние мужи пришедше к Добрыне просиша мира»²²¹.*

²²¹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. 1. С 112.

Контекст летописной информации не позволяет усомниться в том, что наблюдатели-оппозиционеры находились на Торговой стороне, а дом Добрыни был разорён на Софийской стороне. Происшедший погром Спасо-Преображенской церкви произошёл в Неревском конце, как было показано выше²²². Наконец, как оказывается, такой топоним, как «улица Добрыни», принадлежавшая Людину концу, в более раннее время являлась принадлежностью Неревского конца. Архимандрит Макарий (Миролюбов) (1817-1894) по этому поводу писал: «Десятинный женский, 2-го класса, монастырь находится в Новгороде на Софийской стороне в Неревском, а впоследствии Людине или Гончарском конце, между Прусскою и Добрыниной улицами. В описях прошлого столетия (XVIII века – *В.Т.*) писали: «в Яковлевской улице, что на Добрыни»²²³.

Коль скоро определение местожительства Добрыни Нискинича в Новгороде оказывается однозначным, то однозначным является и то, что в Неревском конце издревле обитал боярский род, являющийся потомками первого исторического новгородского посадника, бывшего наследственного князя «государства Дира»

²²² Таким образом, древняя церковь Спаса на Разваже оказывается связанной с Неревским концом, как первый по древности новгородский христианский храм. Главным деятелем христианизации Новгорода является посадник Добрыня Нискинич. Учитывая эти два аспекта, мы и предположили в начале настоящей работы, что церковь Рождества Богородицы (995), положившая начало Перынскому скиту, является постройкой, связанной со временем посадничества Добрыни, т.е. издревле могла тяготеть к Неревскому концу. Кстати, очень интересно заметить, что один и тот же храм – Спасо-Преображенская церковь – был поставлен в древнейшем Неревском конце (до христианизации), в околкиевском Белгороде (ок. 991), в Хутынском монастыре (1192). Первый и третий пример объединяются тем, что его строителями были члены одного и того же боярского рода. Белгородский храм – с учётом концепции Б.А.Рыбакова – укладывается в эту цепочку своей древлянской принадлежностью.

²²³ *Макарий*. Указ. соч. С. 209. Улица Яковлева получила своё название от Иаковлевой церкви. См.: Там же. С. 204. Первое упоминание церкви приходится на 1172 г., но она была построена между 1069 и 1135 гг., т.к. в 1135 г. фиксируется ул. Яковлева. См.: *Мусин А.Е.* Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X-XVI веках. СПб., 2013. С. 43. То есть надо думать, что весь Неревский район, обнимающий собою территории улиц Добрыни и Яковлевой, до 1060-х гг. назывался «Добрыню». Интересно, что с Иаковлевой церковью связан факт ведения при ней владычного летописания. См.: Там же. С. 43. Первым владычным хронистом считается священник Иаковлевой церкви Герман Воята, служивший при ней в 1144-1189 гг. Пономарь Иаковлевой церкви Тимофей в 1260-х гг. занимался составлением летописного свода, Пролога и договоров с князем Ярославом Ярославичем. Можно

(Древлянской земли). Именно фигура Добрыни, дяди Владимира I, объясняет сущность политической линии, которой придерживалось неревское боярство до середины XIII в. Действительно, поскольку старший родственник правящей на Руси династии всецело поддерживал центральную власть, этой политической линии придерживались и его потомки, каждый из которых также продолжал оставаться *старшим родственником* каждого последующего Рюриковича на великокняжеском престоле. Таким образом, остается необходимым определить потомков Добрыни и выяснить характер генеалогических связей между ними.

Первые поколения определяются однозначно, по причине очевидного прямого родства и отсутствие указаний на существование каких-нибудь боковых родственников. Непосредственным преемником Добрыни был его сын – Константин Добрынич (ум. ок. 1037/1039), посадник [ок. 1014 – 1030]. Его приблизительный возраст можно определить, исходя из приблизительного возраста его отца. Поскольку дети Нискини Древлянского вначале (ок. 10 лет) несли, как и все пленные, хозяйственные повинности при великокняжеском дворе, а также, учитывая, что княжна Мала должна была быть достаточно молода, чтобы приглянуться Святославу I; кроме того, учитывая, что князь Владимир родился ок. 960/962 гг.²²⁴, надо понимать, что дети-наследники Нискини были пленены в детском возрасте²²⁵. Д.И.Прозоровский, считая Малу ровесницей Святослава I, датировал её рождение 940/944 гг., что можно признать справедливым²²⁶. Тогда дату рождения Добрыни, учитывая его детский возраст к моменту пленения, можно отодвигать не дальше чем до ок. 935/936 гг. Первые дети Добрыни могли появиться на свет только после полного освобождения, т.е.

предположить, что – с учётом концепции Б.А.Рыбакова – налицо продолжение неревским боярством покровительства летописанию.

²²⁴ О возрасте Владимира I см.: *Таланин В.И. У истоков Руси. С. 98-99; Карнов А.Ю. Княгиня Ольга. М., 2009. С. 17-19, 369-371.*

²²⁵ По былинам, хозяйственная служба Добрыни длилась 10 лет, а родовой конь его стоял без дела 15 лет. См.: *Таланин В.И. У истоков Руси. С. 98.* Если учитывать, что разгром Древлянской земли состоялся ок. 946 г., то получение полной свободы Нискиничами надо относить к 956/961 гг. Поскольку, согласно традиционной летописной версии, Святослав I родился в 942 г., каковой возраст вполне соответствует его позднему поведению, и с 964 г. князь постоянно находился в военных походах, своих троих сыновей он мог родить только между 957-964 гг., где 957-й год – год социального полнолетия для него.

²²⁶ *Прозоровский Д.И. О родстве Св. Владимира. С. 21.*

не раньше 960-х гг. Полагая, что Константин Добрынич должен был иметь не менее 30/35-летнего возраста для занятия посадничьей должности, то верхней границей его рождения может быть конец 970-х гг.

Когда Константин стал посадником, неизвестно. В.Л.Янин справедливо замечал следующее: «Между понятиями «новгородский князь» и «новгородский посадник» была незначительная разница, которая вызывалась разной ёмкостью понятий. Все новгородские князья раннего времени были посадниками, но не все новгородские посадники были князьями, так как термин «князь» определяет не только характер власти, но и принадлежность к потомству Рюрика. Мы вправе предполагать, что первые носители такой формы посадничества появились в Новгороде уже в первой половине X в., хотя каких-либо определённых сведений на этот счёт летописец не сообщает. Ясно, однако, что при равенстве понятий «посадник» и «князь» возможность одновременного существования в Новгороде «посадника» и «князя» исключена»²²⁷. С этим можно согласиться, если учитывать, что *равенство понятий «посадник» и «князь» могло произойти только оттого, что первый посадник и его потомство сами по себе были князьями не менее, если не более знатными, чем Рюриковичи.* Самый тщательный анализ летописей не выявляет вплоть до 1060-х гг. каких-либо иных посадников в Новгороде, кроме потомков Добрыни. Можно думать, что посадничество неревского боярского рода на протяжении первых ста лет было фактически наследственным, при отсутствии какого бы то ни было соперничества. При наличии в Новгороде князя посадник, скорее всего, действительно отсутствовал, но как постоянный «заместитель» и даже «заменитель» любого князя текущий глава неревского боярского рода всегда был как бы «теневым посадником». Фактически это тождественно рассмотренному нами выше статусу «старого посадника» XIV-XV вв.: когда посадник не обязательно становился степенным посадником, т.е. формальной главой правительства, но посадником он продолжал оставаться. Поэтому можно говорить о том, что фактическим, - но еще не юридическим, - посадником Константин Добрынич стал сразу по смерти

²²⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 68.

отца: его возраст, если он родился в 960-70-х гг., а Добрыня умер ок. 997/1001 гг., ему это позволял.

По летописи, Константин упоминается посадником ок. 1016 г., когда Ярослав Владимирович ушел воевать за Киев. Эту же дату указывает и В.Л.Янин. Однако мы склонны полагать, что в реальности негласный переход если не формальной, то фактической власти в Новгороде к Константину должен был состояться ок. 1014 г. В этот год, по летописи, новгородцы, не желавшие мириться с бесчинствами варягов, которыми окружил себя Ярослав, перебили многих из них в ходе восстания, а остальных изгнали из города; после этого Ярослав с дружиной перебил часть новгородцев, а затем Ярослав, как известно, присвоил себе ежегодно отправляемый в Киев налог, т.е. поднял мятеж против отца – центральной власти.

Ранее мы указали, что в ходе усобиц 1010/20-х и 1060/70-х гг. новгородский род потомков Добрыни всегда поддерживал ту линию, которая являлась законным – с их точки зрения – претендентом на власть; в обстоятельствах обеих войн это была линия полоцких князей Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича, а в 1070-х гг. они поддержали претензии черниговских Рюриковичей, в частности В.К. Святослава II Ярославича [1073-1076]. У нас нет возможности в рамках настоящей работы привести всю нашу аргументацию, вследствие её большого объёма²²⁸. Однако очевидно, что если боярский род, который всегда поддерживал законную центральную власть до 1010-х и с 1080-х гг., и которую он считал законной между этими датами, не мог поддержать мятеж Ярослава Владимировича, что и показали известные события по избиению варягов на «Поромони дворе».

Доказательством того, что Константин был в оппозиции к Ярославу I, даже после формального замирения внутренней обстановки в государстве, является уничтожение князем своего старшего родственника и главы неревского боярства. По летописям, Ярослав велел арестовать Константина, заточить его в Ростове и через 3 года убить в Муроме. Б.А.Рыбаков и В.Л.Янин показали, что юридическое окончание посадничества Константина приходится на ок. 1030 г.,

²²⁸ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 183-269.

когда в Новгороде был посажен княжить Илья Ярославич; ок. 1034/1036 гг. в связи с вокняжением в Новгороде Владимира Ярославича Константин был арестован, т.е. ум. ок. 1037/1039 гг.²²⁹

Единственным сыном и наследником Константина в летописях просматривается Остромир Константинович (ум. после 1064), посадник [ок. 1052 – после 1064], погибший, как считается, в результате похода на чудь²³⁰. Фигура Остромира дважды подтверждает верховенство неревского боярского рода над Рюриковичами, что тем самым подтверждает концепцию Д.И.Прозоровского, из которой вытекает родовое старшинство потомков Добрыни над всеми Рюриковичами.

Во-первых, речь идёт об известном «Остромировом Евангелии», написанном для Остромира диаконом Григорием ок. 1056/1057 гг. Здесь важна личная приписка Григоря на Евангелии, которая гласила: *«Написах же Евангелие се рабу Божию, наречену сушу в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир, близоку сушу Изяславу князю. Изяславу же князю предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве. А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новегороде... Многа же лет дарова Бог самому ему и подружю его Феофане и чадом ею и подружием чад ею»*²³¹. Б.А.Рыбаков справедливо отмечал: «Из этой приписки явствует не только то, что вопреки летописцу Остромир жил в 1056-1057 гг., но и то, что он был в зените своей славы и власти. Родственник («близок») великого князя, он рассматривал своё посадничество в Новгороде почти как соправительство. Горделивый тон

²²⁹ Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 57; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 69-70.

²³⁰ Дата смерти, вопреки летописной (1054), обосновывается рядом авторов: а) 1060-й год – Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 524-525; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 197-198; Он же. «Остромирова летопись». С. 50; Куза А.В. Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 299-301; б) весна 1061 года – Прозоровский Д.И. О родстве Св. Владимира. С. 23-24. Особняком стоит справедливое мнение А.Поппэ, который указал, что летописное сообщение о сыне Остромира под 1064 годом говорит об его отце, как о ныне живущем. См.: Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 105, 121.

²³¹ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаментных кодексов XI-XIV вв. М., 2000. С. 13.

приписки ставит Остромира-Иосифа вровень с ранее умершим новгородским князем Владимиром Ярославичем и в то же время умаляет историческую роль Ярослава, упоминая его только как киевского князя, который имел лишь одну из двух «властей» на равных правах со своим сыном, владевшим второй «властью» – Новгородом. В этой короткой, но выразительной приписке чувствуется определенная политическая программа²³². Интересно, что эта же идеологема о «двух властях» - в преломлении «старейшинства» Новгорода перед всеми прочими княжениями проступает затем в устах Всеволода III, как мы видели выше. Можно с уверенностью сказать, что *корни этой доктрины лежат в том политическом положении и весе, какие были у неревского боярского рода не только в Новгороде, но и во всей Руси в целом: иное объяснение этому вряд ли можно найти.*

Во-вторых, очень знаменательной фигурой является супруга Остромира – Феофана. А.Поппэ указал, что дважды указанное «свойство» в приписке Григория говорит сразу о двух видах родства – по крови и по браку. А.Поппэ постарался определить вид свойства по браку. Он указал, что поскольку у Остромира было не менее трёх взрослых и женатых/замужних детей (исходя из употребления по отношению к ним множественного числа), то обоим родителям должно было быть не менее 45/50 и не более 55/60 лет, т.е. дата рождения Остромира колеблется ок. 996/997...1011/1012 гг., что соответствует нашим предыдущим расчетам возраста его отца. После этого цитируемый автор, верно указав, что греческое имя жены Остромира очень редкое, а в ту эпоху упоминание женских имён в любых документах было редчайшим явлением, то статус Феофаны был весьма высок сам по себе, а не через брак. После этого, показав, что подобное женское имя бытовало только в среде византийской императорской Македонской династии, и такое имя носила мать византийской супруги Владимира I Анны (963-1011), А.Поппэ допустил, что жена Остромира могла быть дочерью Владимира I и византийской принцессы Анны. Вплоть до сего дня сколько-нибудь серьёзной критики этого допущения сделано не было. Напротив, это мнение подкрепляется не только общностью родовых имен, в

²³² Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 197.

данном случае женских, но и тем, что миниатюры, изображённые в «Остромировом Евангелии» исполнялись не в Киеве по византийским образцам, а непосредственно византийским письмом того времени²³³. Единственно, в чём можно не согласиться с А.Поппэ в его концепции, это с тем, что он полагал брак Феофаны с Остромиром «мезальянсом», т.к. последний не имел якобы «благородного происхождения», т.е. не происходил от правящих домов. Однако, зная действительное происхождение Остромира, можно говорить об отсутствии в данном случае даже намёка на мезальянс. В сущности, не брак с дочерью византийской принцессы «облагораживал» Нискиничей, а скорее наоборот.

Существование женатых «чад Остромира», упомянутых в приписке Григория, и родившихся, согласно дате этой приписки, не позднее 1020/30-х гг., не вызывает никаких сомнений. Именно эти «чада Остромира» и стали родоначальниками дальнейшей династии неревского боярства, в частности тех трёх отдельных семейств, которые были выделены нами в Неревском конце применительно к середине XII в. Поэтому выявление «чад Остромира» позволит заполнить реальными именами лакуну 1060-1130-х гг.

В.Л.Янин, обращая внимание на список посадников эпохи Мстислава Владимировича, говорил, что лишь для Завида, Гюряты и Микулы удаётся отследить их потомков и преемников, тогда как прочие лица «вполне независимые»²³⁴. Далее автор обращал внимание на то, что девятый посадник – Добрыня – сосуществует с князем, а не заменяет его, на основании чего говорил, что возникла новая разновидность посадничества: «Посадничество Завида и его преемников не могло иметь корней в раннем посадничестве Константина и Остромира. Раннее посадничество X-XI вв. в дальнейшем развивается в институт княжеской власти в Новгороде, тогда как собственно новгородское посадничество, противостоящее князю, могло родиться только в процессе борьбы

²³³ *Поппэ А.* Феофана Новгородская. С. 102-104; *Он же.* Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011. С. 360-361.

²³⁴ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 78. «Остромир, Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, Добрыня, Дмитр, Костянтин» или «Остромир, Завид, сын его Дмитр, Петрята, Коснятин, Нинонег, Сава, Улеб, Гюрята, сын его Мирослав, Микула, сына его два: Пётр, Коснятин, Добрыня, Коснятин Моисеевич». См.: НПЛ. С. 164, 471-472.

с князем, т.е. с ранним посадничеством»²³⁵. Автор прав, говоря, что сосуществование князя и посадника изменило характер посадничества. Но, по нашему мнению, автор неправ, приурочивая отказ от института раннего посадничества к столь раннему времени. Вплоть до появления списка из девяти посадников при Мстиславе Владимировиче в летописях нет ни малейшего намёка на то, чтобы в Новгороде существовал посадник, не принадлежащий к роду Добрыни Нискинича. В поименованной девятке как минимум Микула и Добрыня принадлежали к клану неревских бояр, значит, были потомками Остромира. Сюда же надо причислять Завида, т.к. это имя повторяется впоследствии в XII в. Невозможно думать, что «собственно новгородское посадничество», суть которого заключалась в «процессе борьбы с ранним посадничеством», вышло из среды «чад Остромира» и его внуков. В очередной раз повторим, что неревское боярство в течение XII в. поддерживало центральную власть в лице прямых потомков В.К. Владимира II Всеволодовича *Мономаха* [1113-1125] и его сына В.К. Мстислава I [1125-1132]. Причём поддерживало настолько упорно, что именно эта поддержка в борьбе с боярами Прусской улицы и Людина конца привела к физическому истреблению части старшей ветви неревского рода и эмиграции большей части иных её представителей. Оставшиеся члены старшей ветви (о которых свидетельствует существование Никифора XIII в. на схеме 5б) в политику вовсе не вмешивались; младшая же ветвь в лице Малышевичей была настолько отстранена от политики, что вначале занималась исключительно церковным строительством и уходила в монашество. Только обстоятельства, связанные с истреблением старшей ветви рода, заставили Малышевичей включиться в политическую жизнь, но достичь высшего правительственного поста – посадника – их потомки в лице Михаила Мишинича смогли лишь в 1272 г. То есть после переворота 1186 г., исключая неудачное неревское посадничество 1215-1216 гг. и неудачное тысяцкое 1228-1229 гг., неревское боярство было отодвинуто от высшей власти в Новгороде на 85-летний период.

Таким образом, то, что можно назвать словами «собственно новгородское посадничество» родилось не благодаря, а вопреки потомкам Добрыни

²³⁵ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 80.

Нискинича. К 1260-м гг. относится составление письменных договоров Новгорода с новгородским князем Ярославом Ярославичем [1255-1256, 1264-1270], В.К. Ярославом III [1263-1272], в которых принцип великокняжеского суверенитета над Новгородом потерпел поражение. Именно этот В.К. подписал «докончания» с Новгородом и после мятежа 1269 г. поцеловал на том крест, о том, что новгородский князь и Великий Князь лишаются контроля над военными, судебными, финансовыми делами Новгорода, а выполняют только функцию приглашённых воевод²³⁶. Михаил Мишинич участвовал в этих событиях на антикняжеской стороне, что проявляется требованием Ярослава о выдаче его, как одного из организаторов Раковорской битвы. Невыдача его князю в данном случае говорит о том, что позднейшие потомки Добрыни Нискинича начали играть в политическую игру по новым правилам. Вероятнее всего именно эта переориентация позволила им вернуться в новгородскую большую политику и не уходить оттуда вплоть до 1478 г. Однако применительно к периоду от рубежа XI/XII до середины XIII вв. этой переориентации еще не произошло.

Знаменитый «феномен Новгорода», т.е. его постоянное стремление к «вольности», рождался далеко не сразу, а в муках и гражданских столкновениях. Следует думать, что причиной этого феномена можно назвать своеобразный «феномен Нискиничей». Феномен института раннего посадничества, когда единственный боярский род безраздельно управлял Новгородом, но исключительно в рамках, установленных центральной властью, был очень показательным примером для тех князей, которые в XII в. сражались с центральной государственной линией. Заронить сепаратистские элементы в новгородскую почву было очень легко: надо было поставить на иную боярскую группировку/группировки, показав им, что свержение потомков Нискиничей приведет к такой же безраздельной власти их самих, а мы, т.е. подстрекатели, дадим вам ряд льгот. Так каждое последующее поколение противников неревлян стремилось к всё большим льготам, что в итоге и привело к гибели большей части неревского рода и к фактической независимости Новгорода от центральной

²³⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 215, 218-223.

государственной власти. Уцелевшие потомки неревских бояр, как указывалось, приняли правила игры в рамках новгородской «независимости».

Возникновение соуправления Новгородом одновременно князем и посадником на рубеже XI/XII вв. следует, по нашему мнению, увязывать с тем же «феноменом Нискиничей». Окончательный проигрыш в борьбе за великокняжеский престол в 1060-70-х гг. полоцких Рюриковичей и неуспех преемников Святослава Черниговского заставил «чад Остромира» развернуться к победителям в лице Мономаха и старших Мономашичей. Но именно их политика привела к главной новизне посадничества рубежа XI/XII вв.: помимо «чад Остромира» и их потомков во власти появились представители иных боярских семей, усматриваемые в лице Миронег, Саввы и Улеба. *Мономах и его сын сами породили внутриновгородскую оппозицию потомкам Нискиничей.* С политической точки зрения это можно признать верным ходом: показавшие себя сильными политическими игроками в течение XI века неревские бояре не будут указывать центральной власти, как ей себя вести, хотя и представляя собой старших ей кровных родственников, если в их новгородской как бы «вотчине» их власть будет оспариваться противниками. Да, из посадничества образца рубежа XI/XII вв. пошел новгородский сепаратизм, но, во-первых, он родился не снизу, а был насажен сверху в виде своеобразного политического эксперимента, а, во-вторых, наследники идеи «раннего посадничества» были его последовательными противниками в течение последующих полутора столетий.

Итак, первый из девятки, посадник Завид мог получить свой пост вместе с вокняжением нового князя, тем более что Мстиславу Владимировичу в 1088 г. было лишь 12 лет. В.Л.Янин отводил Завиду все годы первого княжения в Новгороде Мстислава, т.е. 1088-1094 гг. по следующей причине²³⁷. В течение этих 6 лет в тесной связке с Завидом действовал некий «протопроедр Евстафий», который как советник или представитель некоего Феодора обладал правом утверждения государственных документов, т.е. был «хранителем печати». Поскольку в крещении князь Мстислав носил имя Фёдора, В.Л.Янин определил Евстафия как крупнейшего наряду с посадником чиновника первого этапа

²³⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 85-87.

княжения Мстислава; печатей протопродра Евстафия известно 37, из которых 27 найдены в Новгороде. Очень интересно, что титул протопродра (советника) исключительно византийский; с XI в. этим титулом там награждались знатнейшие высшие придворные и военные чины²³⁸. По мнению А.Поппэ, этот титул принадлежал Евстафию на самом деле, но видеть в его лице некоего грека не следует: скорее всего, это сын Остромира и Феофаны, получивший свой греческий титул благодаря материнским связям; подтверждение этому А.Поппэ усматривал в том, что у князя Мстислава Владимировича, выступавшего в войнах 1020-х гг. против Ярослава и в союзе с Костантином Добрыничем, был единственный сын по имени Евстафий²³⁹. А.Поппэ напрямую связывает с этим известные события 1064 г., начавшие последний виток борьбы по вокняжению в Киеве полоцких Рюриковичей: бросок из Новгорода в Тмуторокань Вышаты Остромирача с князем Ростиславом Владимировичем.

В июле 1043 г. новгородский князь Владимир Ярославич по указанию отца при воеводе Вышате совершил набег на Византию. А.Поппэ уточнял: «Его причина доселе не выяснена»²⁴⁰. Летопись указывает: 1) Вышата возглавлял «вои многы», а княжеской дружиной ведал Иван Творимирич; 2) в ходе бури корабли с войском Вышаты были разбиты; 3) князь и Иван Творимирич отказались взять спасшихся воинов на свои суда; 4) Вышата добровольно сошёл на берег, желая вместе с воинами вернуться на Русь сушей; 5) князь Владимир нанес удар по подходившим греческим кораблям и бежал; 6) греки пленили всех, кто был на суше; 7) все пленённые, кроме Вышаты, были ослеплены; 8) после подписания мира в 1046 г. Вышата был отпущен на Русь²⁴¹. В этом сообщении можно видеть явное предательство Вышаты и его войска²⁴². Вполне возможно, что цель этого набега заключалась именно в этом предательстве, а вовсе не в отмщении за драку

²³⁸ The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. 1991. Vol. 3. P. 1727.

²³⁹ *Поппэ А.* Феофана Новгородская. С. 123. Вслед за А.Поппэ мы не считаем, что Завид и Евстафий – одно и то же лицо. В.Л.Янин осторожно допустил такую возможность, и затем в ряде работ это мнение автоматически повторяется как постулат. По нашему мнению, Завид и Евстафий были ближайшими по возрасту братьями.

²⁴⁰ *Поппэ А.* Новгородский епископ Лука-Жидята. С. 362.

²⁴¹ Софийская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 137-138.

²⁴² *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 240-244.

на константинопольском рынке. По нашему мнению, эти события были логическим продолжением ареста и убийства (между 1037/1039) Константина Добрынича. Можно думать, что «вои многы» Вышаты представляли собой новгородское ополчение: уничтожение новгородского войска и убийство внука Константина было предприятием по обезглавливанию военной составляющей новгородской оппозиции со стороны Киева. Косвенное подтверждение этому можно усмотреть в факте ослепления русских воинов. Хорошо известно, что ослепление было обычной византийской казнью для собственных антигосударственных мятежников²⁴³. Однако, кто в этих событиях был мятежником и против кого? Если это великокняжеский киевский престол против Византии, надо признавать Русь данницей или, говоря современным языком, колонией Византии. Если это не так, то воины Вышаты дважды в летописном рассказе отмечали своё желание вернуться на Русь, т.е. не предпринимали военных действий против греков. Однако интересно, что после своей высадки на берег Вышата сказал: «Не иду к Ярославу». По-видимому, это и есть «мятеж» Вышаты и его войска, но не против Византии, а против Киева. Наказывает мятежников, при этом, не Киев, не имевший, вероятно, сил для этого, а Константинополь, как киевский союзник. Отсутствие же наказания в отношении Вышаты могло объясняться только его происхождением. Это косвенно подтверждает идею А.Поппэ: ведь, если матерью Вышаты не была дочь византийской принцессы, что могло бы помешать его ослеплению вместе с остальными?

Ранее мы допустили, что возвращение Вышаты в Новгород после 1046 г. шло не через Киев, а окружными путями, из-за чего он мог вернуться не ранее ок. 1050 г.²⁴⁴ Возможно, с его возвращением надо связывать осуждение новгородского епископа Луки (Жидяты) в 1055 г.: «Клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики, и изиде из Новгорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефьрем, и пребысть тамо три лета»²⁴⁵. Под 1058 г. НПЛ сообщает,

²⁴³ Лихачёв Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 379.

²⁴⁴ Таланин В.И. У истоков Руси. С. 236-237.

²⁴⁵ НПЛ. С. 183.

что «Лука прия свои стол в Новгороде и свою область»²⁴⁶, но Софийская первая летопись под 1060 г. отмечает, что до Новгорода он не дошёл: «преставися архиепископ Лука, идя ис Кыева, на Копысе»²⁴⁷. Вероятнее всего, Лука был Ярославов ставленник. Известно, что ок. 1030 г. «преставися архиепископ новгородский Аким, бяше ученик его Ефрем, иже ны учааше», а в 1036 г. Ярослав I в Новгороде «епископа постави Жидяту»²⁴⁸. Летописи подчёркивают, что поставленный ок. 989 г.²⁴⁹ Иоаким был «Корсунянином», т.е. таким же участником предприятий Добрыни, как и Анастас Корсунянин. Весьма характерным оказывается факт того, что Ефрем так и не был посвящён на новгородскую кафедру, а постановка нового епископа происходит одновременно с арестом Константина Добрынича. Последнее обстоятельство, говорит о том, что Ефрем был свергнут как сторонник Константина. Поэтому, вероятно, именно удалением новгородского епископа в 1050-х гг. открываются события 1060/70-х гг.²⁵⁰ Летописи не сообщают истинной причины ареста Луки, но можно допустить, что ею стала неспособность епископа повлиять на новгородские события²⁵¹. Следует заметить, что судьба Луки разительно контрастирует с судьбой его преемника. Епископ Стефан, поставленный в Новгород в 1061 г., в 1068 г. «иде... в Киев и тамо свои холопы удавиши его»²⁵². 1068-й год стал кульминационной фазой войны (в этом году Всеслав Полоцкий вокняжился в Киеве), поэтому убийство Стефана принимает определённый символизм. События с обоими епископами роднит тот факт, что их инициаторами становятся «свои холопы». Это не позволяет рассматривать Стефана, как жертву киевского восстания 1068 г. При этом, неясно, почему «свои холопы» «обиделись» на Стефана больше, чем на Луку? Возможно, ответом является то, что Стефан, поставленный в уже оппозиционный Новгород, примкнул к Остромиру и

²⁴⁶ НПЛ. С. 183.

²⁴⁷ Софийская I летопись. С. 139.

²⁴⁸ Ипатьевская летопись. С. 138.

²⁴⁹ НПЛ. С. 159-160.

²⁵⁰ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 237-238.

²⁵¹ А.Поппэ указывал, что стандартная точка зрения об уличении Луки в ереси не подтверждается. См.: *Поппэ А.* Новгородский епископ Лука-Жидята. С. 363-365.

²⁵² Софийская I летопись. С. 140.

Вышате. Кроме того, характерным фактом является подвержение «своего холопа», «оклеветавшего» Луку, наказанию²⁵³, а относительно «своих холопов», убивших Стефана, репрессий не отмечается.

После отравления в Тмуторокани князя Ростислава (1066) и свержения Всеслава в Киеве (1069) очередной виток войны на Руси постепенно затихает, а о Вышате более ничего не сообщается. Известно, однако, что его дети оказываются киевскими боярами. Еще Д.И.Прозоровский показал, что киевских военачальников Яна Вышатича (ум. 24.VI.1106)²⁵⁴ и Путятю Вышатича (ум. после 1113)²⁵⁵ следует считать детьми Вышаты Остромирича²⁵⁶. Учитывая даты рождения «чад Остромира», Вышата мог родить своих сыновей не раньше рубежа 1040/50-х гг. Это соответствует активной деятельности Яна в 1071 г. В своё время мы предположили, что дети Вышаты, как мятежника, были намеренно увезены в Киев в качестве либо заложников, либо пленников²⁵⁷. О киевском потомстве внуков новгородского посадника Остромира ничего не известно²⁵⁸.

Интересно, что А.А.Шахматов выделил существование новгородского летописного свода 1050 г.²⁵⁹ Д.С.Лихачёв (1906-1999) полагал, что основой этого

²⁵³ НПЛ. С. 183.

²⁵⁴ Подавлял восстание волхвов в Ростове (1071), назван тысяцким (1089), воевода в походах на половцев (1093, 1106).

²⁵⁵ Упом. воеводой (1099, 1104, 1106). В 1113 г. киевляне, призывающие к власти Мономаха, разгромили его двор за приверженность тиранической и грабительской политике прежней власти.

²⁵⁶ *Прозоровский Д.И.* О родстве Св. Владимира. С. 26.

²⁵⁷ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 285.

²⁵⁸ А.Поппэ настаивал на том, что киевских Вышатичей нельзя считать потомками Остромира, ведь летопись указывает, что в год преставления Яна ему было 90 лет. См.: *Поппэ А. А.А.Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. 2008. № 3(33). С. 80-82.* Если считать эту цифру справедливой, то А.Поппэ прав. Однако если эта цифра лишь гипербола, тем более что летопись указывает о Яне, что был «в старости мастите», то Ян должен был бы родиться не позднее рубежа 1030/40-х гг. В этом случае к 1106 г. ему было бы ок. 70 лет. Мы не настаиваем на справедливости мнения Д.И.Прозоровского, поддержанного в этом А.А.Шахматовым и Д.С.Лихачёвым, однако полагаем, что этот вопрос требует своего дальнейшего уточнения. В связи с последним показано, что в XIV-XVI вв. на Руси и на Западе понятие «старость глубокая» применялось к людям между 50 и 60 годами; выражение «старость маститая» относилось к лицам ок. 65 лет. См.: *Усачёв А.С.* «Старость глубокая» в XIV-XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // *Древняя Русь. 2014. № 1(55). С. 58-66.*

²⁵⁹ *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 611-630.

свода стали устные беседы Вышатичей с летописцем Никоном²⁶⁰. Затем Б.А.Рыбаков, внося в исследования А.А.Шахматова и Д.С.Лихачёва целый ряд существенных дополнений, определил временем составления этого свода 1054-1060 гг., а его автором – посадника Остромира²⁶¹. Б.А.Рыбаков связывал с этой летописью все спорные и нечёткие летописные места, касающиеся прежде всего отношений славян и варягов. Вне зависимости, принимать или нет версию об «Остромировой летописи», признавать, что какая-то часть «новгородских тем» могла проникнуть в киевское летописание от Вышатичей, вполне возможно. Тогда перед нами уже третье, хотя во всех случаях и косвенное, свидетельство об отношении представителей одного и того же рода к процессам русского летописания²⁶².

Помимо Вышаты, Завида и Евстафия, можно отыскать других «чад Остромира». Во-первых, это посадник Микула, неревский боярин. Во-вторых, следует обратить внимание на точку зрения Н.М.Карамзина (1766-1826), утверждавшего, неизвестно, впрочем, из чего исходя, что посадники Добрыня, Дмитрий Завидич и Константин Моисеевич, умершие соответственно 06.XII.1117, 09.VII.1118 и в 1119 гг., принадлежали к «роду Добрыни, Владимиров дяди»²⁶³. Исходя из того, что еще ранее мы определили именно их в качестве представителей неревского боярства по причине родовой преемственности имён, то мнение Н.М.Карамзина представляется справедливым.

Кроме того, В.Л.Янин показал, как уже нами указывалось, что посадник Якун Мирославич [1137-1141, 1156-1160] принадлежал по своим политическим симпатиям 1150-60-х гг. к группе, олицетворяемой посадниками Захарией и его

²⁶⁰ Лихачёв Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. Т. 17.

²⁶¹ Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись»; *Он же*. Древняя Русь. С. 193-206.

²⁶² Т.В.Гимон поддерживает мнение Д.С.Лихачёва об отношении киевских Вышатичей к отечественному летописанию. Также в этой работе подмечается, что летописные сообщения о Добрыне, Константине и Остромире имеют взаимосвязь. По мнению автора, это не подтверждает генеалогические построения ни Д.И.Прозоровского, ни А.А.Шахматова, но всё же в немалой степени повышает их достоверность (впрочем, автор не сумел определиться, отдавать ли предпочтение Д.И.Прозоровскому или А.А.Шахматову). См.: Гимон Т.В. Янь Вышатич и его предки: новые соображения // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 22. М., 2010. С. 60-66.

²⁶³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 2. Прим. 224.

сыном Иванкой²⁶⁴. Он же указывал, и это никем не оспаривается, что этот Якун был сыном посадника Мирослава Гюрятинича (ум. 28.I.1136) [1126-1128, 1135-1136]. Последний, в свою очередь, был сыном посадника времён Мстислава Владимировича, Гюряты (Юрия, Георгия) Роговича. Таким образом, следует думать, что политические симпатии деда, отца и сына должны были быть схожими, если не одинаковыми. Поэтому посадника Гюряту Роговича нужно причислять к среде неревского боярства.

Интересно, что Гюрята Рогович оказывается братом посадника Добрыни, поскольку тот впервые фигурирует в летописи в качестве воеводы Добрыни Рагуиловича, командовавшего новгородцами в 1096 г. в сражении с черниговцами. Именно в этом году посадничает Гюрята. Под этим годом в летопись включён рассказ о нём, посылавшем людей на дальний Север, возможно, в поисках торговых путей. Рассказ об этом, по признанию летописца, был услышан им лично от Гюряты ок. 1114 г.²⁶⁵ Отчества братьев – Рогович и Рагуилович – не следует считать различными, тем более что Хлебниковский список Ипатьевской летописи передаёт отчество Добрыни в виде «Роугаилович»²⁶⁶. Происхождение отчества «Рогович» от имени «Рогаил, Рагуил, Рагуйл», как кажется, возможно. В доказательство приведем данные переписной книги Водской пятины 1500 г., где упоминается «Ивашко Рагуй иконник» и «Терех овчинник, брат Рагуев»²⁶⁷.

Однако в отношении семьи Роговичей выдвигалась гипотеза об её скандинавском происхождении²⁶⁸. Доказательств тому нет никаких, кроме

²⁶⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 147, 149.

²⁶⁵ Лихачев Д.С. Комментарии. С. 457.

²⁶⁶ Ипатьевская летопись. С. 228.

²⁶⁷ Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. С. 12.

²⁶⁸ Молчанов А.А. Новгородское боярство в X-XI вв. С. 273; *Он же*. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладогге и Новгороде) // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997; *Он же*. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. Т. 2; *Гиппиус А.А.* «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 13. М., 2001; *Мусин А.Е.* К истории некоторых боярских родов; *Успенский Ф.Б.* Мстиславля Христина: шведско-новгородские связи конца XI в. // XV конф. по изучению истории,

мнения, что имя «Рёгнвальд» это то же, что и «Роговолод», а «Роговолод» и «Рагуил» похожи, т.к. происходят от слова «Рог», а имя «Якун» исключительно шведское. По нашему мнению, эта точка зрения несостоятельна. Во-первых, русские источники не содержат никаких, даже косвенных намёков на скандинавское происхождение этих посадников. А.А.Гиппиус указывал: «Женитьба князя на боярской дочери – явление экстраординарное для дома Рюриковичей, и – какова бы ни была политическая подоплёка таких браков – несомненно требовавшее какого-то генеалогического оправдания. Происхождение невест от Рёгнвальда Ульвссона, состоявшего в родстве с несколькими скандинавскими монархами, вполне могло составить такое оправдание»²⁶⁹. Разумеется, это справедливое замечание. Однако даже адепты рассматриваемой точки зрения сообщают, что Рёгнвальд Ульвссон (ум. ок. 1030 г.) имел двух сыновей от первого брака – Ульва и Эйлива; последний получил после смерти отца Ладогу в пожизненное ярлство. Однако никаких сведений не только в русских, но и в западных источниках о каком-нибудь потомстве Эйлива нет²⁷⁰. То, что Гюрята – внук Эйлива не подкрепляется даже косвенными свидетельствами.

Наконец, если следовать рассмотренной логике, то имя иконника 1500 г. Водской пятины – Рагуй – нужно тоже трактовать как «Рёгнвальд»? Такое предположение невероятно. Исходя из этого, по какой причине для XI века такое предположение должно оказываться более вероятным?

Относительно скандинавского происхождения имени «Якун» высказался А.Л.Шилов: «Сложен случай с именем *Якун*. В комментариях к соответствующим грамотам оно однозначно трактуется как скандинавское по происхождению... Однако при ближайшем рассмотрении его скандинавское происхождение в ряде случаев может быть поставлено под сомнение. Дело в том, что в берестяных

экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. Т. 1; *Он же*. Мстислав и Христина: новгородско-шведские связи XI – начала XII вв. // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 358; *Гиппиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А.Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // *Slavica Helsingiensia*. 2006. Vol. 27.

²⁶⁹ *Гиппиус А.А.* «Суть люди новгородци от рода варяжска». С. 62.

грамотах встречается имя *Якша*, которое потенциально может быть гипокористикой как от саамского *Якун*, так и от русских *Яков* или *Яким*. В грамоте первой половины XII в. имя *Якша* встречается в окружении многочисленных имён – исключительно древнерусских (языческих). Поэтому, крайне маловероятно, чтобы оно восходило к христианскому *Яков* (или *Яким*). Следовательно, здесь мы можем обоснованно видеть гипокористику от языческого (скандинавского) *Якун*. Но адресата комплекса грамот с Троицкого раскопа (усадьба Е) второй четверти – середины XII в., также именуемого *Якшей*.. [связывают].. с известным по летописям новгородским посадником Якуном Мирославичем... Казалось бы, вопрос выяснен: скандинавского происхождения имя *Якун* в какой-то период было популярно в новгородском ономастиконе. Однако.. [указывается].., что с тем же Якуном может быть отождествлён и адресат грамоты (происходящей из того же комплекса той же усадьбы Е) по имени *Яков*. При этом чуть раньше по тексту делается оговорка: «Сохранение «варяжского» имени *Якун* в древнерусском антропонимиконе скорее всего объясняется его соотнесённостью с именем *Яков*». По нашему же мнению, во многих случаях можно говорить не о скандинавском происхождении имени *Якун*, а о том, что оно само наряду с *Якша* являлось (в Новгороде, во всяком случае) гипокористикой от имени *Яков*. К этому приведем именованья предков посадника Якуна (Якши-Иакова?) Мирославовича – также новгородских посадников: *Мирослав (Мирошка) Гюрятинич* (в крещении – *Иаков!*), *Гюрята Рогович*... Не странно ли, что «варяжское» имя вдруг всплыло в третьем (известном нам) поколении семьи, чьи представители доселе носили славянские имена?... Тем больше у нас оснований утверждать, что более поздние фиксации имени *Якун* с варяжским наследием вряд ли связаны. Имеются в виду следующие примеры: в Тобольской округе – *Якун(ь)ка Лук(ь)янов сынъ Плясовской* (1681), в Зауралье же – *деревни Нижнего Яру Якунки Рышка сестра Анна* (1690), *Якун Поволски(й)* (1635), *Якунка Кузьмин* – крестьянин деревни Павловской Прилуцкой волости (XVI в.)»²⁷¹.

²⁷⁰ Успенский Ф.Б. Мстислав и Христина. С. 297.

²⁷¹ Шилов А.Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1. С. 51-52.

Возвращаясь к мнению о «генеалогическом объяснении», не следует ли искать шведские корни и у предков Остромира, чтобы сделать его настолько «благородным», чтобы дочь греческой принцессы смогла выйти за него замуж? Или все же достаточно происхождения Остромира от наследственных князей Древлянской земли? Наконец, какое генеалогическое объяснение привлекал Мстислав I, женись на Любаве Дмитриевне? Подобный подход напоминает поиск псевдо-шведских корней генералиссимуса А.В.Суворова (1730-1800), считающихся якобы «более благородными», чем русские.

Таким образом, мы полагаем, что приведённые нами соображения позволяют говорить о несостоятельности гипотезы о скандинавских корнях братьев Добрыни Рагуиловича и Гюряты Роговича. Однако нужно заметить, что А.А.Гиппиус сделал верное замечание о том, что «фамильной церковью Мирославичей» надо считать Иаковлеву церковь на ул. Добрыне, построенную или Якуном Мирославичем, или, что вернее, Мирославом Гюрятиничем, Иаковом в крещении²⁷². Это наблюдение подчеркивает принадлежность братьев Рагуиловичей и их потомков к боярству Неревского конца²⁷³.

В довершение наших рассуждений следует обратить внимание на берестяную грамоту № 297, обнаруженную на Неревском раскопе в слоях 1420-х гг. Её текст гласит: «Челобитье от Сергия и его братьев из Рагуйлова господину Михайле Юрьевичу. Стог ржи, господин, твой четвертной воры раскрали, овинов на пять, свезли весь»²⁷⁴. Этот текст недвусмысленно гласит, что село Рагуйлово принадлежало боярину Михаилу Юрьевичу из Онцифоровичей. То есть топоним Рагуйлово имеет такое же происхождение, как и Ондrejaнов берег, он же Андrejaнов стан, и Леонтъев стан: некогда Рагуйлово было вотчиной какого-то

²⁷² Гиппиус А.А. «Суть людие новгородци от рода варяжска». С. 62.

²⁷³ Ранее В.Л.Янин полагал, что Мирослав Гюрятинич и Якун Мирославич принадлежали к боярству Прусской улицы. См.: Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 140. Однако затем он показал, что посадник Дмитр Якунич [1211 – 1211/1214] был сыном посадника Якуна [1167-1170], который не тождественен Якуну Мирославичу. См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 147. Посадники Людина конца и Прусской улицы, как все ранее указанные, так и Судила Иванкович [1141-1144, 1147-1156], придерживались иной политической ориентации, нежели Якун Мирославич. См.: Там же.

²⁷⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. С. 112.

Рагуила, кровно принадлежавшего к боярскому роду Неревского конца, предка Мишиничей-Онцифоровичей²⁷⁵.

Вместе с тем старые разработки В.Л.Янина позволяют до сих пор интерпретировать грамоту № 907 как письмо судейского чиновника к посаднику Гюряте, а т.к. грамота найдена на Троицком раскопе, то автоматически Гюрята в целой череде публикаций заносится в боярство Людина конца. Однако текст грамоты № 907 не позволяет говорить о *посаднике* Гюряте: «Грамота от Тука к Гюряте. Крали-то братнины холопы, [крали] у брата. А теперь он (хозяин дома), сговорившись с родственниками, свалил [всё] на эту кражу, вместо [того, чтобы объявить] о той краже. А у него (в его ведомстве) действительно украдено, ан ведь он взял (за свое молчание) у Иванкова смерда три гривны, а кражу княжеского имущества скрыл»²⁷⁶.

Фактически перед нами письмо к *какому-то* Гюряте. Идентичность имени ни о чем не говорит. Встречавшееся в берестяной переписке этого же раскопа имя «Якша» вовсе не обязательно должно ассоциироваться с Якуном Мирославичем, как и этот Гюрята с Гюрятой Роговичем. Эта грамота датируется первой четвертью XII в., но это совсем не значит, что Гюрята жил на этой усадьбе. В работах В.Л.Янина приводился ряд примеров, когда грамоты, адресованные одному лицу, находили на усадьбах других лиц. Подобные перемещения можно объяснить чем угодно, пожаром, переездом и т.п. В данном случае можно обратить внимание на погромы марта 1137 г., когда в частности был разорён дом посадника Константина Микулинича, неревлянина. С той же степенью аргументированности, что и приписывание Гюряты Роговича на основании грамоты № 907 к Людину концу, можно выдвинуть допущение, что эта грамота

²⁷⁵ Писцовая книга Водской пятины указывает, что в Ижерском погосте была «волостка Александровская Самсонова, да Ивановская Захарьина сына Овинова на реке Ижере». Боярину Александру Самсоновичу принадлежала здесь деревня «Раигуево» на «Словенской реке», что после Александра была «Спасского монастыря Хутынского». Вся «волостка» была отдана князю Ивану Александровичу Буйносу, сыну князя Александра Ростовского-Хохолкова. См.: Книга Водской пятины. С. 361-363. Эта же деревня несколько позже называется «Рагуилово». См.: Там же. С. 403. Следовательно, Рагуйлово принадлежало неревским боярам, лишь переходя между ветками рода, вплоть до 1478 г.

²⁷⁶ Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 6, 99-101.

перекочевала в архивы тех, кто громил усадьбы неревлян в 1137 г., как реквизированное имущество.

Последним аргументом в пользу принадлежности потомков братьев Рагуиловичей к неревскому боярству надо увидеть в следующих двух фактах. Например, в том, что в 1135 г. Мирослав Гюрягинич «ходил» мирить киевлян с черниговцами, но безуспешно²⁷⁷. Здесь резонно поставить простой вопрос: почему именно на него была возложена эта миссия? На Руси было немало бояр, теоретически выполнять такое дипломатическое поручение мог кто угодно и от новгородцев, и от самих киевлян с черниговцами. Что за авторитет был у Мирослава, который позволял ему выполнять такую миссию? Не тот ли это авторитет, который позволял Остромиру именовать себя «близоком» Великого Князя? Если да, то он вытекал из родового старшинства потомков Нискиничей над младшими родственниками Рюриковичами. Только в этом случае исполнение Мирославом такой миссии становится понятно: да, миссия не удалась, но к такому посланнику враждующие стороны могли хотя бы прислушаться.

Наконец, мы видим родовую преемственность имён в рассматриваемой нами боярской семье. Вспомним, что в 1122 г. В.К. Мстислав I женился на Любаве Дмитриевне (ум. после 1169). От этого брака произошло двое детей. Дочь Евфросиния (1130-1193) в 1146 г. была выдана замуж за венгерского короля Гезу II [1141-1162]²⁷⁸. Сын Владимир Мстиславич (1132 – 30.V.1171) был князем Дорогобужским [1152-1156, 1170-1171], Владимиро-Волынским [1154-1157], Слуцким [1162], Трепольским [1162-1168], В.К. Киевским [февр. – май 1171]. Если рассматривать его фигуру с точки зрения наследования по прямой нисходящей линии, он был старшим среди всех ветвей Мономашичей. После смерти Ростислава Мстиславича, он с 1167 г. стал старейшим среди Мономашичей и с точки зрения «лествичного» престолонаследования. Неудивительно, поэтому, что в 1150-60-х гг. в Киеве был сочинён и даже

²⁷⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 104.

²⁷⁸ Sokop B. Stammtafeln europäischer Herrscherhäuser. Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 37; Louda J. MacLagan M. Lines of Succession: Heraldry of the Royal Families of Europe. London, 1999. Table 89.

вставлен в летопись пасквиль о том, что у Любавы Дмитриевны был любовник, поэтому, неизвестно, от кого произошел Владимир²⁷⁹.

Тысяцким при князе Владимире был Рагуил Добрынич. Его деятельность освещается в Ипатьевской летописи дважды: 1) в 1147 г. он по просьбе своего князя убеждал мятежных киевлян не убивать пленённого В.К. Игоря II Ольговича [1-13 августа 1146]; после убийства лично перенёс его тело с площади в церковь²⁸⁰; 2) в 1167 г. он осудил выступление своего князя против Мстислава II²⁸¹. Последнее свидетельствует в пользу того, что Рагуил Добрынич был не только воеводой и старшим боярином князя Владимира, но и, скорее всего, его воспитателем с младенчества: любой другой боярин, кроме дядьки-воспитателя, управляя действиями своего князя, мог бы поплатиться головой. В свою очередь, последнее позволяет предполагать, что Рагуил Добрынич был родственником Любавы Дмитриевны. Неревских бояр Завида и Рагуила можно рассматривать родными братьями, тогда Любава Дмитриевна (ум. после 1169) и Рагуил Добрынич были троюродными братом и сестрой, а сам Рагуил – сыном посадника Добрыни Рагуиловича.

В 1169 г. Любава Дмитриевна была изгнана из Киева Мстиславом II. Она отправилась в Чернигов к Святославу Всеволодовичу, который принял её. У В.Н.Татищева указывается, что в 1185 г. после успешного побега от половцев Игорь Святославич женил на дочери тысяцкого Рагуила Добрынича своего спутника по побегу – половца Овлура²⁸². Также Ипатьевская летопись сообщает, что в половецком плену с Игорем находились сын его тысяцкого и конюший²⁸³.

События 1185 г. позволяют нам говорить, что в 1169 г. вместе с Любавой Дмитриевной в Чернигов прибыла и семья Рагуила Добрынича, оставшегося при своём князе. Говорить о том, мог ли сам Рагуил быть тысяцким по смерти своего князя, невозможно. Летопись молчит о боярах князя Владимира после его гибели

²⁷⁹ Текст пасквиля см.: *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С 143. Объяснения того, что это пасквиль см.: *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 233.

²⁸⁰ Ипатьевская летопись. С. 349-354.

²⁸¹ Там же. С. 535-536.

²⁸² *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 139.

²⁸³ Ипатьевская летопись. С. 650.

в 1171 г.²⁸⁴ Можно предположить, конечно, такой хронологический расчёт. Любава, чтобы выйти замуж в 1122 г., должна была быть не менее 15...20-летнего возраста, т.е. родиться ок. 1102...1107 гг. Рагуил Добрынич впервые выступает в 1147 г., т.е. ему должно было быть, чтобы являться старшим боярином, не менее 30 лет, т.е. он должен был родиться не позднее 1116-1117 гг. Однако, почему именно этот 15-16-летний мальчик выбирается в семье, чтобы стать дядькой князя Владимира, родившегося в 1132 г.? То есть Рагуил Добрынич должен был родиться раньше, чтобы стоять у колыбели князя Владимира уже в 1132 г.: не позднее 1107...1117 гг., а, быть может, и несколько ранее. Тогда в 1185 г. Рагуилу Добрыничу было бы ок. 80 лет, каковой возраст для XII в. является более чем преклонным. То есть в таком возрасте он вряд ли мог быть деятельным воеводой-тысяцким, но мог ещё жить, будучи старшим боярином. С другой стороны, у В.Н.Татищева сказано: «дочь тысяцкого Рагуила», а в летописи - «сын тысяцкого». Такое упоминание говорит, что Рагуил был действующим тысяцким. В таком случае, либо время его пощадило, либо он, всё-таки был моложе, но не моложе 68...70 лет. Сравнение летописного и татищевского контекстов также позволяет говорить, что дочь и сын тысяцкого были детьми одного отца, т.е. в половецком плену 1185 г. был сын Рагуила Добрынича.

Стал ли «сын тысяцкого» тысяцким неизвестно. На наш взгляд вряд ли. Прибыть Рагуил мог только после бегства из Треполя Мстислава Владимировича (после 1183). Его авторитет мог позволить ему стать тысяцким, но его сын вряд ли мог обойти новгород-северских бояр. Поэтому, рубежом для Рагуиловича стал 1198 г., когда Игорь Святославич стал князем Черниговским [1198-1202]. Его старшие бояре должны были перейти с ним в Чернигов, а в Новгород-Северске боярство должно было сгруппироваться вокруг последнего местного князя

²⁸⁴ Старший сын князя – Мстислав Владимирович (р. после 1150 – ум. после 1203) – был князем Дорогобужским [1171-1173], Трепольским [1173 – после 1183], Каневским [1194-1203]. Трудно объяснить, почему семья Рагуила Добрынича на 1185 г. оказывается в Новгород-Северске и служит князю Игорю, ведь у Игоря были и свои бояре. Можно предположить, что, потеряв Треполь, князь Мстислав бежал в Чернигов или Новгород-Северск, к родственникам по материнской линии. Там он мог, будучи безудельным князем, влиться в дружину Игоря Святославича, что возвысило и его бояр.

Владимира Игоревича [1198-1239]. Поскольку летописи не упоминают ни о каких Рагуиловичах, то «сын тысяцкого» после 1198 г. должен был оставаться в Новгород-Северске или Чернигове на правах либо мещанина, либо простого дружинника, либо боярина наподобие новгородских Малышевичей, т.е. не участвующего в активной политике.

Если вернуться к внутриновгородским делам, надо увидеть, что отмеченная нами искусственно порождённая Мономахом и Мстиславом I оппозиция неревским Нискиничам впервые начала действовать сразу по смене новгородской власти. Действительно, Гюрята Рогович посадничал уже в 1096 г., а год окончания его полномочий неизвестен, хотя ок. 1114 г. он был ещё жив. Если строго придерживаться летописных посадничьих списков, то дата окончания его полномочий не столь важна, т.к. после него посадниками называются Микула, Добрыня, Дмитрий Завидич [1117-1118] и Константин Моисеевич [1118-1119], т.е. только неревские бояре. В таком случае Петрята, Константин, Миронег, Савва и Улеб должны были посадничать только в период 1094-1096 гг. При существующем состоянии источников этого нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Можно лишь допустить, что как минимум Петрята и Миронег должны происходить из боярства Прусской улицы и Людина конца. Раскопки обнаружили ряд берестяных грамот, в которых упоминаются Пётр и Якша, которых резонно отождествлять с тестем новгородского князя Мстислава Юрьевича [1154-1157] Петром Михалковичем и будущим посадником Якуном [1167-1170]²⁸⁵, т.е. имя Петра было одним из родовых для бояр этого клана. Имя Миронег в качестве тысяцкого впервые употребляется в истории в 1185-1191 гг., т.е. при посаднике из Людина конца²⁸⁶. Учитывая, что тысяцкие были боярами как минимум с середины XIII в., а учитывая Вячеслава Прокшинича (1228), и раньше, Миронег ок. 1094 и Миронег 1185 годов, скорее всего, родственники.

²⁸⁵ Но не с Петром Михалковичем и Якуном Мирославичем, как делается традиционно: Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 4 и сл.; Гиппиус А.А. Пётр и Якша: к идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19).

²⁸⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 128.

Можно сделать некоторые предположения и в отношении имени Саввы. Когда летопись повествовала об убийстве во время югорского похода 1193 г. Ядрея Прокшинича, то предателем, вошедшим в сговор с местными племенами, она назвала некоего Савку²⁸⁷. Под 1194 г., сообщается: «Приидоша из Югры избыток живых. И убиша Сбышку Волосовича и Негочевича Завиду и Моислава Поповича саме путники, а друзии ся кунами окупиша; творяхут бо я съвет державше с Югрою на свою братью, а то Богови судити»²⁸⁸. Берестяные грамоты с именами усадьбовладельцев Волоса и Сбыслава были найдены на Троицком раскопе Людина конца; там же была найдена грамота рубежа XII/XIII вв., повествующая, что Моислав и Микита присвоили товары, принадлежащие Олексе, какового Олексу идентифицируют с убитым в 1207 г. неревлянином Алексеем Сбыславичем²⁸⁹. Поскольку данные 1194 года показывают, что в предательстве неревских бояр в Югре были виновны бояре Людинового конца, то и предателя Савку следует приписывать к ним же. Родовая преемственность имён даёт нам право причислять и Савву периода 1094-1096 гг. к боярскому роду Людина конца.

Согласно летописи, 17.Ш.1117 г. Мстислав Владимирович ушёл в Киев, оставив в Новгороде сына, Всеволода Мстиславича [1117-1125, 1127-1136]. В следующем году летопись лаконично сообщает, что Мономах с сыном вытребовали в Киев «всех бояр новгородских» и «привели их к честному кресту», некоторых удержали у себя, а из них «разгневались» за ограбление неких Даньслава и Ноздречю на группу, возглавляемую сотским Ставром и заточили эту группу в темницу²⁹⁰. Как предполагал Б.А.Рыбаков, былинный «Ставр Гордятич», которого он реконструировал в лице сотского Ставра, был представителем великокняжеской администрации в Новгороде²⁹¹. Однако это не объясняет, почему разгневавшись на собственного чиновника, Мономах приводит к присяге всех новгородских бояр. Поэтому правильным следует

²⁸⁷ НПЛ. С. 233.

²⁸⁸ НПЛ. С. 234.

²⁸⁹ *Покровская Л.В.* Указ. соч. С. 77.

²⁹⁰ НПЛ. С. 205.

²⁹¹ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. С. 125-130.

признать мнение В.Л.Янина. Он указал, что в Неревском конце была улица Даньславля и на ней в 1195 г. была поставлена церковь Св. Димитрия «Ноздрьцина», из чего выводит, что сотский Ставр напал на неревских бояр, за что и понёс наказание от центральных властей²⁹². В 2005 г. раскопки Людина конца обнаружили грамоту № 954 (первая четв. XII в.), анализ которой показал, что Неревский и Славенский концы обвинили Людин конец, а конкретно одного его представителя в том, что он «портил» скот, принадлежавший жителям Софийской стороны (то ли колдовством, то ли скотоложеством). В.Л.Янин провёл параллель с тем, что НПЛ сообщала под 1115 г. о массовом падеже лошадей у княжеской дружины Мстислава и обратил внимание на то, что в грамоте речь идёт от лица женщины по прозвищу «Ноздрька». Связав это прозвище с данными летописной статьи 1118 г., он заключил, что грамота № 954 показывает подоплёку событий 1118 г.²⁹³ По всей видимости, он прав. Действительно, ок. 1115 г. людинские бояре зачем-то травят лошадей княжеской дружины, а согласно грамоте № 954, еще и свиней местных жителей (возможно, чтобы создать видимость мора, а не целенаправленного отравительства). Виновники этого, однако, найдены и разоблачаются какими-то неревлянами, согласно грамоте. За это людинские бояре наносят удар по неким двум представителям Неревского конца; причем имя «Ноздреча» можно, как кажется вычеркнуть из числа бояр, по причине его женской (грамота № 954) принадлежности²⁹⁴. Разобравшись в ситуации, В.К. Владимир II наказывает людинских бояр и заставляет присягать всех представителей новгородской оппозиции. Таким образом, устанавливается причастность сотского Ставра к

²⁹² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 102.

²⁹³ Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 3-7.

²⁹⁴ Говорить о том, кем мог быть в 1110-х гг. Даньслав, боярином или нет, нельзя вследствие нехватки источников. В следующий раз это имя всплывает в летописи много позже, когда после убийства неревских бояр в 1167 г., некто Даньслав Лазутинич приводит в Новгород князя Романа. В 1169 г. Даньслав Лазутинич действует сборщиком даней в Двинских землях. Поскольку он активно действует при посаднике Прусской улицы, то считать его неревлянином невозможно. Вместе с тем он боярин, иначе не был бы сборщиком дани и воеводой. Поскольку мы уже видели примеры бытования одинаковых имен в противоборствующих боярских кланах, то, видимо, этот пример надо относить к ним же.

Людиному концу²⁹⁵, а также тот факт, что людинские бояре начали раскачивать внутриновгородскую обстановку до ухода Мстислава Владимировича в Киев²⁹⁶.

Скорее всего ответом за события 1115-1118 гг. Мономах присылает в Новгород киевского боярина Бориса, который становится посадником [1120-1125]²⁹⁷. Можно думать, что Борис должен был разбираться в обстановке и вершить суд на месте, поскольку, как можно думать, брожения не прекратились. Доказательством последнему является следующий факт. По смерти Мономаха (19.V.1125), Всеволод Новгородский спешно отбывает в Киев, оставляя в качестве церемониального наместника сына-младенца Иоанна [1125-1127]. Однако в отсутствие князя в Новгороде происходит первый переворот: посадник-киевлянин Борис пропадает, а младенца Иоанна провозглашают князем вместо

²⁹⁵ В.Л.Янин назвал Ставра одним из предков Мирошки Нездинича. См.: *Янин В.Л.* Роль Новгорода в отечественной истории // Вестн. Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 6.

²⁹⁶ Фигуры посадника Добрыни Рагуиловича касается т.н. «Повесть о посаднике Добрыне» или «Повесть о варяжской божнице». Суть этого памфлета довольно проста: 1) иноземцы запросили у новгородских властей разрешения поставить для себя римско-католическую церковь; 2) власти отказали; 3) тогда они дали мзду посаднику Добрыне и тот своей волей перенёс на другое место храм Иоанна Предтечи, а на его месте возвёл католическую церковь; 4) в наказание за это Божьим промыслом во время переправления посадника через реку, его лодка перевернулась, а он утонул. Считается, что этот памфлет был написан между 1440/70-ми гг. и отражает реальный конфликт немецких купцов с архиепископом Евфимием II [1429-1458] из-за церкви Свв. Петра и Павла. Также считается, что произведение имеет «ярко выраженный антибоярский характер», что усматривается в его антипосаднической направленности. См.: *Шмидт С.О.* Предание о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. К 60-летию А.В.Архицовского. М., 1962. С. 319-325; *Рыбина Е.А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 79-85; *Дмитриев Л.А.* Повесть о варяжской божнице // ТОДРЛ. 1988. Т. 41. С. 47-48. Реальная церковь Иоанна Предтечи на Опоках была поставлена великокняжеской администрацией в 1127-1130 гг. Поскольку сроки её постройки очень близки ко времени правления реального посадника Добрыни, предполагалось, что сначала существовала деревянная церковь, поставленная при епископе Никите [1096-1108]. В 1110-х гг. она якобы была перенесена на другое место, а в 1127-1130 гг. возобновлена в камне. В результате допускается, что «в легенде о посаднике Добрыне нашли отражения события 1110-х гг. и легенда, вероятно, возникла в близкое к этим годам время». См.: *Дмитриев Л.А.* Повесть о варяжской божнице. С. 47. Доказать, что церковь существовала до 1127 года, нельзя. Поэтому можно допустить, что памфлет действительно сохранил в себе какие-то черты подлинных событий 1110-х гг., но не антибоярского характера, а исключительно направленного против посадника Добрыни. Учитывая, что именно в 1110-х гг. оппозиция неревским боярам начинает прорываться к власти, возникновение каких-нибудь памфлетов в то время вполне вероятно. В XV же веке этот памфлет был взят за основу и переработан в свете деятельности Евфимия II.

Всеволода²⁹⁸. Современное состояние источников не позволяет назвать конкретных виновников событий 1125 года, но можно уверенно полагать, что это были бояре, оппозиционные неревским. В 1126 г. происходит следующий переворот – к власти возвращаются неревляне в лице посадника Мирослава Гюрятинича [1126-1128, 1135-1136], и уже в феврале 1127 г. возвращается и вновь провозглашается князем Всеволод Мстиславич, который утверждает Мирослава в правах посадника.

Видимо по причине обостряющейся обстановки Мстислав I в 1129 г. назначает новгородским посадником киевлянина Данилу [1129 - ?], а Всеволод в 1130 г. уезжает в Киев. Возвратившись в 1131 г. он ставит посадником неревлянина Петра Микулинича [1131-1134]²⁹⁹. Таким образом, можно думать, что события 1129-1131 гг. были судом, творимым Мстиславом I; после того как он понял, что никакие наветы не могут очернить неревских бояр, он возвращает им власть.

В 1132 г. псковичи и ладожане вторгаются в Новгород и свергают Всеволода, однако посаднику Петру удается восстановить князя³⁰⁰. Эти события показывают, что за ними стояли представители Людина конца, т.к. посадником Ладоги в 1116 г. был Павел. После подавления бунта в Псков посадником назначается Мирослав Гюрятинич [1132 – 1134 (?)], а в Ладогу – Рагуил [1132 – 1134(?)]³⁰¹. По всей видимости, это – первое появление в летописи Рагуила Добрынича, сына посадника Добрыни Рагуиловича.

В 1134 г. Всеволод отбывает на войну с суздальцами. В это время оппозиция заявляет о себе уже открыто: Иванко Павлович осуществляет переворот, становясь посадником [1134-1135], а Всеволод возвращается с полдороги на Суздаль, не завершив похода.

В 1135 г. по возвращении себе власти Мирослав ходил мирить южные уособицы, но не преуспел. После его смерти пост посадника остается у неревлян в лице Константина Микулинича [28.I.1136-07.III.1137, 1146-1147]. При нём

²⁹⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 94, 98, 117.

²⁹⁸ Там же. С. 98.

²⁹⁹ Там же. С. 99.

³⁰⁰ Там же. С. 102-103.

³⁰¹ НПЛ. С. 207.

происходит успешный оппозиционный переворот, которому помешать не удалось: с помощью призванных псковичей и ладожан 28.V.1136 г. князь Всеволод, его дети и тёща были арестованы. 15 июля Всеволод был изгнан, а уже 19 июля в город вошел заранее приглашённый мятежниками черниговский Рюрикович Святослав Ольгович [1136-1138, 1139-1141]. Однако эти 4 дня – с 15 по 19 июля 1136 г. официально провозглашённым в Новгороде князем был младенец – Владимир Всеволодович³⁰². Эти события показывают, что бояре-неревляне сопротивлялись перевороту как только могли. 7 марта 1137 г. посадник Константин с рядом бояр бегут к Всеволоду и вместе с ним занимают Псков. В эти же дни происходит покушение на князя Святослава Ольговича, в ответ на что оппозиция поднимает мятеж, громя в частности усадьбу бежавшего Константина. Самое интересное, что посадником в эти дни становится очередной неревлянин – Якун Мирославич [1137-1141, 1156-1160]. Он делает совершенно неожиданный ход: поддерживает черниговских князей³⁰³. Именно этот факт заставлял ряд авторов автоматически причислять Якуна Мирославича к прусскому или людинскому боярству, отождествляя его с другим посадником Якуном [1167-1170] – уж слишком крутой и неожиданной была перемена его политических воззрений, идущая вразрез с остальными представителями неревского клана. Трудно говорить о причинах такого поворота. С одной стороны можно думать, что Якун Мирославич попросту сделал то же самое, что делала оппозиция: поставил на враждебных князей, чтобы сделать их со временем лояльными своей линии. С другой стороны, это могло означать возрождение давно забытой старины, когда в 1070-х гг. новгородские Нискиничи поддержали черниговских Рюриковичей.

Здесь следует вспомнить, что полоцкие князья, ведшие борьбу за Киев в 1020-х и 1060-х гг. могли вести эту борьбу, - не являясь т.н. князьями-изгоями, - только в том случае, если они пытались отвоевать право наследования престола по прямой линии, как это было в самом Полоцке и на Руси до Ярослава I; можно думать, что оттеснение от киевского трона полоцких Рюриковичей, бывших законными

³⁰² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 104.

³⁰³ Там же. С. 138.

претендентами на общерусский трон именно по линии прямого нисходящего родства, и явилось основной причиной всех усобиц до конца 1060-х годов³⁰⁴.

После своего успешного вокняжения В.К. Всеслав Брючиславич Полоцкий [1068-1069] стал полноправным правителем, которому подчинялись князья, и он владел землями. О том, что он продолжал владеть Полоцком, по мнению Б.А.Рыбакова, свидетельствуют строки «Слова о полку Игореве» – «в Полоцке позвониша.., а он в Киеве звон слыша»³⁰⁵. Возможно, Всеслав контролировал Новгород, т.к. князь из потомков Ярославичей появляется там только в 1069 г. Интересно определить князей, подчинившихся Всеславу. Помимо Ярославичей, в 1068/1069 г. существовали потомки Вячеслава и Игоря Ярославичей, однако, о них в этот период летописи не упоминают. Но в Киеве, по В.Н.Татищеву, находились дети убитого в 1066 г. Ростислава Владимировича, которых В.К. Изяслав I Ярославич [1054-1068, 1069-1073, 1077-1078] удержал у себя, а их матери позволил уехать в Венгрию³⁰⁶. Поскольку дети Ростислава (Рюрик, Володарь) вряд ли могли оказаться в Киеве по желанию их отца, бывшего в оппозиции Ярославичам, то, вероятно, можно предположить вывоз их из Новгорода в качестве заложников в течение 1064-1066 гг. Уже в 1070-х гг. Ростиславичи владеют Волынью³⁰⁷, поэтому, можно допустить, что их судьбой мог распорядиться Всеслав Брючиславич.

Наиболее интересным и не лишённым справедливости является предположение, что Святослав и Всеволод Ярославичи также признали верховную власть Всеслава Брючиславича, войдя с ним в соглашение, что и явилось впоследствии одной из причин разрыва братьев-триумвиров³⁰⁸. Это вполне приемлемо, хотя бы из того простого факта, что и Святослав и Всеволод сохранили свои земли при Всеславе и не принуждены были к бегству, подобно

³⁰⁴ *Таланин В.И.* У истоков Руси. С. 183-206.

³⁰⁵ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. С. 95.

³⁰⁶ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 83-84. Женой Ростислава Владимировича была Ланка – дочь венгерского короля Белы I [1060-1063], брата Андраша I [1046-1060].

³⁰⁷ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси. С. 69-72. Рюрик Ростиславич ум. ок. 1092-1094 гг. в Тмутаракани бездетным, а его брат – Володарь Ростиславич (ум. 1124) стал князем Галицким.

³⁰⁸ *Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11.

Изяславу. Кроме того, отмечена активность Святослава, которая преподносится летописью как «повседневность», что говорит о вполне мирных взаимоотношениях Киева и Чернигова. Итак, мы склонны целиком поддержать выводы работы В.А.Кучкина. Заметим, присяга Святослава и Всеволода Ярославичей Всеславу Брячиславичу выводила этих двух князей из неправового поля. Они и в глазах нового киевского князя, и в глазах новгородских Нискиничей, олицетворяемых в событиях 1060-х гг. Вышатой Остромиричем, с осени 1068 г. стали теми, кого последний мог рассматривать в качестве игроков в правовом поле Руси.

В 1069 г. этот своеобразный симбиоз, казалось, непримиримых ранее противников, также находит своё проявление. В этом году Всеслав терпит поражение в связи с возвращением Изяслава с польскими интервентами короля Болеслава II [1058-1079]: Всеслав в апреле выступает им навстречу, но тайно от киевлян бежит в Полоцк. В Киеве собирается вече, которое обращается к Святославу и Всеволоду с просьбой защитить город от поляков. Святослав успокаивает посланников, обещая оказать помощь, и, уже вместе с Всеволодом, требует от Изяслава не входить в Киев с поляками. Однако все отношения двух Ярославичей с Всеславом отнюдь не так ясны, как может показаться вначале. В 1067 г. все трое Ярославичей совершают клятвопреступление посредством пленения Всеслава, но в Ипатьевской летописи³⁰⁹ крест полоцкому князю целуют только Изяслав и Всеволод. Роль Святослава заключалась, по В.Н.Татищеву³¹⁰, в том, что именно он дал совет захватить Всеслава. Таким образом, уже со второй половины 1060-х гг. явно виден раскол среди триумвиров, причем главную роль в его создании играет, по всей видимости, Святослав. После поражения от половцев в 1068 г. он один бежит в Чернигов, а Изяслав и Всеволод – в Киев. Всеволод находился в столице вплоть до посажения на трон Всеслава, но тогда как Изяслав бежал, о бегстве самого Всеволода ничего не сообщается. Т.е., если говорить, что до 15 сентября 1068 г. Всеволод склонялся к Изяславу, то после 15 сентября он перешёл, видимо, на сторону Святослава и Всеслава. При этом

³⁰⁹ Ипатьевская летопись. С. 156.

³¹⁰ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 85.

роль Всеволода в период с сентября 1068 по апрель 1069 гг. никак не отражается, в то время как Святослав действует достаточно активно, пленив Шарукана. Своеобразное «руководящее» положение ему принадлежит и в апреле 1069 г.: Святослав говорит с киевским вече сам, от имени себя и Всеволода. Таким образом, говоря о «союзе» Всеслава с двумя Ярославичами, можно, видимо, думать о «союзе» только со Святославом. Об этом косвенно говорит под 1069 годом Лаврентьевская летопись: «В сии же времена приключися прити Изяславу из Ляхов и поча гневатися Изяслав на Антония из Вьсеслава. И прислав Святослав в ночь, поя Антония Чьрнигову»³¹¹. Следовательно, как думал Б.А.Рыбаков, печерский монастырь во главе с Антонием и Феодосием, осуждая клятвопреступление 1067 г., в 1068-1069 гг. поддерживал Всеслава Брячиславича³¹². Интересно, что в Киево-Печерском патерике есть запись о поручении самим Феодосием Печерского монастыря светской власти Святослава: «Се поручаю твоему благочестию святыи сий манастирь Печерский... и да не обладает им ни архиепископ, ни ин никто же от клирик Софейских, но токмо да заведает его дръжава твоа и по тебе дети твои и до последних роду твоему»³¹³. То, что именно Святослав взял под опеку защищавших Всеслава монахов, говорит об особых взаимоотношениях Святослава, прежде всего, с Всеславом³¹⁴. Н.Ф.Котляр полагал, что на протяжении всего периода 1054-1113 гг. «государством практически непрерывно управляли князья-соправители: 1054-1073 гг. – триумвиры-Ярославичи; 1073-1076 гг. – Святослав и Всеволод; 1077-1078 гг. – Изяслав и Всеволод; 1078-1093 года – Всеволод с сыном Владимиром Мономахом; 1093-1113 гг. – Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович

³¹¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 188.

³¹² Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 445-448.

³¹³ Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Репр. изд. 1931. К., 1991. С. 71-72.

³¹⁴ Вместе с тем в Патерике указывается, что сразу по воцарении Святослава II Феодосий обличал его за несправедливый переворот, но затем смягчился и поручил его заботам Лавру. См.: Абрамович Д.И. Указ. соч. С. 66-67, 71-72. На основании этого полагается, что Лавра выступила резко против Святослава II и никогда не примирилась с ним. См.: Князький И.О. Власть и Церковь на Руси при Святославе Ярославиче // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Мат. конф. М., 2008. Вряд ли следует признать эту точку зрения справедливой, хотя бы потому, что о примирении Феодосия со Святославом II Патерик повествует, равно как постоянно указывает дополнительное титулование Святослава II – «благочестивый».

Мономах»³¹⁵. В целом, эта позиция представляется справедливой, и, основываясь на ней, можно предположить, что и в 1068-1069 гг. имело место своеобразное соправительство – Всеслава Брючиславича и Святослава Ярославича. Исходя из этого, т.е. из особой близости к фигуре Всеслава именно черниговского князя, можно по-другому взглянуть на поручение игумена Феодосия Святославу. Игумен завещает крупнейший, и пока единственный русский монастырь, оплот русских кадров для высших церковных должностей «державе Святослава Ярославича», его детям и роду его до последнего представителя. Что нужно прочитать в этом завещании? Во-первых, здесь налицо классическая схема престолонаследования по прямой линии: отец-сыновья-внуки и т.д. Во-вторых, центральный государственный монастырь, находящийся в Киеве, поручается *черниговскому* князю. Это не значит, что столица должна перейти в Чернигов, но значит, что черниговские князья по завещанию игумена Феодосия получают столичное княжение. Никак по-иному эти строки прочесть нельзя. Учитывая же, что после своего бегства в 1069 г. полоцкий князь потерял формальные, да и моральные права на Киев, то силы, его поддерживавшие, могли сделать ставку на Святослава Ярославича, черниговского князя. Таким образом, действия Якуна Мирославича в 1137 г. могли возрождать прежние устремления Вышаты Остромирича³¹⁶.

Дальнейшие события в Новгороде представляют собой череду метаний. В январе 1138 г. новгородцы вышли походом на Псков, но вдруг вернулись, а Всеволод умер 11 февраля. В апреле 1138 г. новгородцы изгнали Святослава Ольговича, но отказались пускать детей Всеволода, после чего Якун Мирославич привёл князем Ростислава Юрьевича [1138-1139, 1141-1142] (сына Юрия Долгорукого), который был против Чернигова. Летом 1139 г. Новгород отказал Юрию Долгорукому в помощи против Чернигова, 1 сентября 1139 г. бежал князь Ростислав, а в Новгород вернулся Святослав Ольгович, который в 1140 г.

³¹⁵ *Котляр М.Ф.* Давньоруська державність: до і після Любеча // Укр. істор. журн. 1997. № 4. С. 20-26.

³¹⁶ В качестве дополнительного подтверждения о поддержке неревским боярством Всеслава Брючиславича можно привести сообщение Софийской первой летописи о том, что, взяв Новгород в 1066 г., Всеслав «зая Новгород до Неревського конца», т.е. именно Неревский конец не был им оккупирован. См.: Софийская I летопись. С. 141.

арестовал и отправил в Киев ближайшего родственника Якуна Мирославича – Константина Микулинича. В феврале 1141 г. Судила Иванкович приводит в Новгород вновь Ростислава Юрьевича. Якун Мирославич пытался бежать вместе со Святославом Ольговичем, но его с братом Прокопием поймали, избили, сбросили с моста, оштрафовали и заточили. Затем братья ушли к Юрию Долгорукому, развернувшись, таким образом, к Суздалю³¹⁷. При этом посадник Судила [1141-1144, 1147-1156] в марте 1142 г. изгоняет князя Ростислава и приводит на новгородский стол брата Всеволода Мстиславича – Святополка Мстиславича [1142-1148]. Мстиславичи сидели на новгородском столе до 1155 г. и считается, что их поддерживали все, кроме группы Якуна Мирославича³¹⁸. В 1156 г. Якун свергает Судилу и возвращает себе посадничество, в 1157 г. он приводит в Новгород князьями черниговцев, которых вдруг поддерживают Мстиславичи; в этом году сторонницей посадника Якуна называется Софийская сторона³¹⁹. Когда в 1159 г. происходит окончательный раскол между суздальскими Мономашичами и смоленскими Ростиславичами, Якун Мирославич поддерживает последних, что впоследствии делают все неревские посадники.

О потомках Якуна Мирославича и его брата Прокопия говорить нельзя. Доподлинно известна только его дочь, выданная в 1176 г. за Мстислава Ростиславича *Безокого*. Потомство от этого брака неизвестно.

После свержения в Киеве в 1146 г. черниговских князей, Ипатьевская летопись сообщает, что победители арестовали бояр-сторонников черниговских Ольговичей: «Данила Великаго и Гюргя Прокопья, Ивора Гюргевича, Мирославля внука, и инех»³²⁰. А.А.Гиппиус соотносил Ивора Юрьевича с неизвестным нигде в источниках внуком Якуна Мирославича, исходя из слов «Мирославля внука», а Юрия Прокопья – с сыном Прокопия Мирославича. Доказательством он видел приверженность Мирославичей к черниговцам до

³¹⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 138.

³¹⁸ Там же. С. 142.

³¹⁹ Там же. С. 145.

³²⁰ Ипатьевская летопись. С. 327.

1141 г. в Новгороде³²¹, а также пресловутую преемственность имён. По нашему мнению, эта гипотеза неверна. Никакой источник не указывает детей и внуков Якуна и Прокопия. Исходя из таких же посылок, можно обратить внимание на пересопницкого воеводу 1233 г. Юрия Прокопьевича³²² или владимировольинского боярина Мирослава 1220-30-х гг.³²³, причём боярин Мирослав действовал вместе с боярином Добрыней³²⁴. Только на основании одинаковых с новгородскими имен, а также исходя из того, что неревские бояре уходили в Галич в 1217 г. трудно искать в этих людях потомков новгородской знати. Помимо имён «Мирослав» и «Прокопий», А.А.Гиппиус обращал внимание на имя «Ивор», считая его варяжским и, поэтому, сопоставлял его с тоже якобы варяжским именем «Якун», считая, что употребление двух варяжских имен не случайность и может использоваться только в одном роду. Но можно обратить внимание на галицкого боярина 1233 г. Гаврилу Иворовича³²⁵. Само его наличие говорит, что имя «Ивор» имело более широкое употребление и само по себе не может быть указующим признаком.

В действительности «Мирославлени внуки» 1146 года – это родственники совсем другого боярина Святослава Ольговича, участвовавшего в событиях 1146 г. и находившегося в тот момент в Киеве: он назван летописью «Мирослав Хилич внук»³²⁶.

Таким образом, пресловутыми «чадами Остромира» мы должны полагать Вышату Остромирича (ум. после 1064), посадника Завида Остромирича [1088-1094], протопродра Евстафия Остромирича (упом. 1088/1094), Рагуила Остромирича, Моисея Остромирича, посадника Николая (Микулу) Остромирича [после 1100 – до 1116]. Очередность братьев должны быть, видимо, именно такой, т.к. именно в этой последовательности действуют по очереди либо они сами, либо их дети. Здесь трудно лишь объяснить, почему Николай Остромирич (схема 5а) посадничает позже своего племянника Гюряты Роговича. Однако

³²¹ Гиппиус А.А. Скандинавский след в истории новгородского боярства. С. 98.

³²² Ипатьевская летопись. С. 730.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же. С. 737, 764.

³²⁵ Там же. С. 734.

³²⁶ Там же. С. 326.

поставить его на более старшую позицию среди Остромиричей, видимо, нельзя, т.к. такое поставление нарушит стройный ряд внуков Остромира, посадничаящих также строго в определенном порядке; нельзя будет пояснить, почему сначала посадничают младшие кузены, а только затем старшие.

К потомству Завида Остромирича следует причислять братьев Захарию и Невера (схема 5б), т.к. только в их родовой ветке наличествует имя «Завид». Учитывая, что Захария, заняв посадничью должность в 1161 г., мог родиться не позже 1110-х гг., его с братом можно считать детьми посадника Завида Дмитриевича (ум. 1128).

Итак, все полученные нами результаты можно графически представить себе в виде схемы 7.

Самым сложным является вопрос о нахождении в общем генеалогическом древе места для Прокши Малышевича и его братьев. Ранее мы определили, что он должен был родиться не позднее 1120/30-х гг., в самом крайнем случае не позже 1110-х гг. Разумеется, его нельзя на этом основании отождествлять с Прокопием Мирославичем, хотя это очень заманчиво: их возраст вполне совпадает (20-30 лет), а отчества начинаются одинаковой буквой, т.е. можно допустить ошибку летописца или его информатора. Однако такое предположение нельзя обосновать логически, а потому его следует отвести.

Вместе с тем Прокшу Малышевича следует причислять именно к ветке Рагуила Остромирича. Во-первых, поскольку еще ранее мы определили, что это была самая младшая ветвь рода. Во-вторых, поскольку только в этих двух ветвях – Рагуила Остромирича и Прокши Малышевича – присутствуют одинаковые родовые имена «Прокопий» и «Добрыня».

Вспомним, что летопись дважды именуется сына Прокши в виде «Вячеслав Прокшинич, внук Малышев»³²⁷. То есть, некто «Мал» был отцом Прокши и дедом Вячеслава. Учитывая приблизительный возраст Прокши, его отец должен был родиться не раньше условного периода 1075/1085 гг. Приблизительно те же годы рождения должен был бы иметь Мирослав Гюрятинич, чтобы занять пост посадника уже в 1126 г. По нашему мнению, Мирослава Гюрятинича и Мала

³²⁷ НПЛ. С 250, 270.

можно считать двоюродными братьями, т.е. Мал Добрынич – сын посадника Добрыни Рагуилова и младший брат Рагуила Добрынича, ладожского посадника [1132 – 1134(?)], а затем «дядьки» и тысяцкого при князе Владимире Дорогобужском. Соотношение имён в данном случае выдерживается. Так, если в старшей ветке чередуются Завид (1088) → Дмитрий (1117) → Завид (1128) → Невер (1167) → Завид (1175), то в младшей: Рагуил → Добрыня (1096) → Рагуил (1132) + Мал → Прокша (1199) → Рагуил (1200) → Добрыня (1199). Наконец, имя «Мал» - также родовое имя. Можно, конечно, полагать, что его вряд ли должны были давать в роду, т.к. строго формально Нискиня/Мал, князь Древлянский, понизил статус рода. Однако состояние источников таково, что доподлинно неизвестно, каким было имя древлянского князя – «Мал» или «Нискиня». Вместе с тем брак княжны Малы со Святославом I наоборот повысил статус рода, сделав любого его представителя старшим родственником любого из Рюриковичей.

3.3. Древнейшие предки рода (VI в.)

Искать предков Нискини Древлянского чрезвычайно трудно. Речь в данном случае идёт о древней генеалогии правителей «государства Дира» или Древлянской земли. Ни в каких источниках, отечественных или иностранных, подобной информации не существует. Поэтому нередко появляющиеся в популярной литературе «гипотезы» или даже «постулаты» о происхождении этих правителей из готского рода Амалов недоказуемы никогда. Более того, та «доказательная база», которую приводят авторы этих идей в свою пользу очень сильно кренится в сторону банальной «фоменковщины»: название «Амал» то же самое, что имя «Мал», просто летописец якобы ошибся, пропустив одну букву.

Отвергая беспочвенное фантазирование, следует сказать, что, отталкиваясь от концепции родовой преемственности имён, найти древнейших предков Нискиничей оказывается возможным.

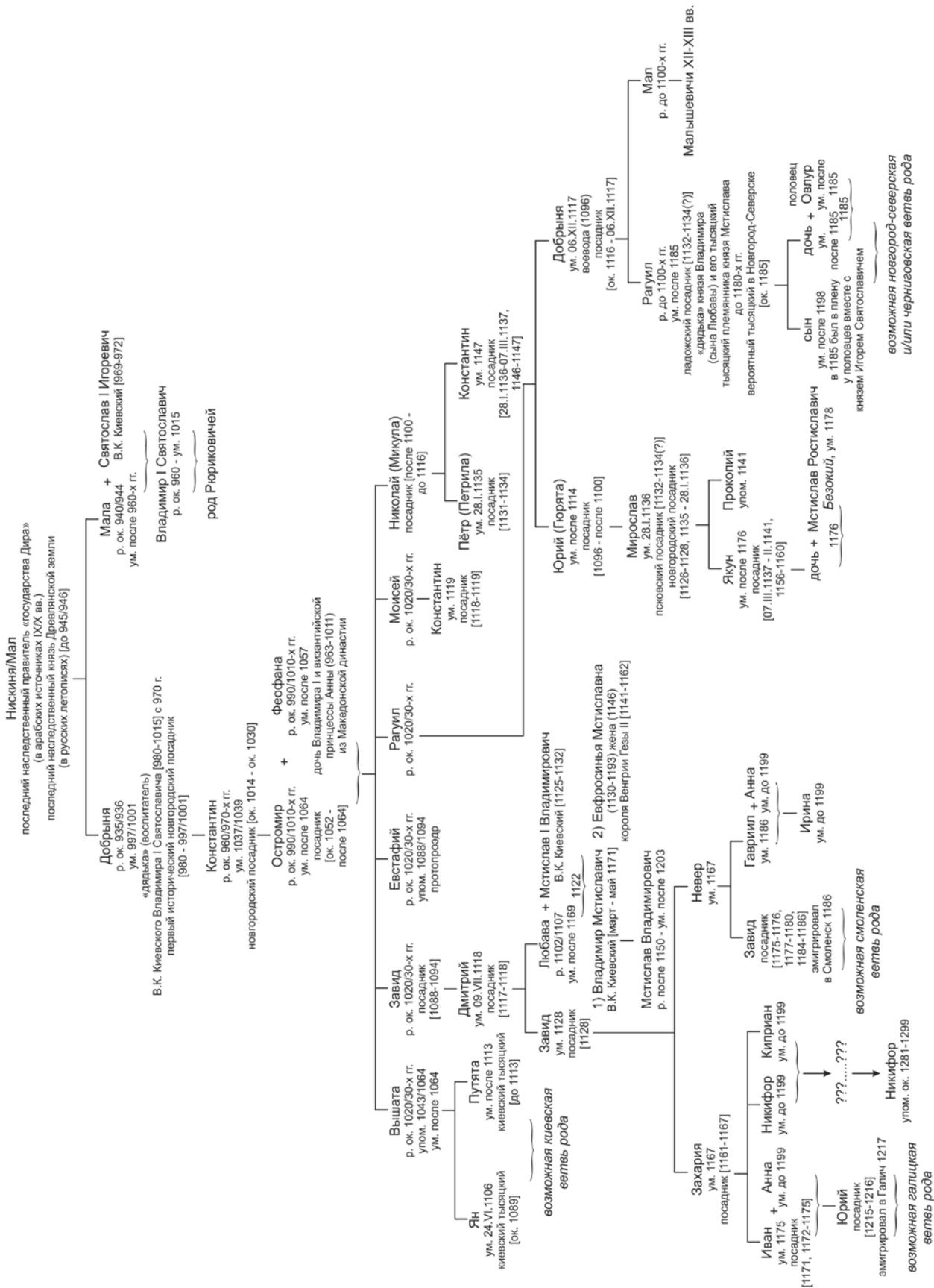

Схема 7. Начало боярского рода новгородского Неревского конца (Нискиничи)

Коль скоро, древнерусское Древянское княжество можно рассматривать в качестве известного «государства Дира» арабских авторов X в., а города Киева, в качестве именно *города*, а тем более *столицы* какого-либо государственного образования, не существовало по меньшей мере до 880-х гг.³²⁸, мы можем говорить, что в лице Нискини Древянского и его детей летописи сохранили упоминание о древнейшей русской доваряжской династии.

По нашему мнению, речь действительно идет о *древнейшей государственной династии*, а не о династии в племенном княжестве, как это считается традиционно. Первым и к настоящему времени единственным автором, высказавшим эту идею, был акад. Ф.И.Буслаев (1818-1897). Он отметил, что отчество «Нискинич» могло быть реальным именем древянской княжеской династии по аналогии с именем «Рюриковичи»³²⁹. С тем фактом, что древнерусское Древянское княжество было «государством Дира», известным у арабов увязывается цитированное нами выше сообщение о том, что древянский князь «Мал был наследником Диравым». Это заявление весьма интересно. Вслед за археологическим подтверждением существования г. Малина с VIII в. это следует полагать вторым заявлением о древности рассматриваемой правящей династии. Интересно, кстати, что данные топонимики не дают возможности отыскать никаких названий, образованных от мужского имени «Мал», тогда как на Западном Буге, в районе Владимира-Волынского, существует до сего дня с. Нискиничи, в районе совр. Путивля – с. Добрыничи, в совр. Гомельской обл. – с. Добрынь (до 1959 г. – с. Добрыня). Это свидетельствует, что мужскими династическими именами рассматриваемой нами правящей династии были имена «Нискиня» и «Добрыня», а женским – «Мала».

Важнейшее – третье – подтверждение приведённых нами предположений относится к VI в. Речь идет об известной эпохе славянских войн с Византией в VI в., заключавшихся в постоянных массивированных прорывах имперской границы по Дунаю, завершившихся серьёзным ославяниванием Греции, Фракии

³²⁸ *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. 4. С. 114-137; *Sahaidak M.* Medieval Kiev from the perspective of an archaeological study of the Podil district // *Ruthenica*. 2005. Т. 4. С. 138-160.

³²⁹ *Буслаев Ф.И.* Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 264-267.

и Иллирии. Здесь укажем на тот факт, что ок. 568/570 гг. только что основанный в Паннонии по Тисе и Среднему Дунаю Аварский каганат во главе с ханом Байаном I [562-602] попытался покорить славян. В византийских источниках, повествующих об этом событии, указывалось имя славянского правителя: «Вождь аваров отправил посольство к Лавриту и к важнейшим вождям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань. Лаврит и старейшины склавинские отвечали: «Родился ли свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землёю, а мы чужую привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи!» Такой дерзкий ответ дали хану склавины. Не менее хвастливо говорили и авары... Склавины, будучи не в силах обуздать свой гнев, убили посланников аварских. Об этом поступке узнал Байан от чужих... Как скоро авары переправились на противоположный берег (Дуная), они начали немедленно жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля»³³⁰. Однако славяне, несмотря на это военное столкновение, сохранили свою независимость³³¹.

Эти события датируются широко в пределах 560-70-х гг. Крайними датами считаются ок. 567/568 гг., с одной стороны, и ок. 578/579 гг., с другой. Наиболее аргументированной, на наш взгляд, является точка зрения, относящая эти события к 568-570 гг.³³²

Самым важным в информации об этих событиях – для нашего исследования – является упоминание имени славянского правителя. Как было убедительно показано, долго бытовавшее прочтение этого имени в форме «Лаврит» неверно. В греческом написании это имя выглядело как *Λαυριτας* = *Λαυρεντιον* = *Λαυρεντιος*, в латинском *Daurentius* = *Dauritas*, что по-русски выглядело в форме *Даврит*. Однако последняя форма этимологически сводится к форме **Dobreta*, т.е.

³³⁰ Мишулин В.И. Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 248.

³³¹ История Византии / Отв. ред. А.Д.Сказкин. Т. 1. М., 1967. С. 311.

³³² См.: Литаврин Г.Г. Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 12-13; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С. 155.

Добрета/Добрята; форма «Лаврит» возникла из-за неправильного перевода византийского источника на французский язык еще в XVIII в., откуда этот перевод долгое время некритически использовался не только в популярной, но и в специальной литературе³³³. Составители «Свода» указывали, что реконструированное имя должно сводиться к основе **Dobr-*, а те или иные суффиксы несущественны. В этом случае *Добряту* 570 г. можно отождествлять с позднейшими *Добрынями* из древлянского княжеского дома и считать, что перед нами древнейший пример бытования одного из замеченных нами династических имён. Более того, мы имеем полную возможность говорить, что *Добрята* 570 г. является не только древнейшим известным на сегодняшний момент прямым предком князя Нискини Древянского 945 г., а через *Добрыню* Нискинича – всего древненовгородского боярского рода Неревского конца. Мы можем говорить и о том, что *Добрята* 570 г. был не просто неким местным князьком какого-то славянского племени к северу от Нижнего Дуная³³⁴ или правителем более крупного государственного образования славян в Паннонии (совр. Венгрии) в бассейне р. Зала³³⁵, но верховным правителем всего тогдашнего славянского мира (по меньшей мере, т.н. *склавинов*).

Последнее не является нашим голословным мнением. Составители «Свода» показали, что у Менандра (византийского хрониста второй половины VI в.) о *Добряте* говорится как о правителе всех славян к северу от Дуная³³⁶. При этом в тексте Менандра о *Добряте* византийцем были употреблены два специфических термина для обозначения групп лиц, находившихся в подчинении славянского правителя. Термином *οι εν τελει* Менандр обозначил дружину *Добряты*. Однако этот термин в самой Византии применялся к высшей служилой знати, группирующейся вокруг верховного правителя, т.е. к непосредственным

³³³ См.: *Jireček C. Geschichte der Bulgaren. Leipzig, 1870. S. 87; Rospond S. Słowiańskie imiona w źródłach antycznych // Lingua Posnaniensis. 1968. Vol. 12-13. S. 107; Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах в VI-XII вв. М., 1985. С. 49; Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А.Гиндин, С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин. Т. 1. М., 1991. С. 350; *Рассадин С.Е. Именослов IV-VI вв. н.э. как источник по этногенезу славян // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 4 (17).**

³³⁴ История Византии. С. 311; *Рассадин С.Е. Указ. соч.*

³³⁵ *Bacic J. Slav: the origin and meaning of the ethnonym // Slovene Studies. 1987. Vol. 9. P. 37.*

³³⁶ Свод. Т. 1. С. 349.

приближенным – Двору – императора³³⁷. Считать использование Менандром этого определения ошибочным невозможно из-за значения второго термина, использованного для обозначения знати вокруг фигуры Добрыты. Термин *ηγεμονες* не был синонимом первого определения, а обозначал племенных вождей, подчиненных Добряте³³⁸. Исходя из этого, А.А.Горский вслед за составителями «Свода» справедливо полагал, что Добрята не был ни мелким племенным князьком, ни местным военным предводителем, а представлял собою именно верховного правителя, тождественного позднему русскому Великому Князю³³⁹. Это подкрепляло его же постулат о существовании княжеской власти у славян в этой форме еще до VI в.³⁴⁰

Таким образом, князя Нискиню и его сына-наследника Добрыню/Добряту³⁴¹ из X-го века следует рассматривать, по всей видимости, в качестве прямых наследников княжеской династии, непрерывно правившей в восточнославянской среде как минимум с VI в. Как минимум на этом основании можно рассматривать эту династию, *первым историческим русским доваряжским правившим домом*. В свою очередь, это говорит, что государство, которое в отечественных летописях сохранилось как «Древлянское княжество», а в арабских источниках фигурирует под именем «государства Дира», существовало уже в VI в. По нашему мнению, это государство являлось древнейшим ядром собственно Русского государства. Дальнейшее уточнение и развитие этой темы способно дать, как кажется, ответ на вопрос о происхождении Руси в целом.

Таким образом, тождественность родовых имён, хотя и разнесённых четырьмя веками (с VI по X вв.), говорит о выявлении нами древнейшего предка исследуемого русского рода. К сожалению, невозможно замкнуть Добряту 570 г. и Добрыню Нискинича (ок. 935/936 – 997/1001) непрерывной цепочкой генеалогической преемственности: по причине полного отсутствия каких-либо имён в указанном хронологическом промежутке в каких-либо источниках. В то

³³⁷ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. С. 155.

³³⁸ Там же. С. 155-156; Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 49-50; Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 59-71.

³³⁹ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Указ. соч. С. 155.

³⁴⁰ Там же. С. 151.

³⁴¹ В обеих формах это сокращённая форма от, по-видимому, имени «Доброслав».

же время уверенность наша и А.А.Горского в существовании великокняжеской власти, а по существу, монархической, в Русском государстве не только в VI в., но и задолго до периода славяно-византийских войн, позволяет рассматривать наши генеалогические построения как отправную точку для дальнейших изысканий в области славянской и русской истории.

4. Двинская ветвь неревских бояр (Григорьевичи) в XIV-XVI вв. К вопросу о родовых легендах потомков неревских бояр

В предыдущих параграфах нашей работы нами была рассмотрена генеалогия боярского рода Неревского конца в максимально полном объеме, который можно восстановить на сегодняшний день, учитывая текущее состояние источников.

В полном соответствии с ранее цитированным мнением В.А.Бурова, следует думать, что как письменные источники, так и берестяные грамоты не сохранили абсолютно всех возможных ответвлений исследуемого нами рода, тем более на протяжении 500 лет его новгородской истории (до конца XV в.). Маловероятно представлять, что Константин Добрынич и Остромир Константинович были единственными детьми своих отцов. Вряд ли не было потомков у Петра и Константина Микулиничей. Укрепляют наши сомнения в этом рассмотренные свидетельства берестяных грамот о том, что за несколько лет до фиксации на «усадьбе Д» Варфоломея Юрьевича, там жил боярин Никифор. Разумеется, он был неревским боярином. Исходя из родовой преемственности имен в каждой из веток рода, мы можем думать об его принадлежности к ветви Завида Остромирича. Причем тот факт, что усадьбу Никифора фактически наследует Варфоломей Юрьевич, можно думать о смерти самого Никифора бездетным.

Однако линий, подобных Никифору (1281/1299) могло быть больше, причем не обязательно, что каждая из них должна была бы пресечься в мужской линии. Так, известно, что «Пролог», подаренный в церковь Св. Косьмы и Дамиана в 1400 г., вносился от имени четырех бояр Кузьмодемьянской улицы: Юрия Онцифоровича, Дмитрия Микитинича, Василия Кузминича и Ивана

Даниловича³⁴². Нет сомнения в боярстве всех четырёх лиц, но уложить в построенные нами генеалогические схемы Василия Кузминича не удастся. Вместе с тем он упоминается и летописью: в 1376 г. вместе с Юрием Онцифоровичем он сопровождал в Москву архиеп. Алексия [1360-1388]³⁴³. Сам факт упоминания его летописью свидетельствует, что он имел определённый вес. Однако нам неизвестны ни его непосредственные предки, ни потомки. При этом предположить, кем были его предки, можно с помощью берестяных грамот. Грамота № 344 (слой 1299-1313), найденная на раскопе «усадьбы Д», указывает сразу двух братьев: «От Петра к Кузме. Я тебе, брату своему, приказал в отношении тебя так: урядился ли он (Дрочила) с тобой или не урядился, а ты с Дрочилой исполняй [все] по уговору. А я кланяюсь»³⁴⁴. В том же ярусе найдена грамота № 393, в которой сохранились обрывки денежных расчётов и указывается, что «Кузма дал 70»³⁴⁵.

Вполне резонно думать, что грамоты №№ 344, 393 упоминают отца Василия Кузминича (упом. 1376/1400). Поскольку старшим братом Кузмы указывается Пётр, следует думать, что эти три имени представляют собой потомков посадников Петра и Константина Микулиничей (схема 8).

Такие же допущения можно сделать для ветки Моисея Остромирича. Что касается вероятных потомков Моисея и его сына Константина, то формально об этой ветви нет данных. Можно лишь – очень осторожно – предположить, что вероятного потомка этой ветви можно видеть в боярине Якуне Моисеевиче. Еще в 1227 г. архиепископа Антония разбил паралич, по какой причине он и покинул свой пост весной 1228 г. Политические обстоятельства вынудили неревский клан вернуть его к власти осенью 1228 г., но он был недееспособен. Поэтому «посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисеевица, Микифора щитник»³⁴⁶. Больше об этих людях ничего не сообщается, но невероятно допустить, чтобы к больному архиепископу из неревских бояр были приставлены случайные люди. Вполне

³⁴² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 53.

³⁴³ НПЛ. С. 374.

³⁴⁴ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958-1961 гг.). М., 1963. С. 32.

³⁴⁵ Там же. С. 96.

³⁴⁶ НПЛ. С. 273.

возможно, что вторичное употребление редкого крестильного имени «Моисей» говорит в пользу того, что Якун Моисеевич мог быть потомком Моисея Остромирича (схема 9). «Никифор щитник» тоже интересный исторический персонаж. Это имя было родовым в ветке Завида Остромирича. Можно ли на этом основании считать Никифора 1228 г. потомком Никифора и Киприана Захарьиничей? В советской историографии Якуна Моисеевича и Никифора считали «чёрными людьми» из-за наименования «щитник», которое рассматривалось в качестве ремесленника. Как показала Т.Л.Вилкул, это неверно как минимум по отношению к Якуну Моисеевичу, названному с *-вичем*, значит, принадлежавшему к боярству. Относительно названия «щитник» она обратила внимание на то, что в перечне погибших при столкновении с литвой в 1234 г. некий «Гаврила щитник» упоминается на втором месте после тысяцкого в списке из 10 имен. Верно указав на то, что в отношении простого ремесленника, пусть даже и лично свободного человека, это было малореально, она провела параллель с тем, что в византийской Хронике Константина Манассии (XII в.) «щитники» вместе с «мечниками» называются в виде должностей при Дворе³⁴⁷.

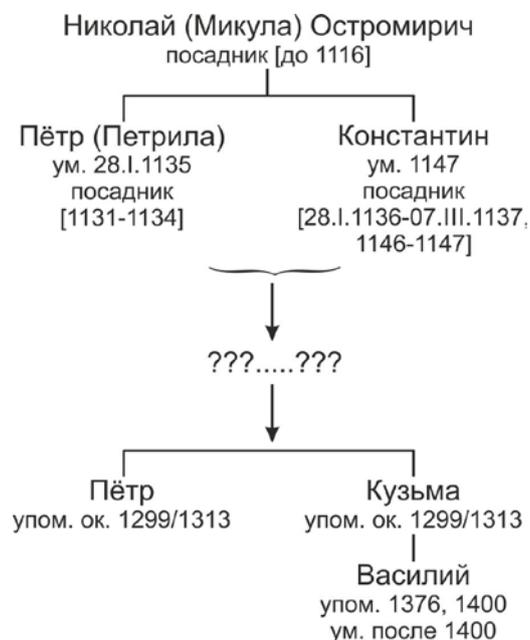

Схема 8. Вероятные потомки Николая Остромирича

³⁴⁷ См.: Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009. С. 251-252.

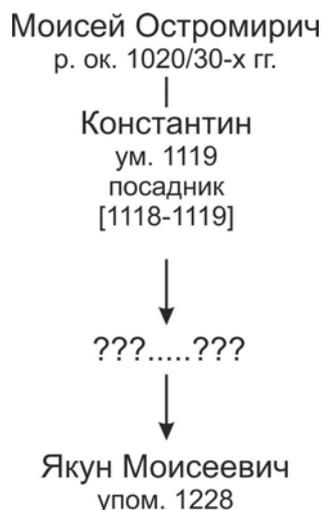

Схема 9. Вероятные потомки Моисея Остромирича

Грамота № 395 (слои 1268/1281/1299) представляет собой «поклон от Григория к матери» с просьбой прислать «30 гривен серебра»³⁴⁸. Учитывая просьбу о немалой сумме, В.А.Буров верно допускал, что Григорий и его мать – землевладельцы-бояре³⁴⁹. Грамота Григория была найден на «усадьбе Е», располагающейся строго напротив «усадьбы Д», по другую сторону ул. Великой. Грамоты №№ 133, 286 (слой 1340-1369), найденные на той же «усадьбе Е», указывают боярина Семёна, который ок. 1350/1351 гг., согласно этим грамотам, держал Карельское кормление: его усадьба и должность переходят затем Максиму Онцифоровичу³⁵⁰. Совершенно справедливо предполагается, что Семён был связан родственными узами с Онцифоровичами.

С помощью этих грамот удастся восстановить наиболее младшую родовую ветвь неревского боярского рода. Вернемся к именам, обозначенным в Колмовом синодике, где строители монастыря обозначены следующим образом: «Варфоломей, Лука, Максим, Аньсифор, Георгий, Григорий»³⁵¹. Как видно, здесь перечислены все представители боярского рода, от Варфоломея Юрьевича до

³⁴⁸ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. С. 97.

³⁴⁹ Буров В.А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей. С. 124.

³⁵⁰ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Указ. соч. С. 91-92; Медынцева А.А. Письма Григория – тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 59-60, 70-71.

³⁵¹ Макарий. Указ. соч. С. 588.

Юрия Онцифоровича. Неизвестным остается только фигура Григория, о которой верно подмечено, что это – родственник Юрия Онцифоровича³⁵². Проще всего было бы предположить, что он – один из неизвестных братьев Онцифоровичей. Однако такое предположение нельзя подкрепить не только документально, но даже логическими выводами.

Однако имя Григория, жившего, таким образом, во второй половине XIV в., отлично коррелирует с Григорием «усадьбы Е» второй половины XIII в. Более того, гипотетическую цепочку преемственности не только имён, но и вполне вероятного родства, можно протянуть к Григорию Малышевичу схемы б (р. до 1180-х гг., упом. 1199/1205). Можно также вполне резонно допустить, что, - т.к. раньше было замечено о получении неревским боярством Карельского кормления ок. четвёртой четверти XIII в., - именно в ветке, родоначальником которой стал Григорий Малышевич, это кормление и стало наследственным. Такой вывод можно сделать из аналогий с Карельским кормлением Онцифоровичей. В обоих случаях перед нами самая младшая ветвь рода. В обоих случаях не сохранилось никаких официальных документов, а факт кормления выясняется из берестяных свидетельств. Это тоже подтверждает принадлежность кормления к самой младшей ветви, иначе бы летописи или документы сохранили что-либо о карельской деятельности посадников и тысяцких из старших ветвей. Во всяком случае мы видим факт Карельского кормления в ветке, жившей на «усадьбе Е». Там жили Максим Онцифорович и Сидор Максимович, имевшие Карельское кормление, а до них – боярин Семён, бывший их родственником и занимавшийся тем же. Поскольку лишь за 50 лет до Семёна на этой усадьбе живет Григорий, и Григорий Малышевич – единственный, ранее известный человек в роду, кто мог положить начало дальнейшему употреблению этого имени, мы делаем вывод о том, что именно, - назовем их условно, - «Григорьевичи» получили Карельское кормление в конце XIII в.³⁵³

³⁵² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 28.

³⁵³ Летопись указывает, что в 1333 г. послами в Литву, звать на кормление князя Наримонта Гедиминовича, поехали некие бояре Григорий и Александр; прибывший Наримонт получил в кормление Ладогу, Орешек, Корельский городок и Корельскую землю, а также половину Копорья. См.: НПЛ. С. 345-346. Целиком логично предположить, что приглашать иноземного князя поехал боярин, который сам и занимался карельскими делами, и который впоследствии

Подкрепляет эти наблюдения тот факт, что непосредственным сыном боярина Семёна является человек по имени Григорий. 13.VII.1375 г. староста Выгозёрского погоста (Обонежье), где проживали карельские роды вымолцев, шунжан, толвуян и кузарандцев, заключил от своего имени и от имени старост этих карел мировое соглашение о разделе земельных владений между ними и т.н. «чёлмужским боярином» Григорием Семёновичем³⁵⁴. Земли, принадлежавшие Григорию Семёновичу, были обширны: по восточному берегу Повенецкого залива Онежского озера на 60 км, включая все острова этого залива. В более поздних писцовых книгах Обонежской пятины за 1496 и 1563 гг. все эти земли территориально входили в Чёлмужский погост³⁵⁵.

Таким образом, уже совпадение отчества позволяет видеть в боярине Семёне – владельце «усадыбы Е» на ул. Козьмодемьянской и карельском кормленщике до 1350-х гг. – отца боярина Григория Семёновича (1375), владевшего землями именно в Карелии³⁵⁶. Однако происхождение боярина Григория Семёновича из Неревского конца доказывается не только совпадением его отчества с именем неревского боярина и со связями их обоих с Карелией. Его потомки владели новгородской недвижимостью именно в Неревском конце. Правнук боярина Григория – Мартемьян Александрович – на рубеже 1410/1420-х гг. составил духовную грамоту (завещание) на свои земли за Волоком и в Волоцкой земле, село Новошильское на Кег-острове и двор с огородом на ул. Борковой³⁵⁷. В своей ранней работе В.Л.Янин не видел связи Мартемьяна с «чёлмужским боярином», поэтому отказывал ему в боярском происхождении, считая Мартемьяна своеземцем; «улицу Боркову», поэтому, он размещал не в Новгороде, а где-то в

всё равно остался бы собирать дань с карел для Новгорода, помогая князю-иностранцу в обустройстве. То есть можно думать, что боярин Григорий 1333 г. мог принадлежать к роду Григорьевичей. Вряд ли его можно отождествлять с Григорием берестяной грамоты № 395, но он мог быть его братом, сыном или племянником.

³⁵⁴ ГВНП. № 284. С. 285; Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 236-237.

³⁵⁵ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 237.

³⁵⁶ Совр. деревня Чёлмужи в Медвежьегорском районе Республики Карелии (в устье р. Немина на восточном берегу Чёлмужской губы Заонежского залива Онежского озера) существует по сей день, являясь административным центром «Чёлмужского сельского поселения» в составе Медвежьегорского района, включающего, помимо Чёлмужи, еще 5 поселков.

³⁵⁷ ГВНП. № 144. С. 195-196.

двинских землях Мартемьяна³⁵⁸. Однако после того как сам В.Л.Янин установил происхождение Мартемьяна от боярина Григория Семёновича, он изменил свою точку зрения, согласившись с принадлежностью ул. Борковой Новгороду Великому³⁵⁹.

Наконец, ещё одним, хотя и косвенным, подтверждением происхождения рассматриваемой ветви боярского рода из Неревского конца, является тот факт, что дети Мартемьяна до 1478 г. владели столь крупными земельными участками в Солонбале и Терпиловом погосте будущего Двинского у., что можно говорить о фактической принадлежности этому семейству всего Терпилова погоста. Как мы видели выше, Терпилов стан располагался строго между Леонтьевым и Андреяновым станами, т.е. между владениями несомненных потомков Онцифоровичей. Более того, по состоянию на ок. 1474/1475 гг., как было показано выше, земли в Солонбале и Терпиловом погосте принадлежали боярину Осипу Андреяновичу. Учитывая, что дети Мартемьяна – потомки неревского боярина Григория Семёновича, а ранее мы показали, что Осип Андреянович тоже прямой потомок Онцифоровичей, переход тех или иных земельных участков между различными родственниками одного рода не является чем-то нереальным. Наконец, всё подмеченное является дополнительным свидетельством того, что Осипа Андреяновича не следует отождествлять с Есифом Горошковым, но следует причислять к неревскому боярству.

В.Л.Янин, согласившись с принадлежностью к боярству потомков Григория Семёновича, не связал «чёлмужского боярина» ни с Семёном «усадьбы Е», ни с кем-то иным, т.е. не определил родовую принадлежность этой боярской семьи. Как кажется, наши наработки сумели решить этот вопрос, уверенно связав «чёлмужского боярина» с боярским родом Неревского конца в качестве его самой младшей ветви, восходящей к Григорию Малышевичу рубежа XII/XIII вв. Григория Семёновича, по нашему мнению, надо отождествлять с «Григорием» Колмова синодика.

³⁵⁸ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 193-195.

³⁵⁹ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 303-304.

Трудно объяснить факт отказа сына боярина Семёна «усадьбы Е» от должности карельского кормленщика с переходом этой должности к Максиму Онцифоровичу. Однако нужно постулировать, что этот факт имел место, и потомство боярина Григория Семёновича полностью отказалось от участия в политической жизни Новгорода в пользу жизни в качестве землевладельцев и купцов. Можно сделать некоторые предположения на этот счёт. Нужно обратить внимание на начало новгородского ушкуйничества. Под 1320 годом сообщается: «А Лоука ходи на Моурманы (Норвегию – *В.Т.*), а немци избиша оушкуи Игната Малыгина»³⁶⁰. А.В.Петров предложил видеть в воеводе Луке 1320 г. боярина Луку Варфоломеевича, подчёркивая, что это известие – первое в череде сообщений об ушкуйничестве³⁶¹. Вероятнее всего, автор прав, особенно если учитывать, что это имя в XIV в. использовалось в боярской среде лишь единожды. Отождествление Луки 1320 г. и Луки Варфоломеевича позволяет понять, почему последний погиб в двинских землях, уйдя туда набегом. В том, что неревский боярин вдруг возглавляет ушкуйников можно видеть не только преемственность традиции, положенной ещё Нездилой Прокшиничем «пъхичиницем». Походы Луки Варфоломеевича в 1320 и 1340-х гг., попытку мятежа неревлян после его гибели, переворот Онцифора Лукинича 1350 г. нужно, по нашему мнению, рассматривать в едином комплексе событий. Здесь можно увидеть борьбу младшей ветви Мишиничей не только за власть, но и за известные статьи доходов. Мы видели, что Онцифоровичи не закрепили за собой доступ к верховным должностям. Однако где-то в 1350-х гг. они пробились к должности карельского кормленщика, как кажется, совсем не без деятельности в этом направлении Онцифора Лукинича во время его посадничества. Участие боярина Луки в разбойничьих набегах вряд ли было лишь демонстрацией молодеческой удали. По всей видимости, он собрал отряд профессиональных воинов, которых вначале тренировал и, что называется, «обкатывал» в походах, а затем именно с их помощью его сын и захватил посадничий пост в 1350 г. Не имея возможности получить желаемое добром (в силу старшинства и традиции),

³⁶⁰ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 258.

³⁶¹ Петров А.В. Указ. соч. С. 257.

Лука и Онцифор добивались своего силой. По-видимому, благодаря военной силе Онцифора, он, став посадником, отнял у младшей ветви своего же рода карельское кормление в свою пользу. Поскольку в летописях не сохранилось сведений о каких-либо междоусобиях по этому поводу, надо думать, что переход этой должности между родовыми ветвями был относительно мирным. Можно допустить, что результатами походов боярина Луки в Задвинье и Заонежье был захват какого-то количества земель, частью которых – чёлмужскими владениями, например, – и была компенсирована потеря должности для Григорьевичей³⁶².

Так или иначе, согласие с уходом из новгородской политики либо Григория Семёновича, либо его детей, равно как и подобное решение Ивана и Андрона Леонтьевичей в XV в., обусловили тот факт, что их потомки в 1480-х гг. стали черносошными крестьянами. К боярину Григорию Семёновичу А.И.Копанев возводил генеалогические построения нескольких родов черносошных крестьян в XVI в. От боярина Григория до 1490-х гг. довел эту родословную линию В.Л.Янин³⁶³. Поэтому в схемах 10-11 нашей авторской работой является только их начало, связь Григория Семёновича с Григорием Малышевичем, которая, к сожалению, имеет пробелы, но вряд ли может быть взята под сомнение как таковая. Мы полагаем необходимым привести здесь эти схемы целиком³⁶⁴. Во-

³⁶² Интересно также обратить внимание на следующее. Как сообщают летописи, литовский князь Патрикий Наримонтович в 1383 г. получил в кормление те же земли, что были некогда у его отца: гг. Орехов и Корелу, половину г. Копорья, с. Лужское. См.: НПЛ. С. 379. Однако уже в 1384 г. горожане Орехова и Корелы приехали в Новгород с какими-то жалобами на Патрикия. Тот «возмутил» Славенский конец, тогда как вся Софийская сторона в составе трёх концов выступила против литовского князя. До боестолкновений не дошло, т.к. было решено отнять у Патрикия его кормления, а дать вместо него гг. Ладогу, Старую Руссу и Нарвский берег. См.: НПЛ. С. 379; Новгородская четвёртая летопись. С. 339-341. Не следует ли в неприятии ореховцами и корельцами литовского князя видеть не столько нежелание самих горожан и не неизвестные «проступки» князя, сколько закулисную деятельность недавно получивших Карельское кормление Онцифоровичей? Не следует ли видеть в том, что Григорьевичи в 1333 г. согласились принять над собой литовца, а Онцифоровичи в 1384 г. его прогнали, причину, по которой карельские кормленщики, братья Леонтьевичи, и их потомки не были сведены, а остались в Новгороде в XVI в.? Они могли представить события 1384 года в глазах Иоанна III как своё древнейшее неприятие литовцев, за что и могли заслужить свое извинение.

³⁶³ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С.182-199; *Он же*. Новгородские акты XII-XV вв. С. 236-244.

³⁶⁴ В некоторых случаях, например, для крестьянского рода Кологривовых нами использовались дополнительные источники. См., напр.: Шумилов Н.А. Архангельский

первых, чтобы проиллюстрировать на её примере такой же переход младшей ветки неревских бояр в черносошное крестьянство, каким был переход их старшей ветки в городское купечество, а затем – в дворцовое крестьянство. Во-вторых, чтобы аккумулировать в одной работе весь существующий на сегодняшний день генеалогический материал о неревском боярском роде.

Следует указать также на ещё один, чрезвычайно любопытный источник, доказывающий, что мы правильно определили принадлежность боярина Григория Семёновича и его потомков из неревского боярства. Речь идет о том, что в 1950-х гг. капитан III ранга в отставке, писатель, К.С.Бадигин (1910-1984) опубликовал книгу первой половины XV в. под названием «Хождение Иванова Олельковича сына Ноугородца»³⁶⁵. По его сведениям, книга в рукописном виде была получена им от архангельского писателя Б.В.Шергина (1893-1973), которую тот обнаружил в архивах Соловецкого монастыря. Впоследствии было показано, что эта книга представляет собой подделку, созданную Б.В.Шергиным³⁶⁶.

Нас не интересует сам факт подделки. Интересно, что книга приписывалась авторству члена крестьянского рода Амосовых, каковой род как показали исследования Е.Н.Носова, А.И.Копанева и В.Л.Янина, происходил от «чёлмужского боярина». В книге дана фантастическая генеалогия Амосовых: Амос Коровинич → Фёдор Амосович → Трифон Фёдорович → Олег Трифонович → Иван + Фёдор Новгородцы. Мореход Ивана Новгородец умер якобы в 1417/1418; Амос Коровинич воевал с норманнами, разорившими его селение; Олег Трифонович был многолетним старейшиной Неревского (sic!) конца. Иван Новгородец переселился из Новгорода в Двинскую землю в конце XIV в.

родословец: генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли. Генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 129-132, 192-193, 508-510, 539, 550-551, 557-558, 687-690, 722-725, 967, 1022, 1036-1037. Необходимо только учесть, что работа Н.А.Шумилова, при всём уважении к поистине гигантскому объёму переработанной автором информации, всё же содержит некоторые недочёты в виде, например, фальсифицированной родовой легенды Амосовых (см. ниже), приводимой автором как достоверная.

³⁶⁵ Бадигин К.С. По студеным морям. М., 1956. С. 100-123.

³⁶⁶ Мавродин В.В. Против фальсификации истории географических исследований // Изв. Всесоюзного географического общества. 1958. Т. 90. С. 80-86; Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по истории России в XX веке). М., 2001. С. 90-100.

По поводу этих родословных заметок Е.Н.Носов справедливо указывал, что всех перечисленных в ней лиц никак нельзя относить к роду крестьян Амосовых. Но он же счёл эти заметки «легендарной родословной» и писал об этом следующее: «Ни в коей мере не оспаривая факта подложности рукописи, мы всё же не исключаем, что в ней (при изготовлении подделки) могли быть использованы какие-то неизвестные исследователям северные легенды или даже документы, связанные именно с поморской промысловой деятельностью Амосовых ещё в новгородский период (но именно на это ни сам К.С.Бадигин, ни его оппоненты не обратили внимания). Ведь известно, что именно в Поморском крае особенно хорошо сохранились и передавались из поколения в поколение древние новгородские былины и сказы, да и находки древних рукописей особенно часты в этом крае»³⁶⁷.

Действительно, перед нами – не более чем родовая легенда Амосовых, причём составленная достаточно поздно. Учитывая, что в родстве родителей и дедов Б.В.Шергина не наблюдается прямых носителей этой фамилии, то либо они вошли в его род по боковым ветвям, либо он где-то сумел познакомиться с этими легендами, а после превратил их в сказку, придав ей вид реальной хроники. На самом деле нужно увидеть главное в этой легенде: Амосовы произошли от «старейшины Неревского конца» и переселились на постоянное жительство в Двинскую землю в конце XIV в. Время, указанное родовой легендой Амосовых, удивительно точно совпадает с тем, что с 1350-х гг. младшая ветвь неревских бояр не занимается в Новгороде почти ничем³⁶⁸. Уже в 1370-х гг. её основатель является землевладельцем в Обонежье и в документе именуется не новгородским боярином и даже не просто боярином, а «чёлмужским боярином»; это явно свидетельствует о том, что он сознательно прекратил активную деятельность в Новгороде. Наконец, в XV в. (хронология рукописи-подделки обрывается на 1435 г.) у членов этой ветки неревского боярства появляются земли в Терпиловом погосте.

³⁶⁷ Носов Е.Н. Опыт генеалогических изысканий. С. 255.

³⁶⁸ Исключением является лишь боярин Есиф Филиппович (схема 10), упоминаемый новгородским воеводой в 1411 г.

Родовая легенда Амосовых не совпадает с реальностью в части «неревского старейшины Олега Трифоновича». Все «неревские старейшины» XIV – начала XV вв. хорошо известны и для «Олега Трифоновича» среди них места нет. Однако здесь дело лишь в том, что кем бы ни был какой угодно «неревский старейшина» - это боярин. Потомки этой родовой ветки – уже крестьяне – носили в XVI в. фамильное прозвание «Молодые Бояре». Наконец, речь ведь не обязательно должна идти о старейшине всего Неревского конца, хотя именно об этом повествует легенда. Как мы видели выше, боярин Сидор Максимович был уличанским старостой, т.е. тоже одним из многих «неревских старейшин», т.е. одним из бояр вообще и одним из бояр с соответствующей должностью. Таким мог быть и боярин Семён 1350-х гг. и его непосредственные предки: причём это весьма вероятно, т.к. если Онцифоровичи принимают у него Карельское кормление, то, вероятно, также и уличанское старостатство.

Таким образом, никогда не следует пренебрегать родовыми легендами. Наша собственная родовая легенда – рода Таланиных – настаивала на том, что мы происходили из дворян, испомещённых при Иоанне I [1533-1584]. Наше исследование показало, каким образом исказилась эта легенда с течением времени. Реальность оказалась такой, что наш род был не дворянским, а боярским, не при Иоанне I, а задолго до него наш род уже был представителем древнейшей русской знати. Наконец, при Иоанне I произошло не испомещение нашего предка во дворянство, а окончательный вывод нашей родовой ветки из Новгорода в Нижегородский уезд с обращением её в дворцовое крестьянство. Таким образом, в нашей родовой легенде не было правды, но в ней содержалось рациональное зерно, испорченное позднейшими домыслами и сказками. То же самое произошло и с легендой Амосовых, которая в отличие от нашей, сохранила гораздо больше полезной информации. Учитывая фамилию «Молодые Бояре», надо думать, что как минимум в течение ста лет после вхождения Новгорода в общерусскую государственную систему, потомки неревского боярства в Двинской земле ещё помнили своё происхождение. Не подлежит никакому сомнению, что об этом отлично помнили и братья Леонтьевичи, переселённые в Нижегородский край: об этом свидетельствует наименование игумена Порфирия

именно боярином. Не может быть сомнений и в том, что как минимум следующее поколение после братьев Леонтьевичей должно было хорошо знать своё происхождение: в нашем случае это братья Лукьяновичи и Захар Артемьевич рубежа XVI/XVII вв. Следовательно, сложение и обрастание сказочными «подробностями» родовых легенд следует относить в нашем случае ко времени не раньше второй четверти XVII в. Поскольку родовая легенда Таланиных была рассказана в нашей ветви Семёном Ивановичем Таланиным (1823-1906), отец которого – Иван Гаврилович Таланин (1799-1883) – был достаточно молод к моменту рождения сына, то её окончательное формирование в завершённом виде могло состояться не позднее второй половины XVIII в. Можно думать, что в случае с «Молодыми Боярами» родовая легенда формировалась приблизительно в то же время – от середины XVII до середины XVIII вв.

Кратко охарактеризуем лиц, показанных на схемах 10-11, и которые ещё нами не упоминались.

Род Леонтьевых/Лентьевых был старшей ветвью, происходившей от «чёлмужского боярина». Бывшая вотчина последнего была к тому времени разделена. Все озёрные острова и рыбные ловли (17 деревень (46 дворов с 57 чел. муж. пола) и 14 обож земли) отошли к боярам Савелию Григорьевичу и его сыну Андрею Савельевичу, который завещал свои земли, будучи бездетным, Хутынскому монастырю. Однако их выкупил обратно неревский посадник Иван Данилович. Впоследствии, ок. 1470/80-х гг., эти земли опять числились за Хутынским монастырем.

Все остальные владения «чёлмужского боярина» принадлежали затем роду Обакуна Григорьевича. В начале 1480-х гг. Семёну Афанасьевичу с сыновьями Юрием и Олферием принадлежало 28 деревень (34 двора с 31 чел. муж. пола) и 16,5 обож земли. В дальнейшем богатейшим представителем рода являлся основатель фамилии – Иван Дмитриевич. Благодаря двум бракам со своими же родичами Амосовыми, он был крупным землевладельцем и ктиторм Михайловского Архангельского монастыря (1519/1520). Впоследствии земли Ивана Дмитриевича дробились между наследниками и уже на рубеже XVI/XVII

веков Леонтьевы/Лентьевы в экономическом смысле полностью сблизились с обыкновенным крестьянством.

Средняя ветвь потомков «чёлмужского боярина» пресеклась в мужской линии к концу 1450-х гг. Помимо того, что принадлежащий к ней боярин Есиф Филиппович известен своими административными должностями, не менее известной является и его супруга Марфа. По смерти супруга она в память своих безвременно погибших (утонувших) сыновей Антона и Филикса основала в устье Двины Николо-Карельский монастырь. Боярин Савелий Григорьевич приобрёл обширные владения в Терпиловом погосте, которые ок. 1422/1423 гг. были раздроблены между всеми здравствующими членами рода. Часть земель бывшей вотчины Андрея Савельевича были выкуплены Василием Фёдоровичем и его племянниками – четырьмя братьями Александровичами – у посадника Ивана Даниловича еще ок. 1415/1417 гг. (Соломбала, Ижма, Лодма, часть Унской губы). 16.II.1491 г. все эти и позднее приобретенные владения были разделены между Амосом Ивановичем, основавшим род Амосовых, и пятерыми братьями Мартемьяновичами, дети одного из которых, Фёдора, основали фамилию Молодых Бояр.

Молодых Бояр также были наиболее богатыми лишь в начале XVI в. В дальнейшем, дробление наследственных участков привело их к такому же захиреванию, как и у Леонтьевых/Лентьевых.

Один из братьев Молодых Бояр – Иван Фёдорович – основал род Кологривовых. По документам 1555 г. общее имущество четырёх из шести его внуков в старшей ветви Кологривовых составляло 2800 московских рублей, а сверх того, каждый из братьев имел собственные владения. Основной доход Кологривовы в сер. XVI в. получали от солеварения. В 1570/80-х гг. их варницы не успевают конкурировать с монастырскими, в результате чего Кологривовы захиревают и постепенно переходят в г. Нёноксу (совр. с. Нёнокса Архангельской обл.) обыкновенными мещанами. К роду Кологривовых принадлежал старец Трифон – зодчий (1588/1596) крепости Соловецкого монастыря.

Богатейшими и известнейшими из потомков «чёлмужского боярина» становятся Амосовы. Перечисление их владений в XVI в. заняло бы слишком

много места, достаточным будет уточнить, что только рыболовное хозяйство Амосовых по беломорскому побережью простиралось на 500 верст. Им принадлежало немалое число холопов, что резко выделяло их среди прочих местных землевладельцев, промышленников и купцов. В XVII в. Амосовы становятся холмогорскими и архангельскими купцами. Филипп Дорофеевич [1713-1714] и Иван Амосовы [1719-1720] был архангелогородскими и холмогорскими бургомистрами. Архангелогородским бургомистром был Кузьма Антонович Амосов [1787-1790]. Племянник последнего, Афанасий Иванович Амосов также занимал должность архангелогородского бургомистра [1796-1799] и архангельского городского головы [1811-1814, 1819-1820, 1823-1826].

Первым Амосовым, дослужившимся до потомственного дворянства, становится Иван Григорьевич (1709-1779), служивший по Дворцовому ведомству с 1742 г. и умерший в чине гоф-штаб-квартирмейстера (равен армейскому полковнику) Двора.

Более известная дворянская ветвь Амосовых была основана Петром Афанасьевичем Амосовым (ок. 1740 – после 1780), матросом-комендором и корабельным мастером Соломбальского Адмиралтейства, перешедшим на службу в Петербургское Главное Адмиралтейство. Его сын Осип (1766 – 1820-е гг.) получил дворянство, достигнув чина форстмейстера (IX класс Табели о рангах). Брат Осипа – Иван Петрович Амосов (1772-1843), генерал-лейтенант (1838), был главным инспектором кораблестроительных работ Кронштадтского порта [1804-1830]. Третий брат – Афанасий Петрович Амосов – выслужил чин подполковника. Его сын, Иван Афанасьевич Амосов (1800-1878), инженер-генерал (1872), был главным инспектором кораблестроительных работ Кронштадтского порта [1860-1873]. Его сыновьями были: Фёдор Иванович (1841-1905), контр-адмирал (1899); Владимир Иванович (1842-1901), генерал-майор (1893), пехота; Афанасий Иванович, полковник, ком. эскадрона при Тверском кавалерийском училище (с 1884); потомки всех троих неизвестны³⁶⁹.

³⁶⁹ *Быховский И.А.* Династия архангелогородских корабелов. Архангельск, 1969; *Он же.* Рассказы о русских кораблестроителях. М., 2013.

Е.Н.Носов, рассуждая об этапах перехода Амосовых в купечество 1-й гильдии и на должности градоначальников на рубеже XVII/XVIII вв., писал: «Так завершалось «социальное перерождение» Амосовых из бывших двинских бояр XV в. в крупнейших архангелородских купцов петровской эпохи. Путь далёкий, извилистый, но весьма характерный для процесса первоначального накопления в феодальной России XVI-XVIII вв.»³⁷⁰ Как было видно, родовой путь Таланиных был таким же. Уровень «крупнейшего купечества» был достигнут нами уже к концу третьей четверти XVI в. Можно было бы думать, что перевод нашего рода в сельскую местность не привёл бы к его упадку. Ведь, действительно, Таланины доросли и до гильдейского купечества (вторая половина XIX в.) и до дворянства (1917). То есть путь Таланиных и Амосовых в основных своих этапах совпадал. Разница была лишь в отсутствии помещичьего землевладения в Северной и наличии его в Центральной Руси. Последнее привело к необходимости искать иные пути развития, что выразилось в уходе нашей основной ветви в белое духовенство. Однако петровская ломка сословного устройства привела к попаданию в помещичье крестьянство, что приблизительно на столетие – в сравнении с Амосовыми – притормозило развитие рода Таланиных.

Для полноты нашего исследования необходимо обратить внимание ещё на две родовые легенды. Первая легенда относится к роду Варфоломеевых, до сего дня живущему в Архангельске. Документально установленным родоначальником здесь является священник Иван Варфоломеев (ум. после 1700), сын которого – священник Стефан Иванович Варфоломеев (1763 – после 1816) – уже носил отцовское отчество в качестве фамилии. Последним священником в роду был Николай Викторович Варфоломеев (1874-1944)³⁷¹. По словам архангельского краеведа, Льва Александровича Варфоломеева (р. 1926), семейную легенду впервые сформулировал его отец – Александр Николаевич (1898-1993), – который «заметил вероятность возможного родословия»³⁷². Он счёл, что у боярина Луки Варфоломеевича был сын, который после убийства отца и

³⁷⁰ Носов Е.Н. Опыт генеалогических изысканий. С.260.

³⁷¹ Шумилов Н.А. Указ. соч. С. 470-471; Варфоломеев Л.А. Искус собственного родословия: на правах рукописи. Архангельск, 2005. С. 7-12.

³⁷² Варфоломеев Л.А. Указ. соч. С. 5.

возвращения Онцифора Лукинича в Новгород, почему-то «отправился на Онегу» и передал своё отчество как фамилию потомству, «расселившемуся по Онеге»³⁷³. В качестве «доказательств» приводится следующее: 1) дворянский род Анциферовых, ведущий происхождение от Онцифора Лукинича; 2) в «Указателе имён» к тому 33 ПСРЛ составителями Онцифор указан как «Варфоломеев Онцифор Лукич»³⁷⁴. Однако, как было показано, дворянский род Анциферовых не может происходить от боярина Онцифора Лукинича, сочинив красивую легенду для собственной значимости. Что же касается «Указателя имён», то налицо банальная описка. Фамильное прозвание роду Варфоломеевых мог дать любой «Варфоломей» в их роду, причём, скорее всего, им был отец первого представителя рода в XVII в. Таким образом, несостоятельность родовой легенды архангельских Варфоломеевых очевидна, и мы привели её лишь для иллюстрации.

Гораздо любопытнее оказывается легенда чёлмужского крестьянского рода Ключарёвых. Его история выглядит следующим образом³⁷⁵. После разгрома Годуновым клана Романовых жену боярина Фёдора Никитича Романова, постриженную под именем Марфы, сослали на жительство в Толвуйский Егорьевский погост Заонежья, т.е. в ту местность, которая в конце XIV в. принадлежала «чёлмужскому боярину». Пребывая в ссылке с зимы 1601/1602 гг. по лето 1606 гг., она нашла способ общаться с постриженным под именем Филарета супругом посредством нескольких семей местных крестьян, среди которых первенствующее положение занимали толвуйский поп Ермолай Герасимов (ум. 1627) и его сын Исак. После воцарения Романовых, Марфа Ивановна отблагодарила крестьян, дав им 18.III.1614 г. земельные владения и сделав их «обельными», т.е. свободными от податей и повинностей. Поп Ермолай с сыном Исаком получили самую большую благодарность в виде волости в Чёлмужском Петровском погосте: 100 четей земли, 10 144 дес. 452 саж. (на

³⁷³ Варфоломеев Л.А. Указ. соч. С. 3-5.

³⁷⁴ Это на самом деле так. См.: Двинской летописец // ПСРЛ. Т. 33 / Сост.: Я.С.Лурье, К.Н.Сербина. Л., 1977. С. 224.

³⁷⁵ Шайжин Н.С. Заонежская заточница, Великая Государыня инокиня Марфа Ивановна // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 3-34; Чернякова И.А. Указ. соч. С. 194-204.

1787 г.) близ Чёлмужи, а также 12 мелких речек в Чёлмужской губе. Эти владения были даны им «навечно» и составляли половину всего Чёлмужского погоста; на 1861 г. Ключарёвы владели совокупно 80 крепостными. Вызванный в Москву, поп Ермолай был сделан ключарём Архангельского собора [1620-1627], каковая должность породила родовую фамилию, а Исак – подьячим в Приказе Казанского дворца. Эти владения наследовали братья Пётр и Фёдор Исаковы Ключарёвы (упом. 1688, 11.I.1700), которые уже не состояли в духовном сословии. На 1892 г. род Ключарёвых состоял из 48 чел. (19 мужчин и 29 женщин) и в полном составе проживал в д. Исаковской Повенецкого у. В 1920-х гг. д. Исаковская была включена в состав села Чёлмужи; на 1926 г. здесь числилось 8 дворохозяев Ключарёвых.

Родовое предание Ключарёвых представляло собой нечто среднее между витиеватой сказкой Амосовых и глухой памятью о дворянстве Таланиных. Ключарёвы именовали себя «боярами», причем всё время в течение XVII-XX вв. М.А.Круковский писал: «Чолмужские крестьяне до сих пор называют себя боярами. Они – потомки настоящих бояр, когда-то переселившихся сюда из внутренней России. Но будучи отделёнными от общей государственной жизни и предоставленными сами себе, своему отчуждению, они слились с окрестным населением, и от прежних бояр осталась одна слава. Теперь это те же крестьяне, только беднее и ленивее окрестных вековечных крестьян. «Боярин Пётр сегодня пьян... Повезет нас боярин Сидор... У боярина Артюхи корова пропала», - все это звучало как-то странно и необыкновенно. Да и где вы найдёте теперь древних русских бояр! Только в Олонецком крае их и можно найти, хотя весь этот край – крестьян»³⁷⁶. Н.С.Шайжин попытался объяснить «боярство» Ключарёвых следующим образом: «Из Толвуи мы сделали поездку в Чёлмужу, к обельным вотчинникам Ключарёвым, потомкам толвуйского священника, потом архангельского ключаря Ермолая Герасимова и сына его – подьячего Исака. Чёлмужские крестьяне до сих пор называют себя боярами... Основанием для подобного утверждения может служить, разве, упоминание в одном документе 1375 г. о чёлмужском боярине Григорие Семёновиче... Может быть в Чёлмуже

³⁷⁶ Круковский М.А. Олонецкий край: путевые очерки. СПб., 1904. С. 225.

поселился кто-либо из его рода? Как бы то ни было, но в Чёлмуже есть «бояре», хотя это и звучит странно и необыкновенно в приложении к ним, тем же крестьянам, что и остальное население Олонецкого края»³⁷⁷.

Теоретически это вполне возможно. Усматривать возможность этого можно хотя бы в факте идеального совпадения владений «чёлмужского боярина» и последующих Ключарёвых. Принадлежность будущих Ключарёвых к священнослужительству не может опровергать это допущение. Во-первых, в цитированной литературе о Молодых Боярах, Леонтьевых/Лентьевых и Кологривовых указывалось, что многие члены этих родов в XVI-XVII веках числились белыми священниками и уходили в монашество. Во-вторых, мы видим пример ухода в монашество и белое духовенство предков Таланиных сразу по освоении их в Нижегородском крае в конце XVI в. Ближайшие предки и родственники попа Ермолая Герасимова тоже были белыми священниками: 1) отец – Герасим Семёнов (упом. толвуйским попом в 1582); 2) брат отца – Парамон Семёнов (диакон 1616; поп 1628); 3) дети Парамона – Евстрат Парамонов (дьячок 1628), Андрей Парамонов (поп 1646), Евтифей Парамонов (поп 1678); 4) сам Ермолай Герасимов упом. попом в 1616 г.³⁷⁸

При этом существует мнение о том, что «боярами» Ключарёвы назвали себя самостоятельно, как землевладельцы, зная, что когда-то их земли принадлежали местному боярину³⁷⁹. Это мнение также может быть справедливо: мы видели примеры, когда потомки священников Варфоломеевых, дворян Анциферовых, дворян Селифонтовых пытались увязать себя с предками, которые не имели к ним никакого отношения. Решить этот вопрос могла бы дополнительная проработка писцовых книг. Книга 1563 г. упоминает следующий толвуйский причт: поп Мартемьян, дьячок Сергиец, пономарь Максимко³⁸⁰. Одновременно книга 1563 г. упоминает, что в д. Повенец вотчины Вяжицкого монастыря числился амбар «Сенки Мартемьянова Попова из Толвуе, среднего человека»³⁸¹.

³⁷⁷ Шайжин Н.С. Указ. соч. С. 31-32.

³⁷⁸ Сулова Е.Д. Служители Церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. С. 27, 103.

³⁷⁹ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. Прим. 334.

³⁸⁰ Писцовые книги Обонежской пятины. С. 137

³⁸¹ Там же. С. 146.

Учитывая, что в писцовых и переписных книгах имя «Сенка» нередко означало и «Арсений» и «Семён», можно видеть в Семёне Мартемьяновиче Попове сына толвуйского попа Мартемьяна и отца будущего попа Герасима Семёнова.

К сожалению, писцовая книга 1496 г. не сохранила информации о Толвуде, поэтому проблему происхождения попа Мартемьяна должно решить исследование дополнительных документов. По нашему мнению, его происхождение от потомков «чёлмужского боярина» вполне вероятно, хотя бы потому, что в их младшей ветви присутствует имя «Мартемьян». Можно допустить, что толвуйский поп Мартемьян мог происходить из младшей или средней линии «чёлмужских бояр». Не менее, - если не более, - вероятно его происхождение от последних вотчинников Чёлмужи после отбора этих земель в 1480-х гг. Семёна Афанасьева и его детей, Юрия и Олферия. В любом случае интересен факт получения толвуйским попом во владение половины почему-то именно Чёлмужского, а не Толвуйского погоста. Поэтому родовая легенда Ключарёвых при тщательном исследовании периода с середины XV до середины XVI вв. может найти своё подтверждение.

Таким образом, вновь повторяя аксиому о важности родовых легенд (прежде всего крестьянских), нужно вспомнить слова М.Е.Бычковой (1936-2014), которая сетовала, что их изучению уделяется слишком мало внимания, в то время как «именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея сословной принадлежности семьи»³⁸².

5. Выводы

Итак, основная цель нашей работы оказывается достигнутой: нам удалось доказать происхождение семьи Леонтьевичей из древненовгородского боярства и тем самым удревнить нашу собственную родословную. Корыстный купчина Лукьян Леонтьев (ок. 1510/1520-х гг. – 1587/1600) оказывается представителем 17-го поколения по основателе боярского рода, проживавшего в Неревском конце

³⁸² Бычкова М.Е. Некоторые задачи генеалогического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 14. С. 13.

Великого Новгорода, а автор настоящей работы – представителем 31-го поколения по основателе рода. Определить число поколений от достоверно выявляемого первопредка 568/570 гг. не представляется возможным. Можно лишь очень грубо предположить, что т.к. на одно поколение кладётся 30-летний срок и в течение века сменяются три поколения, а с 570 г. до Добрыни Нискинича прошло 400 лет: тогда Добрыню Нискинича (ум. ок. 997/1001) можно было бы считать представителем не менее 12-го поколения от Добрыты/Добрыни 570 г. Таким образом, 2015-й год от Рождества Христова можно считать юбилейным годом, в котором исполняется 1070 лет первого упоминания исследуемого рода в русских летописях. Более того, этот год является юбилейным и в том случае, если вести отсчёт с VI в.: в этом случае нашему роду исполняется 1445 лет.

Однако всё это – узкогенеалогический интерес, в полной мере понятный лишь нам самим и направленный на возрождение памяти о предках, то есть на то, на чем базируется духовность и государственность. Как кажется, помимо решения узконаправленных вопросов, нам удалось получить ряд собственно научных результатов, которые могут оказаться достаточно интересными.

Нам удалось после работ Е.Н.Носова (1968) и А.И.Копанева (1978) показать наглядно процесс т.н. «дефеодализации» древненовгородского боярского рода. Причем, если обе предыдущие работы были написаны обобщённо, нам удалось проследить на примере конкретного боярского рода этот процесс настолько детально, насколько позволяет это сделать современное состояние источников. Тем самым, наше исследование показало возможность восстановления древненовгородской боярской генеалогии через крестьянские родословные³⁸³.

Исходя из последнего, нам удалось показать, что боярский род Мишиничей-Онцифоровичей из Неревского конца Великого Новгорода состоял из трёх ветвей. Старшая – ветвь Мишиничей – ранее была детально исследована в работах В.Л.Янина. Мы сумели восстановить пять последних (новгородских) поколений средней ветви – Онцифоровичей, а также полностью восстановить

³⁸³ Что, в свою очередь, подтверждает позицию С.Б.Веселовского (1876-1952) и М.Е.Бычковой о том, что «при изучении истории крестьянских семей» перед генеалогией «открываются большие перспективы». См.: *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 10.

младшую ветвь, условно названную нами «Григорьевичами», ставшую с конца XIV в. т.н. «двинскими боярами». Также наш поиск позволил установить, что некоторые потомки новгородских боярских родов – во всяком случае на примере исследуемого рода – могли, будучи «дефеодализованными», остаться в Новгородской земле, причем как в городской черте Новгорода, так и в сельской местности, вплоть до 1570-х гг.³⁸⁴

Кроме того, оказалось возможным решить задачу отыскания непосредственного предка братьев Мишиничей, основавших род Мишиничей-Онцифоровичей-Григорьевичей, в каком-то поиске нам помогло изучение

³⁸⁴ В некоторых случаях после «дефеодализации» достаточно быстро произошла, если можно так выразиться, обратная «феодализация». Первый пример мы уже видели в лице Григория и Семёна Ивановых Селифонтовых, ставших помещиками. Рассмотрим второй пример. Книги Бежецкой пятины в 1545 г. указали, что в волости Лощемле была «слободка Лутошинская в Ползикове в Михайловском погосте, а прибыла после Васильева писма Наумова по Микитиным книгам Зезевитова лета 7026». См.: Книги Бежецкой пятины. С. 417-418. Здесь указывается «отцовское поместье» за Фёдором и Иваном Михайловыми детьми Посаднича. Причём по переписи 1545 г. им придано еще 2 деревни с землями. См.: Там же. С. 418-419. В этой же слободке их непосредственным соседом является помещик Иван Григорьев сын Посаднича, которому также приданы новые земли в 1545 г. См.: Там же. С. 419-420. Третьими соседями этой слободки являются три брата, в числе которых присутствует упомянутый Иван Григорьев: Митя, Иванко и Матвейко Григорьевы дети Посаднича. См.: Там же. С. 420. Последним соседом слободки является помещик Пётр Агафонов сын Черкасов и его сын Михаил; указано, что он стал жителем слободки «лета 7027». См.: Там же. С. 420-422. Все те же помещики упомянуты и в 1551 г.: 1) Фёдор и Иван Михайловы дети Посаднича. См.: Там же. С. 743-744. 2) Митя, Ивашко, Матфейко Григорьевы дети Посаднича. См.: Там же. С. 744. 3) Черкасовы. См.: Там же. С. 744-745. 4) Иван Григорьев сын Посаднича. См.: Там же. С. 745-746. «Сын посаднича/посадничий» - этот термин регулярно употребляется как в летописи с XIII в., так и в берестяных грамотах. Следовательно, в 1518 г. в Бежецкой пятине были помещены две семьи помещиков, являющихся прямыми потомками бывших новгородских посадников. По нашему мнению, их нужно искать среди тех новгородских бояр, которые упоминаются в 1480/90-х гг. Как кажется, из них нужно выбрать Григория Михайловича *Тучина*, посадника [1475], добровольно успевшего перейти на московскую службу в октябре 1477 г. В 1490-х гг. он был приверженцем известной «ереси жидовствующих». См.: *Иосиф Волоцкий*. Просветитель / Пер. В.М.Кириллина // Записки отдела рукописей. М., 2000. Вып. 51. С. 131. Как показал В.Л.Янин, он был из боярства Прусской улицы, восходя к посаднику Михалко Степановичу (ум. 1206). См.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 118-156. Его боярщины и владения его сына – Михаила Григорьевича – были изъяты, но они оба получили иные земли в поместье. См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 418; *Он же*. Новгородские акты XII-XV вв. С. 123. Как кажется, в братьях Григорьевичах детях Посаднича нужно видеть сыновей Григория Тучина, а в братьях Михайловичах детях Посаднича – его внуков, сыновей Михаила Григорьевича.

церковных синодиков, а также уверенно связать Мишиничей-Онцифоровичей-Григорьевичей с боярской семьей Малышевичей.

Посредством анализа летописной информации в сочетании с опубликованными исследованиями и археологическими данными удалось выявить всех, где-либо упоминаемых представителей боярского клана Неревского конца X-XII вв. и связать их соответствующими линиями генеалогического родства. Если восстановление недостающих звеньев рода Мишиничей-Онцифоровичей-Григорьевичей и их увязывание в единый комплекс с Малышевичами мы полагаем бесспорным, то генеалогические схемы X-XII вв. в некоторых случаях восстанавливаются только с помощью логического анализа. Это можно считать недостатком нашей работы, но следует уточнить, что и в этих случаях в реконструируемых генеалогических связях отсутствуют разрывы поколений. Это означает, по нашему мнению, что если предложенные нами связи и не являются бесспорными, то они вполне могут рассматриваться в качестве рабочей гипотезы для дальнейших исследований.

В результате нашего исследования выяснилось, что родоначальником боярского клана новгородского Неревского конца является последний наследственный князь Древлянской земли Нискиня, упоминаемый летописями ок. 945/946 гг. В свою очередь, Нискиня и его сын Добрыня, дядя по матери В.К. Владимира I Святославича, ставший прототипом былинного Добрыни Никитича, восходят к Великому Князю (верховному правителю) *склавинов* Добрыте/Добрыне ок. 568/570 гг.

Таким образом, в нашей работе мы попытались собрать воедино все известные сегодня факты и предположения о боярстве Неревского конца Великого Новгорода и его небоярских потомках. Не все факты твёрдо установлены, не все предположения базируются на твёрдых фактах. Мы пользовались некоторыми гипотезами и предлагали гипотезы собственные. На этом пути – поиске и предложении гипотез – нужно, как представляется, руководствоваться словами виднейшего отечественного египтолога, акад. М.А.Коростовцева (1900-1980): «В науке чувство нового призвано играть огромную роль, оно необходимо для науки. Но всякая научная инновация должна быть строго аргументирована, либо

зиждаться на уже принятых положениях науки, либо опровергать их, опять-таки логически и обоснованно. И гипотезы, этот важнейший инструмент научного прогресса, должны исходить из каких-либо твёрдо установленных данных, или в какой-то степени соответствовать им»³⁸⁵. Как кажется, мы смогли соответствовать этой установке.

Разумеется, наше исследование не может оказаться свободным от известных погрешностей и недочётов. Вне всякого сомнения, какие-либо аспекты нашей работы могут быть и будут подвергнуты необходимой критике. Однако при современном состоянии источников по исследуемому вопросу, как письменных, так и археологических, эти спорные моменты, как представляется, не могут быть доказаны более аргументированно, нежели это сделано нами, а равно и не могут быть столь же аргументированно опровергнуты. В этом смысле нашу работу можно полагать посылом для дальнейших изысканий в этом направлении. Последнее тем более важно и нужно, что ряд представителей неревского боярства выселялся из Великого Новгорода задолго до XV в. Поскольку эти люди могли выселяться со своими семьями, то поиск их потомков в Киеве после 1113 года, Новгород-Северске и Чернигове после 1185 года, Смоленске после 1186 года, Галиче (на Волыни) после 1217 года может в будущем оказаться успешным. Нам в настоящей работе не удалось твёрдо установить прямых потомков неревского боярского рода, помимо трех изначально крестьянских родов села Богородского Горбатовского уезда Нижегородской губернии, четырех изначально крестьянских родов Двинской земли (Архангельской губернии), однако это вовсе не означает, что их (иных потомков) не было³⁸⁶.

³⁸⁵ Коростовцев М.А. О транскрипции и вокализации египетских антропонимов и топонимов // Вестник древней истории. 1973. № 2. С. 109.

³⁸⁶ Можно быть уверенными в том, что чёлмужские крестьяне Ключарёвы тоже являются потомками неревского боярства, однако это единственный род, в отношении которого нам не удалось доказать этого документально. Однако речь может идти отнюдь не только о «крестьянском» направлении. Если вспомнить Евфросинию Мстиславну, дочь В.К. Мстислава I и Любавы Дмитриевны, то поиск в выявлении её потомков, хотя и по женской линии, может оказаться более чем успешным. Её детьми были венгерские короли Иштван III [1162-1172] и Бела III [1172-1196], продолжившие свою династию и далее. Её дочь Эржебет (Елизавета) была женой князя Фридриха Богемского и имела с ним шестерых детей. Её дочь Адель была женой князя Сватоплука Богемского. Её дочь Елена была женой герцога Австрии и Штирии Леопольда V, продолжившего от неё линию австрийского герцогского дома. Более

А.А.Гиппиус в 2006 году указывал: «Потомки Добрыни действительно не могли раствориться в Новгороде без следа и вполне могут присутствовать среди новгородской знати не только XI в., но и последующих столетий... Догадка А.Поппэ о том, что знаменитый «протопроедр Евстафий», чей титул с несомненностью указывает на пребывание в Византии и какие-то константинопольские связи, был сыном Остромира и Феофаны.. позволяет увидеть потомков Остромира (а может быть, и Добрыни) в неревских посадниках Дмитре Завидиче (1118), Завиде Дмитриевиче (1128) и Завиде Неревиниче (1175-1186). Заметим, что это родство вполне способно объяснить тот факт, что дочь Дмитра Завидича стала в 1122 г. второй женой Мстислава Великого»³⁸⁷.

Как кажется, в настоящей работе нам удалось значительно развить эту догадку, показав все боярские семьи Неревского конца, происходившие от Добрыни.

В книге, опубликованной 38 лет назад, В.Л.Янин писал: «Хорошо известно, что участие новгородского боярства в формировании позднейшей русской аристократии было минимальным, причиной чему послужили мероприятия Ивана III, проведённые сразу по ликвидации новгородской независимости. Массовое переселение новгородских землевладельцев в Низовские земли, замена их широким контингентом новых для Новгорода и его земли лиц, по существу, деклассировали древнюю аристократию Новгорода. Мы не знаем потомков гордых боярских родов Берденевых и Грузовых, Борецких и Лошинских, Казимера и Короба. Находившиеся на вершине власти, правившие огромным государством, распространявшие своё могущество на весь русский северо-запад,

того, т.к. Мстислав I был сыном дочери последнего англосаксонского короля Гарольда II [янв. – окт. 1066], а правнучка Евфросинии – Иоланда Венгерская (королева Арагона) – выдала свою дочь за французского короля Филиппа III [1270-1285], а внучка Филиппа III – Изабелла Французская (1295-1358) – стала матерью английского короля Эдуарда III [1327-1377], который является предком всех английских и современных британских монархов, то Евфросиния не только является предком британских королевских династий с середины XIV в., но и связующим звеном между ними и староанглийскими королями. См.: *Louda J. MacLagan M. Op. cit.* Кроме того, существует мнение, что, помимо Евфросинии, Мстислав I имел от Любавы Дмитриевны ещё одну дочь – Дюрансию (ум. после 1160), ставшую женой оломоуцкого князя Оттона III [1140-1160] (из Пржемысловичей). От этого брака родилось пять дочерей и двое сыновей и предполагается наличие шестой дочери. См.: *Brzeziński W. Op. cit.; Dąbrowski D. Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 649-651.*

они оказались низвергнутыми и если не были уничтожены физически, то во всяком случае бесследно растворились в городах и городках центральной Руси»³⁸⁸.

По нашему мнению, наша работа позволяет возродить память о самом гордом среди прочих древненовгородском аристократическом роде, являющимся прямым потомком *древнейшей русской правящей доваряжской династии*, а также уверенно сказать о том, что все имевшее место когда-либо на Земле никогда не исчезает бесследно, ибо всё в руке Божией, и только Он знает, когда, что и кому должно открыться.

³⁸⁷ Гиппиус А.А. Скандинавский след в истории новгородского боярства. С. 94.

³⁸⁸ Янин В.Л. Очерки истории комплексного источниковедения. С. 204.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV-XVI вв. (Коропья, Копна, Обжа) // Проблемы источниковедения. 1963. Т. 11.
2. *Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик. Репр. изд. 1931. К., 1991.
3. *Азбелев С.Н.* Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 15.
4. *Аксёнов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
6. *Андреев А.Р.* Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное описание. Историческая хроника XIII в. М., 1998.
7. *Андреев В.Ф.* Новгородский частный акт XII-XV вв. М., 1986.
8. *Архимандрит Сергей (Тихомиров).* Новгородский уезд Вотской пятины по писцовой книге 1500 года: историко-экономический очерк. М., 1900.
9. *Арциховский А.В.* Городские концы в древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16.
10. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958-1961 гг.). М., 1963.
11. *Бадигин К.С.* По студеным морям. М., 1956.
12. *Баранов В.К.* Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России 2000. М., 2000. Вып. 4.
13. *Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
14. *Бассалыго Л.А.* Новгородские тысяцкие. Часть III // Новгородский исторический сборник. 2013. Вып. 13(23).
15. *Башкиров В.В., Башкирова Л.Р.* Богородск – годы, события, люди. Н. Новгород, 2000.
16. *Белоброва О.А.* Две редакции жития Антония Дымского // ТОДРЛ. 1997. Т. 50.
17. *Бобров А.Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени // Пушкин и другие. Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичёва. Новгород, 1997.

18. *Бобров А.Г.* Ксенофонов Робе́йский монастырь // София. 1998. № 3.
19. *Бобров А.Г.* Летописный свод митрополита Фотия // ТОДРЛ. 2001. Т. 52.
20. *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
21. *Богословский М.М.* Кредит в земском хозяйстве XVII в. // Сб. статей, посвящённых В.О.Ключевскому его учениками, друзьями, почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909.
22. *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989.
23. *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.
24. *Буров В.А.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1979. № 1.
25. *Буров В.А.* К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода // Советская археология. 1989. № 4.
26. *Буров В.А.* О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951-1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988.
27. *Буров В.А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
28. *Буров В.А.* Соседи бояр Мишиничей-Онцифоровичей по Холопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV-XV вв.) // Советская археология. 1979. № 3.
29. *Буслаев Ф.И.* Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.
30. *Быков А.В.* Новгородское войско XI-XV веков // Автореф... дис. канд. ист. н. Великий Новгород, 2006.
31. *Быховский И.А.* Династия архангелогородских корабелов. Архангельск, 1969.
32. *Быховский И.А.* Рассказы о русских кораблестроителях. М., 2013.
33. *Бычкова М.Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 14.
34. *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
35. *Варганов Л.Д.* Суздаль. М., 1944.
36. *Варенцов В.А.* Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8.

37. *Варфоломеев Л.А.* Искус собственного родословия: на правах рукописи. Архангельск, 2005.
38. *Васильев Ю.С.* Выпись из писцовых книг 1587-1588 гг. на владения приходских церквей в Андреянове стане // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
39. *Васильев Ю.С.* К вопросу о двинских боярах XIV-XVI вв. // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1.
40. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К.В.Баранов. СПб., 2001.
41. *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009.
42. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
43. *Водов В.* Первые новгородские святыни и святые (до начала XV века) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л.Янина. М., 1999.
44. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.
45. *Гиляров Ф.А.* Предания русской начальной летописи (по 969 год). М., 1878.
46. *Гимон Т.В.* Янь Вышатич и его предки: новые соображения // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 22. М., 2010.
47. *Гиппиус А.А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. 2011. № 1(43).
48. *Гиппиус А.А.* Пётр и Якша: к идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19).
49. *Гиппиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А.Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27.

50. *Гиппиус А.А.* «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 13. М., 2001.
51. *Голикова Н.Б.* Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979.
52. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1.
53. *Гордиенко Э.А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в жизни и мистериях // Древняя Русь. 2004. № 2(16).
54. *Горовенко А.В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011.
55. *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
56. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н.Валк. М.; Л., 1949.
57. *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1960. Т. 4.
58. *Григоров А.И.* Бояре Овины и обитель Преподобного Паисия Галичского. Образ Богоматери Овиновская // Тр. VIII Филевских чтений. М., 2003.
59. *Григоров А.И.* Материалы по истории русских фамилий. Овиновы. М., 2006.
60. *Гуцин А.Р.* Из наблюдений над именованьем домонгольских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1995.
61. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2001.
62. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. 33 / Сост.: Я.С.Лурье, К.Н.Сербина. Л., 1977.
63. *Джаксон Т.Н.* Austr í Görðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
64. *Дмитриев Л.А.* Житийные памятники русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973.
65. *Дмитриев Л.А.* Повесть о варяжской божнице // ТОДРЛ. 1988. Т. 41.
66. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 4. СПб., 1857.
67. *Дубровин Г.Е.* О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь. 2010. № 3(41).
68. *Дубровин Г.Е.* «...Полюжая Городьщиница Жирошкина Дъци...» (К вопросу об основательнице новгородского Евфимьина монастыря в Плотниках) // Древняя Русь. 2008. № 2(32).

69. *Дубровин Г.Е.* Формирование Плотницкого конца и государственные реформы в Новгороде в середине – второй половине XIII в. // *Древняя Русь*. 2013. № 1(51).
70. *Желтов М.С.* Служебник Варлаама Хутынского // *Православная энциклопедия*. 2003. Т. 6.
71. *Жуков А.Ю.* Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII-XVII вв.) // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования*. Вып. 1. Петрозаводск, 2008.
72. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М., 2004.
73. *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // *Вопросы языкознания*. 2006. № 3.
74. *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian linguistics*. 1993. Т. 16.
75. *Звіздецький Б.А.* Малинське городище древлян // *Старожитності Русі-України*. Київ, 1994.
76. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982.
77. *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // *Раннефеодальные государства на Балканах в VI-XII вв.* М., 1985.
78. *Иосиф Волоцкий.* Просветитель / Пер. В.М.Кириллина // *Записки отдела рукописей*. М., 2000. Вып. 51.
79. *Ипатьевская летопись* // *ПСРЛ*. М.; Л., 1962. Т. 2.
80. *История Византии* / Отв. ред. А.Д.Сказкин. Т. 1. М., 1967.
81. *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* / Под общ. ред. Н.А.Кораблёва, В.Г.Макурова, Ю.А.Савватеева, М.И.Шумилова. Петрозаводск, 2001.
82. *Казакова Н.А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. // *Новгородский исторический сборник*. 1962. № 10.
83. *Камкин А.В.* Крестьянский мир на Русском Севере (XVIII век). Вологда, 1995.
84. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 2.

85. *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009.
86. *Карпов А.Ю.* Православные святые и чудотворцы. М., 2005.
87. *Кирпичников А.Н., Сапков В.М.* Крепость Орешек. Л., 1979.
88. Книги Бежецкой пятины // Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. 6.
89. *Князький И.О.* Власть и Церковь на Руси при Святославе Ярославиче // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Мат. конф. М., 2008.
90. *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по истории России в XX веке). М., 2001.
91. *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. 4.
92. *Копанев А.И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978.
93. *Коростовцев М.А.* О транскрипции и вокализации египетских антропонимов и топонимов // Вестник древней истории. 1973. № 2.
94. *Котляр М.Ф.* Давньоруська державність: до і після Любеча // Укр. істор. журн. 1997. № 4.
95. *Коховя Л.А.* Промышленное развитие села Иванова – города Иваново-Вознесенска в XVII – начале XX в. // Автореф... канд. ист. наук. Иваново, 2002.
96. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М., 1960.
97. *Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах (X-XVI в.). Петрозаводск, 1990.
98. *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
99. *Круковский М.А.* Олонецкий край: путевые очерки. СПб., 1904.
100. *Куза А.В.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968.
101. *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.
102. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
103. *Кулишер И.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

104. *Кучкин В.А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11.
105. *Ледров С.М.* Кожевенная промышленность села Богородского до середины XIX века // Богородск – город кожевников. Материалы краеведческих чтений / Общ. ред. А.В.Любавина. Богородск, 2013.
106. Лавочная книга Новгорода Великого 1583 г. М., 1930.
107. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 1.
108. Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889.
109. *Литаврин Г.Г.* Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
110. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
111. *Лихачёв Д.С.* Комментарии // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2.
112. *Лихачёв Д.С.* «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. Т. 17.
113. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
114. *Мавродин В.В.* Против фальсификации истории географических исследований // Изв. Всесоюзного географического общества. 1958. Т. 90.
116. *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1.
117. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. Н. Новгород, 1913.
118. *Медынцева А.А.* Письма Григория – тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.
119. *Миронова В.Г.* Из истории юридической практики древней Руси // История и культура древнерусского города. М., 1989.
120. *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
121. *Мишулин В.И.* Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1.

122. *Молчанов А.А.* Боярин Миша – предок новгородского посадничьего рода // *Летопись Историко-Родословного Общества в Москве.* 2004. Вып. 8-9 (52-53).
123. *Молчанов А.А.* Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков, 1988.*
124. *Молчанов А.А.* Новгородское боярство в X-XI вв.: славянский и скандинавский компоненты // *Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011.*
125. *Молчанов А.А.* Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1997.
126. *Молчанов А.А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. Т. 2.*
127. *Морошкин М.* Славянский именовослов. СПб., 1867.
128. *Мусин А.Е.* Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X-XVI веках. СПб., 2013.
129. *Мусин А.Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // *Новгород и Новгородская земля.* 2002. Вып. 16.
130. *Назаренко А.В.* Антоний (Добрыня Ядрейкович), свт. // *Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.*
131. *Назаров В.Д.* О феодальном землевладении в Новгородской республике (К выходу книги В.Л.Янина «Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981») // *История СССР.* 1984. № 2.
132. *Несин М.А.* Новгородские тысяцкие в XIV веке // *Вестн. Удмуртского университета.* 2014. Вып. 3.
133. *Никоновская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1965. Т. 9.*
134. *Новгородская IV летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 4.*
135. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.*

136. *Носов Е.Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989.
137. *Носов Е.Н.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XIV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.
138. *Павлов А.А., Орфанов И.К.* Города нашей области. Горький, 1969.
139. *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898.
140. *Панченко А.М.* Русская история и культура: работы разных лет. СПб., 1999.
141. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. 1.
142. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. Первая половина // Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. 3.
143. Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11.
144. Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12.
145. Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498, 1539, 1552-1553 гг. // Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. 4.
146. *Перхавко В.Б.* Кузьма Минин // Московский журнал. 2000. № 4.
147. *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.
148. Писцовые книги Новгородской земли / Сост. В.К.Баранов. Тт. 3-6. М., 2001-2009.
149. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
150. *Подвигина Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976.
151. *Покровская Л.В.* Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. 2005. Вып. 19.

152. *Поппэ А. А.А.Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. 2008. № 3(33).*
153. *Поппэ А. Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н.Джаксон. М., 2011.*
154. *Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. М., 1974.*
155. *Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16).*
156. *Преображенский А.А. Российское предпринимательство XVI – начала XX в. // Отечественная история. 1998. № 6.*
157. *Прозоровский Д.И. О родословии Св. Антония, архиепископа Новгородского // Известия Императорского Русского Археологического общества. 1880. Т. 9.*
158. *Прозоровский Д.И. О родстве Св. Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1.*
159. *Пуцко В.Г. Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // Новгородский исторический сборник. 2005. Вып. 10(20).*
160. *Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.*
161. *Рассадин С.Е. Именослов IV-VI вв. н.э. как источник по этногенёзу славян // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 4 (17).*
162. *Рубан Ю.И. Служебник Варлаама Хутынского (ГИМ. Син. 604/343, кон. XII – нач. XIII в.): описание, тексты, комментарии // Уч. Зап. Российского Православного университета апостола Иоанна Богослова. М., 1996.*
163. *Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.*
164. *Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIV вв. М., 1982.*
165. *Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10.*
166. *Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.*
167. *Рыбина Е.А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978.*
168. *Рыбина Е.А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. М., 1989.*

169. *Савёлов Л.М.* Лекции по русской генеалогии. М., 1909.
170. *Савёлов Л.М.* Родословные записи. М., 1906. Т. 1.
171. Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А.Гиндин, С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин. Т. 1. М., 1991.
172. *Священник Димитрий Пономарёв.* Житие преподобного Антония Дымского как достоверный исторический источник. СПб., 2014.
173. *Седов В.В.* Собор Ризоположенского монастыря в Суздале // Новгородские древности. 2000. Вып. 5.
174. *Седов Вл.В.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009.
175. *Селифонтов Н.Н.* Родословная Селифонтовых и Румянцовых: «для друзей». СПб., 1890.
176. Село Богородское в XVII веке: документы и исторический очерк / Сост. С.М.Ледров, В.М.Беляева. Н. Новгород, 2014.
177. *Семёнов А.И.* Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. 1969. Т. 17.
178. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 3. М., 2006.
179. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Сороколетов. СПб., 2010. Вып. 43.
180. *Смирнова М.А.* Историческая справка // Богородская газета. 10.XII.2003.
181. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 5. М., 1988.
182. Софийская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.
183. *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаментных кодексов XI-XIV вв. М., 2000.
184. *Суслов В.В.* Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888.
185. *Сулова Е.Д.* Служители Церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013.
186. *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935.

187. *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска // Краевед Берёзополья – 2015. Ч. 2 / Предс. редколл. А. В. Любавин. Богородск, 2015.
188. *Таланин В.И.* У истоков Руси. Очерки истории IX-XI вв. Запорожье, 2001.
189. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Тт. 1-3.
190. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII-XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV-XV вв. М., 1992.
191. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
192. *Толстой М.В.* История Русской Церкви. М., 1991.
193. *Усачёв А.С.* «Старость глубокая» в XIV-XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. 2014. № 1(55).
194. *Успенский Ф.Б.* Мстислав и Христина: новгородско-шведские связи XI – начала XII вв. // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007.
195. *Успенский Ф.Б.* Мстиславля Христина: шведско-новгородские связи конца XI в. // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. Т. 1.
196. *Фадеев Л.А.* Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. М., 1976.
197. *Фролов А.А.* Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495-1496 годов // Древняя Русь. 2004. № 3(17).
198. *Хорошкевич А.Л.* Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989.
199. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1859.
200. *Хрусталёв Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. СПб., 2009. Т. 1.
201. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

202. *Чеченков П.В.* «Град» и «посад» в Нижнем Новгороде XIV–XVI веков (по письменным источникам) // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Н. Новгород, 2012.
203. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.
204. *Членов А.М.* Древляньське походження князя Володимира // Укр. істор. журн. 1970. №№
205. *Членов А.М.* По следам Добрыни. М., 1986.
206. *Шайжис Н.С.* Заонежская заточница, Великая Государыня инокиня Марфа Ивановна // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912.
207. *Шалыгина Н.В.* Язык и текстология древнерусского Служебника Варлаама Хутынского (по рукописи ГИМ. Син. 604, нач. XIII в.) // Автореф... канд. филол. н. М., 2009.
208. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
209. *Шилов А.Л.* Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1.
210. *Шмидт С.О.* Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. 1961. № 3.
211. *Шмидт С.О.* Предание о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. К 60-летию А.В.Архицовского. М., 1962.
212. *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец: генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли. Генеалогический справочник. Архангельск, 2009.
213. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–IV): текст, перевод, комментарий / Под ред. А.В.Назаренко. М., 2004.
214. *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913.
215. *Янин В.Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10.

216. Янин В.Л. Крещение Новгорода и христианизация его населения // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М., 1987.
217. Янин В.Л. Новгород как социальная структура // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996.
218. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
219. Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.
220. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.
221. Янин В.Л. Основные итоги археологического изучения Новгорода // Славянский средневековый город. Тр. VI межд. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2.
222. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
223. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
224. Янин В.Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Вестн. Новгородского государственного университета. 2006. № 38.
225. Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.
226. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.
227. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
228. Basic J. Slav: the origin and meaning of the ethnonym // Slovene Studies. 1987. Vol. 9. P. 37.
229. Brzeziński W. Pochodzenie Ludmiły, żony Mieszka Piłtonogiego. przyczynek do dziejów czesko-polskich w drugiej połowie XII w. // Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów, Toruń, 1997.
230. Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008.
231. Jireček C. Geschichte der Bulgaren. Leipzig, 1870.

232. *Louda J. MacLagan M.* Lines of Succession: Heraldry of the Royal Families of Europe. London, 1999.
233. *Rospond S.* Słowiańskie imiona w źródłach antycznych // *Lingua Posnaniensis*. 1968. Vol. 12-13.
234. *Sahaidak M.* Medieval Kiev from the perspective of an archaeological study of the Podil district // *Ruthenica*. 2005. T. 4.
235. *Sokop B.* Stammtafeln europäischer Herrscherhäuser. Wien; Köln; Weimar, 1993.
236. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A. Kazhdan. 1991. Vol. 3.

Наукове видання
(російською мовою)

ТАЛАНИН Віталій Ігоревич

**Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки:
генеалогическое исследование**

Підп. до друку 17.09.2015. Формат 60×90/16. Папір офсетний.
Друк ризографічний. Умовн. друк. арк. 9,5.
Замовлення № 145. Наклад 300 прим.

Запорізький національний університет
69600, м. Запоріжжя, МСП-41
вул. Жуковського, 66

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2952 від 30.08.2007 р.